Станислав ЛЕМ

Рисунки А. Соколова.

Гость из бездны

Рассказ Пиркса

— Фантастические романы? Да, я их люблю, но только плохие. Вернее, не то что плохие, а выдуманные. На ракете у меня всегда есть под рукой что-нибудь в этом духе,— чтобы на досуге прочесть несколько страниц, хотя бы из середины, а потом отложить. Хорошие — совсем другое дело; я их читаю только на Земле.

Почему? По правде говоря, толком не знаю. Не задумывался над этим. Хорошие книги всегда правдивы, даже если в них описываются события, которых никогда не было и не будет. Они правдивы в другом смысле — если в них говорится, к примеру, о космонавтике, то говорится так, словно чувствуешь эту тишину, которая совсем непохожа на земную, это спокойствие, такое абсолютно нерушимое... И что бы в них ни изображалось, а мысль всегда одна,— человек т а м никогда не будет чувствовать себя, как дома.

На Земле ведь все какое-то случайное — дерево, стена, сад, одно можно заменить другим, за горизонтом открывается другой горизонт, за горой — долина, а там все выглядит совсем иначе. На Земле людям никогда не приходит в голову, до чего это ужасно, что звезды не двигаются; лети хоть целый год полным ходом — и никаких перемен не заметишь. Мы летаем в воздухе, ездим по земле, и кажется нам: мы знаем, что это такое — пространство.

Этого не передашь словами. Помню, однажды возвращался я из патрульного полета, где-то у Арбитра слышал разговоры издалека — кто-то с кем-то ругался из-за очереди на посадку — и случайно заметил другую возвращающуюся ракету. Этот парень думал, что он один. Он так кидал свой бочонок, что тот дергался, будто припадочный. Все мы знаем, как это бывает: через день-другой в космосе находит на тебя охота что-нибудь выкинуть, все равно что: дать полный ход, помчаться куда-нибудь, крутануть на большом ускорении так, чтоб язык высунуть... Прежде я думал, что это вроде бы неприлично — человек не должен так потворствовать себе. Но, по сути дела, тут лишь отчаяние, лишь охота показать язык космосу. Космос не меняется так, как меняется, к примеру, дерево, и поэтому, наверное, трудно с ним свыкнуться.

Так вот, хорошие книги именно об этом и говорят. Ведь обреченные на смерть не станут читать описание агонии, вот и мы все как-никак слегка побаиваемся звезд и не хотим слышать о них правду, когда находимся среди них. Это верно, тогда лучше читать то, что отвлекает внимание, но мне, по крайней мере, больше всего подходят именно вот такие занимательные звездные истории,— ведь в них все, весь космос становится таким добропорядочным... Это добропорядочность для взрослых, так что там есть катастрофы, убийства и всякие другие ужасы, но все равно они добропорядочные, невинные, потому что с начала до конца выдуманные: стараются напугать, а ты только улыбаешься.

То, что я вам расскажу,— это вроде таких историй. Только со мной она действительно случилась. Впрочем, это несущественно.

Было это в год Спокойного Солнца. Как обычно, в этот период шла генеральная уборка вокруг Солнца, сметали и выметали массу железного лома, который кружится на уровне орбиты Меркурия; за те шесть лет, пока строили большую станцию в его перигелии, там в космос набросали кучу старых поломанных ракет, потому что работы велись по системе Ле Манса, и вместо того, чтобы сдавать эти трупы ракет на слом, их применяли вместо лесов. Ле Манс как экономист был сильнее, чем как инженер: станция, построенная по его системе, действительно обходилась втрое дешевле, чем обычная, которую монтируют в пространстве, но доставляла такую уйму хлопот, что после Меркурия никто уж не соблазнялся этой «экономией». Но тут Ле Мансу пришла в голову новая идея — отправить этот ракетный морг на Землю; чего ж ему крутиться в пространстве до скончания веков, если можно переплавить его в мартенах? Но чтобы эта затея окупилась, приходилось посылать для буксирования такие ракеты, которые были немногим лучше этих трупов.

Я был тогда пилотом патруля с вылетанными часами, а это означает, был им лишь на бумаге и по первым числам, когда получал зарплату. А летать мне до того хотелось, что я согласился бы и на железную печку, лишь бы она имела хоть какую-нибудь тягу; поэтому нечего удивляться, что, едва успев прочитать объявление Ле Манса, я явился в его бразильское бюро.

Не хочу утверждать, что экипажи, которые формировал Ле Манс или, вернее, его агенты, были чем-то вроде кадров Иностранного легиона или разбойничьего сброда,— такие типы вообще не летают. Но люди теперь редко отправляются в космос в поисках приключений,— их там нет, или по крайней мере в принципе нет,— так что решаются они на полет либо с отчаяния, либо так как-то, случайно; и это уж самый плохой материал, потому что служба наша требует больше выдержки, чем морская, и тем, которым все равно, не место на ракете.

Я не занимаюсь психологическими изысканиями, а просто хочу объяснить, почему я уже после первого рейса потерял половину команды. Мне пришлось уволить техников, потому что их споил телеграфист, маленький метис, который придумывает гениальнейшие способы, чтобы контрабандой протащить алкоголь в ракету. Этот тип в прятки со мной играл. Запускал пластикатовые шланги в канистры... впрочем, не будем об этом. Я думаю, он способен был запрятать виски в реактор, если б это оказалось возможным.

Воображаю, до чего возмутили бы такие истории пионеров астронавтики. Не пойму, почему они верили, что сам по себе выход

на орбиту превращает человека в ангела. Может, они, сами того не понимая, думали о том голубом, райском небе, которое так быстро исчезает при старте? Впрочем, упреки эти не слишком умны. Этот метис, родом из Боливии, подрабатывал продажей марихуаны и делал мне все назло, просто потому, что его это развлекало. У меня были парни и похуже.

Ле Манс был важной персоной, деталями не интересовался, а только установил финансовые лимиты, и, мало того, что мне не удалось укомплектовать экипаж, я еще вынужден был дрожать над каждым киловаттом энергии; никаких резких маневров, уранографы после каждого рейса проверялись, будто бухгалтерские книги, не уплыл ли где-нибудь, упаси боже, десяток долларов, превратившись в нейтроны. Тому, что я тогда делал, меня нигде не обучали, подобные дела, может быть, творились лет сто назад, на старых корытах, курсировавших между Глазго и Индией. Я, впрочем, и тогда не жаловался, а сейчас, как вспомню об этом, так, стыдно признаться, растрогаюсь.

«Жемчужина ночи» — ну и имечко! Корабль потихоньку разваливался, весь рейс проходил в разыскивании мест, где может открыться течь либо произойти короткое замыкание. Каждый старт и каждая посадка совершались вопреки законам не только физики; наверное, у этого ле мансовского агента были знакомства в порту Меркурия, иначе любой контролер немедленно опечатал бы у нас все, от рулей до реактора.

Ну вот, выходили мы на охоту в перигелий, искали радаром остовы ракет, а потом подтягивали их и формировали «поезд». Там на меня сваливалось все сразу: скандалы с техниками, швыряние водки в пространство (там и сейчас полным-полно бутылок «Лондон. Драй Джин») и дьявольская математика, потому что для навигации надо было найти приближенные решения проблемы взаимоотношений многих тел. Однако больше всего, как и всегда, было пустоты. В пространстве и во времени.

Я запирался в каюте и читал. Автора не помню, был это какой-то американец, в названии было что-то о звездной пыли, нечто в этом духе. Не знаю, как книга начиналась,— я начал примерно с середины; герой находился в камере реактора и разговаривал по телефону с пилотом, когда раздался крик: «Метеоры за кормой!» До этой минуты не было тяги, и тут он вдруг увидел, что огромная стена реактора, сверкая желтыми глазами циферблатов, наплывает на него с возрастающей быстротой; это включились двигатели, и ракета рванулась вперед, а он, вися в воздухе, сохранял еще прежнюю скорость. К счастью, он успел оттолкнуться ногами, но ускорение вырвало у него трубку из рук, и он повис на телефонном шнуре; когда он упал, распластавшись, эта трубка качалась над ним, а он делал нечеловеческие усилия, чтобы ее схватить, но, конечно, он весил тонну и не мог пальцем шевельнуть, потом как-то зубами ее поймал и отдал команду, которая их спасла.

Эту сцену я хорошо запомнил, а еще больше мне понравилось, как описан проход сквозь метеоритный рой. Облако пыли покрыло, заметьте, третью часть неба, только самые яркие звезды просвечивали сквозь пылевую завесу, но это еще ничего, а вот вскоре герой увидел— на экранах, конечно,— что из этого желтого тайфуна исходит бледно светящаяся полоса с черной сердцевиной; уж не знаю, что это должно было означать, но только я наплакался со смеху. Как он себе все это прелестно вообразил! Эти тучи, тайфун, эта трубка — я прямо воочию видел, как этот парень болтается на телефонном шнуре. Ну, а что в каюте его ждала необыкновенно красивая женщина, это уж само собой разумеется. Была она тайным агентом какой-то космической тирании или, может, боролась против этой тирании, уж не помню. Во всяком случае, она была красива, как положено.

Почему я так распространяюсь об этом? Потому, что это чтиво меня спасло. Метеоры? Да ведь я остовы ракет по двадцать—тридцать тысяч тонн весом искал неделями, и половины из них даже в радаре не увидел: легче увидеть летящую пулю. Однажды мне пришлось схватить за шиворот моего метиса, когда мы были в невесомости; это наверняка трудней, чем тот номер с телефонной трубкой,— мы ведь оба парили в воздухе,— но не так эффектно. Похоже, что я начал брюзжать, сам вижу. Но такая уж это история.

Двухмесячная охота кончилась, у меня на буксире было сто двадцать — сто сорок тысяч тонн мертвого металла, и я шел в плоскости эклиптики на Землю. Вопреки правилам? Ну ясно! У меня не было горючего для маневрирования — я ведь уже говорил об этом. Приходилось тащиться без тяги больше двух месяцев.

И тут случилась катастрофа. Нет, не метеоры, это ведь не роман. Свинка. Сначала техник, обслуживавший реактор, потом оба пилота сразу, а потом уж остальные: морды распухли, глаза как щелки, высокая температура, о вахтах и говорить нечего. Какой-то особенно злющий вирус притащил на палубу Нгей, негр, который на «Жемчужине ночи» был коком, стюардом, экономом и еще чем-то там. Он тоже заболел, а как же! Может, в Южной Америке у детей не бывает свинки? Не знаю. В общем, у меня оказался корабль без экипажа.

Остались на ногах лишь телеграфист да второй инженер; но телеграфист с утра, еще до завтрака, напивался. Он, собственно, не был пьян — то ли голова у него была очень крепкая, то ли он цедил понемножку,— но, в общем, двигался он вполне прилично, даже когда не было гравитации (а ее не было почти все время, не считая маленьких поправок курса); но алкоголь сидел у него в глазах, в мозгу, и каждое распоряжение, каждый приказ нужно было неустанно контролировать. Я мечтал о том, как я его отколочу, когда мы приземлимся; на ракете я не мог себе этого позволить, да и вообще, как будешь бить пьяного?

В трезвом состоянии это был заурядненший тип, опустившийся, неумытый, и у него была милая привычка ругать самыми мерзкими словами то одного, то другого при помощи азбуки Морзе. Ну да, сидит себе за столом в кают-компании и постукивает пальцем; его несколько раз чуть не избили, все ведь понимали морзянку, а припрешь его к стенке —он божится, что это у него такой тик. От нервов. Что это само собой получается. Я ему велел прижимать локти к бокам, так он вел передачу ногой или вилкой — художник был в своем роде.

Единственным вполне здоровым и нормальным человеком был инженер. Да, но оказалось, знаете ли, что он был инженером-дорожником. Нет, правда. С ним подписали контракт, потому что он согласился на половинный оклад, и агенту этого было вполне достаточно, а мне и в голову не пришло экзаменовать его, когда он явился на палубу. А агент только спросил его, разбирается ли он в машинах. Он ответил утвердительно, ведь он и вправду разбирался в машинах — в дорожных. Я велел ему нести вахту. Он планету от звезды не мог отличить. Теперь вы уже более или менее понимаете, каким образом Ле Манс делал большие дела. Правда, и я мог оказаться командиром подводной лодки, и, если бы пришлось, я наверное, разыграл бы эту роль и заперся бы в своей каюте. Но я не мог этого сделать. Агент не был сумасшедшим. Он рассчитывал если не на мою лояльность, то на мой инстинкт самосохранения. Я ведь хотел вернуться на Землю; сотня тысяч тонн в пространстве ничего не весит, и если избавишься от груза, то скорость не увеличится ни на миллиметр в секунду, ну, а я был не таким уж строптивым, чтобы сделать это без толку.

Вообще-то мне и такие мысли приходили в голову, когда я по утрам таскал то одному, то другому вату, мази, бинты, спирт, аспирин; только и было у меня удовольствия, что эта книжка о любви в пространстве, среди метеоритных тайфунов. Я прочел некоторые абзацы по десять раз. Там были все ужасные происшествия, какие только возможно представить: электронные мозги бунтовали, у пиратских агентов передатчики были вмонтированы в черепа, красивая женщина происходила из другой солнечной системы; но о свинке я не нашел ни слова. Ясное дело — тем лучше для меня. Мне она и так надоела. Иногда мне даже казалось, что космонавтика — тоже.

В свободные минуты я старался выследить, где телеграфист прячет свои запасы. Не знаю, может, я его переоцениваю, но мне кажется, что он и вправду умышленно выдавал мне некоторые тайники, когда спиртное там подходило к концу, просто для того, чтобы я не пал духом и не махнул рукой на его пьянство. Потому что я и по сей день не знаю, где был его главный тайник. Может, телеграфист был так пропитан алкоголем, что основной запас носил прямо в себе? Ну, в общем, я искал, ползая по кораблю, как муха по потолку, плавал по корме, по центральной палубе и, как бывает во сне, чувствовал, что я один, как перст. Вся братия лежала с распухшими физиономиями в каютах, инженер торчал в рулевой рубке, изучая по лингафону французский язык; было тихо, как на зачумленном корабле, и лишь иногда по вентиляционным каналам доносилось рыдание или пение этого боливийского метиса. Под вечер его разбирало, он ощущал ужас бытия.

Со звездами я мало имел дела, если не считать той книжки. Некоторые куски я знал наизусть, к счастью, они уже улетучились у меня из головы. Я дождаться не мог, когда кончится эта свинка, потому что такая жизнь на манер Робинзона уж очень мне докучала. Инженера-дорожника я избегал, хотя по-своему это был довольно порядочный парень, и он поклялся мне, что если б не ужасные финансовые передряги, в которые его втянули жена с шурином, он нипочем не подписал бы контракта. Однако он был из тех людей, каких я терпеть не могу,— они все тебе выбалтывают, без всяких ограничений и тормозов. Не знаю, может, он только ко мне испытывал такое необыкновенное доверие, впрочем, вряд ли, потому что некоторые вещи мне бы просто и не выговорить, а он рассказывал все, я прямо корчился. К счастью, «Жемчужина ночи» была большая, двадцать восемь тысяч тонн весом, было где спрятаться.

Вы, наверное, догадываетесь, что это был мой первый и последний рейс для Ле Манса. С тех пор я уж больше не позволял себя так нахально надувать, хотя во всяких передрягах побывал. Я бы и не рассказывал об этом довольно конфузном все же куске моей биографии, если б он не был связан с той второй, несуществующей стороной космонавтики. Помните, я ведь предупредил вначале, что это будет история, словно из той книжки.

Метеоритное предупреждение мы получили поблизости от орбиты Венеры, но телеграфист спал, либо просто не принял его, в общем я лишь на следующее утро услышал эту новость в известиях, которые передавала космолокаторная станция Луны. Честно говоря, вначале мне это показалось совершенно неправдоподобным. Драконииды давно прошли, пространство было чистым, метеоритные рои вообще ходят регулярно; правда, Юпитер любит всякие штучки с пертурбациями, но на этот раз он не мог участвовать в затее — радиант был совсем другой. Предупреждение, впрочем, было лишь восьмой степени, пылевое, плотность роя очень небольшая, процент больших осколков ничтожный; ширина фронта, правда, значительная. Когда я посмотрел на карту, то понял, что мы торчим в этом так называемом рое уже добрый час, а то и два. Экраны были пусты. Я особенно не беспокоился. Непривычно прозвучало лишь второе сообщение, в полдень: дистанционные зонды установили, что это внесистемный рой!

Это был второй такой рой с тех пор, как существует космолокация. Метеоры — это осколки комет, и они ходят себе по удлиненным эллипсам, привязанные гравитацией к Солнцу, словно игрушки на нейлоновых шнурках. Рой же внесистемный, то есть входящий в нашу систему из Большой Галактики,—это сенсация, правда, больше для астрофизиков, чем для пилотов. Есть, конечно, и для нас разница, хоть вообще-то небольшая: в скорости. Внутрисистемный рой не может иметь большой скорости —не больше, чем параболистическую либо эллиптическую. Зато рой, входящий в систему извне, может иметь и обычно имеет гиперболическую скорость. Но

практически получается так на так; поэтому возбуждение охватывает все же метеоритологов и астробаллистиков, а не нас.

Сообщение о том, что мы влезли в рой, не произвело на телеграфиста ни малейшего впечатления. Я сказал об этом, когда мы обедали, как всегда, включив двигатели на малую тягу: они давали поправку на курс, а тем временем даже слабое притяжение облегчало нам жизнь. Не надо было сосать суп через соломинку и впихивать себе пасту из баранины в рот, нажимая на тюбик. Я всегда был сторонником нормального человеческого питания.

Инженер зато очень испугался. То, что я говорил о рое, словно о летнем дождичке, он склонен был счесть признаком помешательства. Я ему кротко объяснил, что, во-первых, рой пылевой и сильно разреженный, и шансов столкнуться с осколком, который способен повредить корабль, меньше, чем шансов умереть от того, что тебе в театре свалится люстра на голову; во-вторых же, все равно ничего нельзя сделать, потому что «Жемчужина» не может провести маневр расхождения; в-третьих, курс наш по чистой случайности почти совпадает с траекторией роя,— значит, опасность столкновения уменьшается еще в несколько сот раз.

Что-то непохоже было, чтоб я его убедил, но мне уже надоела психотерапия, и я предпочел сосредоточить внимание на телеграфисте, то есть отрезать его хоть на несколько часов от запасов спиртного, потому что в конце-то концов в рое он был нужнее, чем вне его. Больше всего я боялся сигнала «О». Кораблей здесь было порядочно, мы уже пересекли орбиту Венеры, на этой территории было весьма оживленное движение, и не только грузовых ракет. Я сидел у рации, держа телеграфиста при себе, до шести часов палубного времени,— значит, прошло четыре часа в пассивном слушании, и, к счастью, обошлось без всяких тревожных сигналов.

Рой был так разрежен, что приходилось буквально часами вглядываться в радарные экраны, чтобы заметить какие-то почти неуловимые, микроскопические искорки, да и то я не мог бы поручиться, не были ли эти зеленые привиденьица просто обманом переутомленного зрения. Тем временем уже не только радиант, но и весь путь этого гиперболического роя, который даже имя успел получить — Канопийский (от звезд радианта), подсчитали на Луне и на Земле, и было известно, что он не достигнет орбиты Земли, обойдет ее стороной, покинет нашу систему вдалеке от больших планет и как появился, так и исчезнет в бездне Галактики, чтобы никогда уже к нам не вернуться.

Инженер-дорожник, продолжая тревожиться, то и дело заглядывал в радиорубку, а я выгонял его, требуя, чтобы он следил за рулями. Разумеется, это было чисто фиктивным заданием,— у нас не было тяги, а без тяги управлять нельзя, ну, а кроме того, он не смог бы выполнить и простейшего маневра, да я никогда ему этого бы и не доверил. Но я хотел его чем-нибудь занять, а себя избавить от бесконечных приставаний. А то он стремился выяснить, проходил ли я уже сквозь метеоритные слои, сколько раз, пережил ли в связи с этим катастрофы, серьезные ли, и какие шансы спастись в случае попадания... Вместо ответа я ему дал «Основы космолоции и космодромии» Краффта, инженер книгу взял, но, по-видимому, даже и не раскрывал ее,— он ведь жаждал излияний, а не сухой информации.

Все это происходило, напоминаю вам, на корабле, лишенном тяготения. В этих условиях движения людей, даже трезвых, довольно забавно изменяются,— всегда надо помнить о каком-нибудь поясе, о пристежке, иначе, нажав на карандаш при писании, рискуешь взлететь под потолок, а то и шишку себе набить.

У телеграфиста была своя система: он таскал в карманах массу всяких гирек, гаек, ключей, и когда оказывался в затруднительном положении, повиснув между потолком, полом и стенами, то просто лез в карман и швырял первый попавшийся предмет, чтобы плавно отлететь в противоположную сторону.

Способ этот был надежный и всегда подтверждал правильность ньютоновского принципа действия и противодействия, однако он доставлял мало удовольствия окружающим, потому что брошенные гирьки и гайки рикошетом отлетали от стен, и иной раз эти твердые штуки, которые могут весьма чувствительно стукнуть, подолгу носились в воздухе. Я говорю об этом, чтобы дополнить еще одним оттенком колорит нашего путешествия.

В пространстве тем временем шло усиленное движение; многие пассажирские корабли на всякий случай, в соответствии с правилами, изменяли трассы; Луне было с ними немало возни, автоматические передатчики, которые морзянкой передают орбитальные и курсовые поправки, вычисленные в больших стационарных калькуляторах, без устали строчили сериями сигналов в таком темпе, что на слух не воспримешь. Да и фония была переполнена голосами — пассажиры за бешеные деньги сообщали встревоженным родственникам, что отлично себя чувствуют и никакой опасности нет; Луна-астрофизическая передавала текущие сообщения о зонах сгущения в метеоритном рое, о результатах спектрального анализа его состава — словом, программа была разнообразная и скучать у репродуктора особенно не приходилось.

Мои космонавты со свинкой, уже узнавшие, разумеется, о гиперболическом рое, то и дело звонили в радиорубку, пока я не отключил их аппараты, пояснив, что опасность, а тем более пробоину и потерю герметичности они легко распознают по отсутствию воздуха.

Часов в одиннадцать я пошел перекусить в кают-компанию; телеграфист, который, кажется, только этого и ждал, исчез, будто растаял, а я слишком устал, чтобы не то что его искать, но даже думать о нем. Инженер отбыл вахту; он уже немного успокоился и опять жаловался в основном на шурина, а уходя к себе (зевал он, как кит), сказал мне, что левый экран радара, должно быть, испортился: там в одном месте какая-то зеленая искра. Сообщив это, он ушел, а я прикончил говяжью пасту из тюбика и вдруг, не успев прожевать последнюю выдавленную порцию, окаменел.

Инженер разбирался в показаниях радара, как я в асфальте. Этот «испорченный» экран...

В следующее мгновение я мчался в рулевую рубку. Это так говорится, а на деле я двигался лишь с той скоростью, какая возможна, если ускорение получаешь, только хватаясь за что-нибудь руками, либо отталкиваясь ногами от выступов стен или потолка. Рулевая, когда я наконец до нее добрался, казалась словно остывшей, огни на пультах погасли, контрольные сигналы реактора еле мерцали, как сонные светлячки, и только по экранам радаров неустанно вращались водящие лучи; а я уже с порога смотрел на левый экран.

В верхнем правом его квадрате светилась неподвижная точка; собственно, как я видел вблизи, пятнышко величиной с мелкую монету, чечевицеобразно сплюснутое, идеально правильное по форме, светящееся зеленым фосфорическим светом, как маленькая, лишь с виду неподвижная рыбка в океане пустоты. Если б это увидел нормальный вахтенный, но не теперь, а полчаса назад, он включил бы автоматический позиционный передатчик, известил бы командира, запросил бы у того корабля данные о курсе и назначении, но у меня не было вахтенных, я опоздал на полчаса, я был один, так что делал, ей-богу, все сразу: затребовал данные у того корабля, включил позиционные огни, передатчик, начал разогревать реактор, чтобы в любой момент можно было включить тягу (реактор был холодный, словно давным-давно окоченевший покойник). Проходили минуты, я успел уже пустить в ход подручный полуавтоматический калькулятор, оказалось, что курс того корабля почти совпадает с нашим, разница была в долях секунды, вероятность столкновения, в пустоте и без того исчезающе малая, практически равнялась нулю.

Вот только корабль этот молчал. Я пересел на другое кресло и начал сверкать на него морзянкой из палубного лазера. Он находился за нами, на расстоянии около девятисот километров,— значит, невероятно близко,—и я уж, по правде говоря, видел себя на суде в Космическом Трибунале (конечно, не за «доведение до катастрофы», а просто за нарушение восьмого параграфа Кодекса космолоции, именуемого ОС — «опасное сближение»). Думаю, что и слепой увидел бы мои световые сигналы.

Корабль этот вообще так упорно торчал у меня в радаре и все не оставлял в покое «Жемчужину», а, наоборот, даже понемногу к ней приближался, лишь потому, что мы с ним имели сближенные курсы. Это были почти параллельные трассы; он передвигался уже по краю квадрата, потому что шел быстрее. На глаз я оценил его скорость как гиперболическую; действительно, два замера на десятисекундном расстоянии показали, что он делает девяносто километров в секунду. А мы делали от силы сорок пять!

Корабль не отвечал и приближался; он выглядел уже внушительно, даже слишком внушительно. Светящаяся зеленая линза в боковом аспекте, острое веретенце... Я глянул на радарный дальномер,— уж очень что-то вырос этот корабль. Оказалось, четыреста километров. Я заморгал, не веря глазам: с такого расстояния любой корабль выглядит, как запятая. «Эх, чтоб ей, этой «Жемчужине ночи»!— подумал я.— Все здесь не как положено». Я перевел изображение на маленький подручный радар с направленной антенной. Корабль выглядел все так же. Я обалдел. «Может, это,— вдруг пришло мне в голову,— такой же «поезд Ле Манса», как тот, на котором машинистом я? Штук этак сорок ракетных остовов, один за другим, отсюда и размер... Но почему он такой веретенообразный?»

Радароскопы работали, автоматический дальномер отстукивал да отстукивал: триста километров... двести шестьдесят... двести...

Я начал еще раз пересчитывать курсы на приборе Гаррельсбергера, потому что это уже попахивало опасным сближением. Известно, что с тех пор, как на море начали применять радар, все почувствовали себя в безопасности, а суда продолжают тонуть. И опять у меня получилось, что он пройдет у меня под носом на расстоянии этак тридцати — сорока километров. Я проверил оба передатчика: автомат, действующий на радиоволнах, и лазерный. Оба они работали, но чужой корабль молчал.

До тех пор у меня все еще были угрызения совести: ведь я некоторое время летел вслепую, пока инженер рассказывал мне о своем шурине и желал спокойной ночи, а я поглощал говядину, но теперь у меня будто пелена с глаз спала. Проникнувшись искренним возмущением, я уже видел истинного виновника в этом глухом, молчаливом корабле, который пер себе на гиперболической через сектор и не изволил даже отвечать на прямые настойчивые обращения!

Я включил фонию и начал его вызывать. Я требовал всякую всячину: чтобы он зажег позиционные огни и пустил сигнальные ракеты, чтобы сообщил свое название, место назначения, фамилию арматора,— все, конечно, в условных сокращениях; а он летел себе спокойно, тихо, ни на йоту не меняя ни скорости, ни курса, и был уже всего в восьмидесяти километрах от меня.

Пока он держался по бакборту, но все заметней обгонял меня: ведь он шел вдвое быстрее. И я знал, что, поскольку при подсчетах на калькуляторе не принималась во внимание угловая поправка, мы при расхождении окажемся еще ближе, чем вычислено: менее чем в тридцати километрах наверняка, а чего доброго, и в двадцати. Мне следовало тормозить, потому что нельзя допускать такого сближения, но я не мог. За мной ведь тянулось сто с чем-то тысяч тонн этих ракетных трупов; сначала мне пришлось бы отцепить всю эту рухлядь, сам я с этим не справился бы, а экипаж думал о свинке,— о торможении, значит, нечего, было и думать. Тут могла бы пригодиться скорее философия, чем космодромия; стоицизм, фатализм; а если калькулятор уже совсем заврался, то, пожалуй, начатки эсхатологии.

Когда между нами было всего двадцать два километра, тот корабль уже явно начал

обгонять «Жемчужину». Я знал, что теперь расстояние будет все возрастать, так что все было вроде в порядке; до тех пор я смотрел только на дальномер, потому что его показания были самыми важными, и лишь теперь снова глянул на радароскоп.

Это был не корабль, а летящий остров, вообще неизвестно что. На расстоянии двадцати километров он был величиной больше, чем с мою ладонь; идеально правильное веретено превратилось в диск, нет, в кольцо!

Ясное дело, вы уж давно подумали, что это был корабль «иной цивилизации»,— ну, поскольку он был длиной в десять миль... Легко сказать, но кто же верит в корабли «иных цивилизаций»? Первым моим побуждением было догнать его. Нет, правда! Я схватился за рычаг главной тяги, но не шевельнул его. У меня за кормой были ракеты на буксире; ничего бы из этого не вышло. Я вскочил с кресла и через узкую шахту пробрался в маленькую астрономическую каюту, вмонтированную в броню, как раз над рулевой рубкой. Там, прямо под рукой, было все, что мне нужно: бинокль и ракеты. Я пустил три, одну за другой, примерно по курсу этого корабля и, как только вспыхнула первая, начал его искать. Он был большой, как остров, но я его не сразу разглядел — ракета попала в поле зрения, и блеск ее ослепил меня, пришлось выжидать, пока я смогу видеть. Вторая ракета вспыхнула далеко в стороне, и это мне ничего не дало; только третья зажглась над кораблем. В ее неподвижном, очень белом свете я его наконец увидел.

Смотрел я на него не больше чем пятьшесть секунд, ракета вдруг, как это иной раз случается, вспыхнула ярче и погасла. Но за эти мгновения я разглядел сквозь ночные, восьмидесятикратно увеличивающие стекла довольно слабо, призрачно освещенное с высоты темное металлическое тело: я видел его будто с расстояния нескольких сот метров. Корабль еле помещался в моем поле зрения; в самом его центре ярко мерцало несколько звезд, словно там он был прозрачным, как пустой туннель, отлитый из темной стали и летящий в пространстве. Но в последней яркой вспышке ракеты я успел заметить: это нечто вроде сплюснутого цилиндра, свернутого, как очень толстая автомобильная шина; я мог смотреть сквозь его пустой центр, хотя он и не находился на оси зрения; этот колосс был повернут углом к линии моего взгляда, словно стакан, который слегка наклонили, чтобы медленно выливать из него жидкость.

Ясное дело, я тогда вовсе не пытался анализировать то, что увидел, а сейчас же принялся пускать еще ракеты; две не зажглись, третья почти сразу погасла, при свете четвертой и пятой я его увидел — в последний раз. Ведь теперь, пересекши курсовую линию «Жемчужины», он удалялся все быстрее; он находился уже в ста, в двухстах, в трехстах километрах от меня, и визуальное наблюдение стало невозможным.

Я немедленно вернулся в рулевую рубку, чтобы как следует установить элементы его движения; я собирался, сделав это, поднять на всех диапазонах такую тревогу, какой еще не знала космология; я уже представлял себе, как по начертанному мною маршруту ринутся стаи ракет, чтобы догнать этого гостя из бездны.

Собственно, я был уверен, что он входил в состав гиперболического роя. Глаз в известных обстоятельствах уподобляется фотообъективу, и образ, хоть на долю секунды представший в ярком свете, можно потом еще некоторое время не только вспоминать, но и весьма детально анализировать, будто вы все еще видите его. А я увидел в этой предсмертной вспышке ракеты поверхность гиганта; она была не гладкая, а изрытая, почти как лунная почва, свет растекался по неровностям, буграм, кратерообразным впадинам; он, должно быть, летел вот так уже миллионы лет, входил, темный и мертвый, в пылевые туманности, выходил из них спустя столетия, а метеоритная пыль в десятках тысяч столкновений грызла его, пожирала пустотной эрозией. Не могу объяснить, откуда взялась у меня эта уверенность, но я знал, что на этом корабле нет ни живой души, что катастрофа с ним произошла миллионы лет назад и, может, не существует и цивилизация, выславшая его!

Думая обо всем этом, я в то же время на всякий случай, для предельной точности, в четвертый, пятый, шестой раз рассчитывал элементы его движения и результат за результатом, нажав клавишу, посылал в записывающее устройство, потому что мне была дорога каждая секунда: он уже выглядел на экране как зеленая фосфорическая запятая, сверкал, как неподвижный светлячок, в крайнем секторе правого экрана — за две, за три тысячи, за шесть тысяч километров от меня.

Когда я окончил расчеты, он уже исчез. Но мне-то что! Он был мертв, не мог маневрировать, а значит, не мог никуда удрать, не мог спрятаться; правда, он летел на гиперболической скорости, но его легко мог догнать любой корабль с мощным реактором, а элементы его движения я рассчитал с такой точностью...

Я открыл кассету записывающего устройства, чтобы вынуть ленту и пойти с ней на радиостанцию, и застыл, внезапно обалдевший, уничтоженный...

Металлический барабан был пуст; лента давно уже, может, несколько дней тому назад кончилась, новой никто не вложил, и я посылал все результаты вычислений в пустоту; они все до одного пропали; не было ни корабля, ни его следа — ничего...

Я ринулся к экранам, потом, право же, хотел отцепить этот мой проклятый балласт, выбросить эти леманcовские сокровища и пуститься — куда? Сам толком не знал. Конечно, в направлении, ну, примерно на созвездие Водолея, но что же это за цель!.. А может, все-таки? Если я сообщу по радио сектор в приближении, а также скорость...

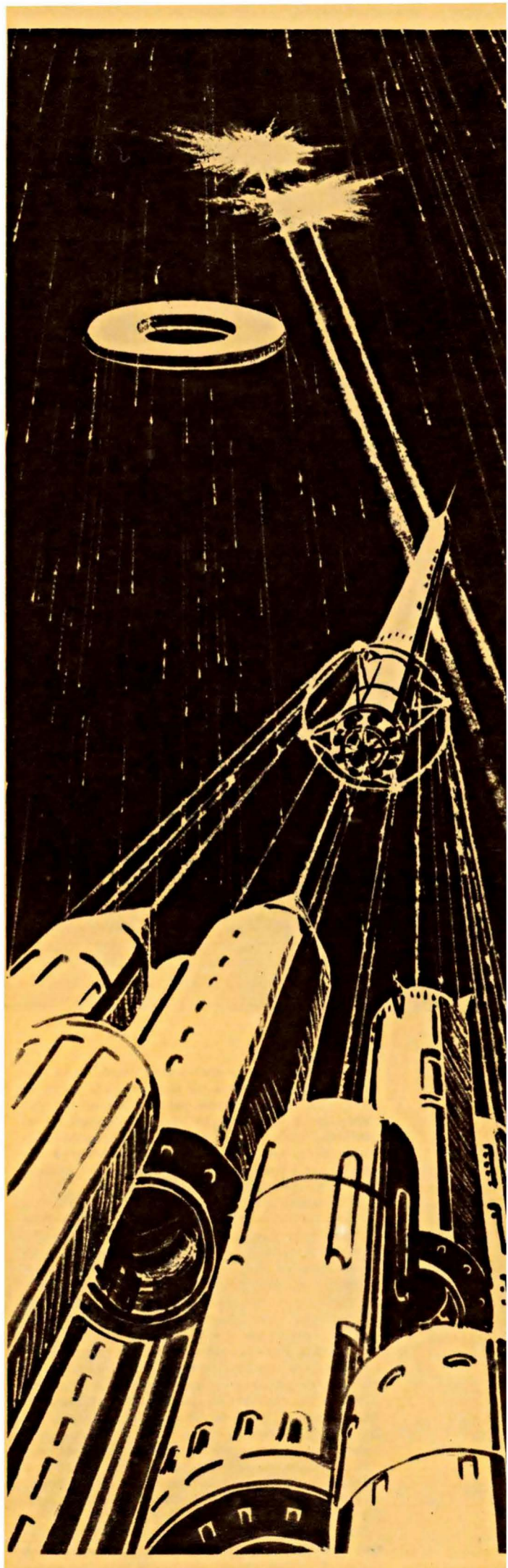
Это следовало сделать. Это было моей обязанностью, самой важной из всех, если у меня вообще имелись еще какие-нибудь обязанности.

Я поднялся лифтом в центральную часть корабля, на радиостанцию, и уже установил было очередность действий: вызывной сигнал Луне Главной с требованием права первенства для последующих моих сообщений, поскольку речь идет об информации величайшей важности,— эти сообщения, по-видимому, будет принимать не автомат, а дежурный координатор Луны. Затем я дам отчет об обнаружении чужого корабля, который пересек мой курс на гиперболической скорости и, вероятно, входил в состав метеоритного роя.

От меня немедленно потребуют расчет элементов его движения. Мне придется ответить, что расчеты я произвел, но у меня их нет, потому что на барабане записывающего устройства вследствие недосмотра не было ленты. Тогда потребуют, чтобы я сообщил имя пилота, который первый заметил этот корабль. Но я и этого не смогу сообщить, потому что вахту нес инженер-дорожник, а не космонавт; затем, если все это не покажется слишком подозрительным, меня спросят, почему я не поручил радисту систематически передавать данные по ходу расчетов; а я должен буду объяснить, что радист не работал, потому что был пьян. Если со мной после этого вообще захотят еще разговаривать на расстоянии трехсот шестидесяти восьми миллионов километров, которые нас разделяют, то поинтересуются, почему кто-либо из пилотов не заменил радиста; тогда я отвечу, что весь экипаж болен свинкой.

Если мой собеседник до этого еще будет питать какие-то иллюзии, тут уж он уверится, что человек, который средь ночи морочит ему голову насчет «чужого» корабля, либо не в своем уме, либо пьян. Он спросит, зафиксировал ли я как-нибудь изображение этого корабля, фотографируя его в свете ракет либо записывая показания радара на ферроленте, или по крайней мере регистрировал ли я все запросы, с которыми обращался к нему по радио. Но у меня не было ничего, совсем ничего, я слишком спешил, я не думал, что снимки понадобятся, поскольку вскоре земные корабли ринутся к необычайной цели, и не включил записывающие устройства.

Тогда координатор сделает то, что я и сам сделал бы на его месте: велит мне отключиться и запросит все корабли в моем секто-



ре, не заметили ли они нечто необычное. Так вот, ни один корабль не мог увидеть гостя из Галактики, я был в этом уверен. Я с ним встретился лишь потому, что летел в плоскости эклиптики, хотя это строжайшим образом воспрещается, так как здесь всегда кружится метеоритная пыль, осколки перемолотых временем метеоритов или кометных хвостов.

Я нарушил это запрещение, потому что иначе мне не хватило бы горючего для маневров, долженствующих обогатить Ле Манса сотней с лишним тонн ракетного лома. Значит, мне следовало бы сразу предупредить координатора Луны, что встреча произошла в запрещенной зоне, а это повлекло бы за собой неприятный разговор в Дисциплинарной комиссии Трибунала космического флота.

Конечно, поимка этого корабля стоила куда больше, чем любой разговор в Комиссии, да хотя бы и наказание, но только при условии, что его действительно догонят. А вот это-то и казалось мне совсем безнадежным делом. Я должен был потребовать, чтобы в плоскость эклиптики, в угрожаемую зону, к тому же еще посещенную гиперболическим роем, бросили целую флотилию кораблей на розыски. Координатор Луны не имел права этого сделать, даже если б захотел; если б он стену лбом прошибал и до утра вызывал Коснав, Международную комиссию по делам исследований космоса и черт знает кого там еще, начались бы заседания и совещания, и, если б они проходили в молниеносном темпе, то через каких-нибудь три недели было бы вынесено решение. Но (это я рассчитал еще в лифте, у меня в ту ночь мысль работала действительно с необычайной быстротой) чужой корабль окажется к тому времени в ста девяноста миллионах километров от места нашей встречи, а значит, за Солнцем, мимо которого он пройдет достаточно близко, чтобы оно отклонило его траекторию,— и пространство, в котором придется его искать, будет размером более десяти миллиардов кубических километров. А то и двадцати!

Так все это выглядело, когда я добрался до радиостанции. Я уселся там и попробовал еще оценить по достоинству, каковы шансы увидеть этот корабль при помощи большого радиотелескопа Луны, самой мощной радиоастрономической установки во всей системе. Но Земля с Луной находились как раз на противоположной стороне орбиты по отношению ко мне, а значит, и к этому кораблю. Радиотелескоп Луны был очень мощный, но все же не настолько, чтобы на расстоянии в четыреста миллионов километров разглядеть тело размером в несколько километров.

На этом вся история и кончилась. Я порвал листки с расчетами, встал и тихонько двинулся в свою каюту с чувством, что совершил преступление. К нам прибыл гость из космоса — посещение, которое случается — я почем знаю? — раз в миллионы, да нет, в сотни миллионов лет. И из-за свинки, из-за Ле Манса с его затеями, из-за пьяного метиса, из-за инженера с его шурином, из-за моей небрежности он ускользнул у нас из-под носа, чтобы растаять, как призрак, в беспредельном пространстве.

С той ночи я жил в каком-то странном напряжении целых двенадцать недель. За это время мертвый корабль должен был войти в зону больших планет и навсегда исчезнуть для нас. Я просиживал на радиостанции все маломальски свободное время, питая постепенно слабеющую надежду, что все же кто-нибудь его заметит, кто-нибудь более сообразительный или попросту более счастливый, чем я; но ничего такого не произошло.

Разумеется, я никому об этом не говорил. Человечеству не часто подвертываются такие случаи. Я чувствую себя виновным не только перед человечеством, но и перед той, другой цивилизацией; и мне не суждена даже слава Герострата, потому что теперь, через столько лет, никто уж мне, к счастью, не поверит. Да я и сам-то иной раз сомневаюсь: может, ничего и не было, кроме этой холодной, неудобоваримой говядины.

Перевела с польского
Ариадна ГРОМОВА.

Айзек АЗИМОВ

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

День охотников

Все кончилось в тот же вечер, когда и началось. Да и особенного-то ничего не произошло. Просто эта история взволновала меня и волнует по сей день.

Видите ли, Джо Блоч, Рей Мэннинг и я сидели за своим любимым столом в баре на углу — делать было нечего, надо было как-то убить время. Такое вот начало.

Все затеял Джо Блоч, заговорив об атомной бомбе и о том, что, по его мнению, следует с ней сделать, добавив при этом, что, мол, еще пять лет назад кто бы о ней вообще подумал. А я сказал: нет, пять лет назад о ней многие думали и даже писали о ней рассказы, а вот теперь им придется туго — попробуй-ка потягайся с газетами. В результате всего этого завязался общий разговор о том, как самое невероятное становится явью, причем приводилось множество примеров.

Рей заявил, будто слышал от кого-то, что какой-то крупный ученый отправил в прошлое кусок свинца на две секунды или на две минуты, а может, и на две тысячных секунды — он не уверен, на сколько именно. А этот ученый, мол, никому ничего не рассказывает, потому как считает, что никто ему не поверит.

Ну, тут я не без сарказма спросил, откуда же тогда он-то об этом узнал. У Рея немало друзей, только ведь они и мои друзья, и ни один из них ни с каким крупным ученым незнаком. Но Рей лишь ответил: неважно, мол, как он узнал, хочешь — верь, хочешь — нет.

Ну, а после этого уже ничего не оставалось, кроме как завести разговор о машинах времени, о том, как, предположим, вы бы вернулись в прошлое и убили бы собственного дедушку; или о том, почему не вернется никто из будущего и не расскажет нам, кто выиграет очередную войну; или даже о том, а можно ли будет после нее жить хоть где-нибудь на Земле, независимо от того, кто выйдет победителем.

Рей, например, считал, что неплохо было бы знать победителя седьмого забега, пока еще идет шестой.

Но Джо считал по-другому.

— Беда с вами, ребята, в том, что у вас на уме одни войны да скачки. А мне просто интересно. Знаете, что бы сделал я, будь у меня машина времени?

Нам, разумеется, сразу же захотелось это узнать, и мы, как уже не раз бывало, приготовились над ним посмеяться, неважно, что он там еще задумал.

— Будь она у меня,— продолжал он,— я бы вернулся на пару, а то и на пяток, а может, и на все пятьдесят миллионов лет назад и узнал, что случилось с динозаврами.

Лучше бы Джо этого вообще не говорил, потому как мы с Реем оба не видели в этом никакого смысла. Рей сказал: кого, мол, волнуют какие-то там динозавры; а я добавил, что единственное, на что они оказались способны, это оставить целую кучу скелетов для любителей протирать полы в музеях, и что они хорошо сделали, что ушли с дороги и освободили место для людей. Тут Джо, разумеется, говорит, что некоторые его знакомые — и окидывает нас многозначительным взглядом — ничуть не лучше динозавров, но мы не обращаем на это никакого внимания.

— Вы, глупые ребятки, можете себе смеяться и делать вид, будто что-то там знаете, но это потому, что вы начисто лишены воображения,— говорит он.— Эти динозавры были громадные. Миллионы всевозможных видов — здоровенные, как дома, и безмозглые, как дома,— по всей земле. А потом вдруг совершенно неожиданно, вот так,— и он щелкает пальцами,— их уже нет ни одного.

Как это так, захотелось нам узнать.

Но он как раз допивал пиво, а другой рукой, держа в ней монету и как бы желая продемонстрировать, что хочет расплатиться, подзывал Чарли, официанта, и он лишь пожал плечами.

— Не знаю. Хотя я не прочь бы это узнать.

Вот и все. На этом бы все и закончилось. Я бы сказал что-нибудь, Рей отпустил бы какую-нибудь шуточку, мы бы пропустили еще по кружечке, потрепались бы о погоде и о «Бруклинских ловкачах» и забыли бы даже и думать о динозаврах.

Только этого не произошло, и теперь я ни о чем другом не думаю, только о динозаврах, и меня буквально тошнит.

Потому что один забулдыга за соседним столом поднимает глаза и кричит:

— Эй!

Мы его даже не заметили. Так уж у нас заведено: когда ходим по барам, не выискивать незнакомых бухариков. Тут за знакомыми-то не знаешь, как уследить. На столе перед этим чудиком стояла уже ополовиненная бутылка виски, в руке он держал полупустой стакан.

— Эй!— произнес он, и мы все на него воззрились, а Рей сказал:

— Спроси его, Джо, чего ему.

Джо сидел к нему ближе всех. Он откинулся на стуле, балансируя на задних ножках, и спросил:

— Что вам угодно?

А забулдыга ответил:

— Мне послышалось, вы, джентльмены, упоминали динозавров?

Он слегка покачивался над столом, глаза у него налились кровью, а глядя на его рубашку, можно было догадаться, что когда-то она была белой, но нас, наверное, озадачили его голос и его манера говорить. В них не было ничего от выпивохи, если вы понимаете, о чем я толкую.

Во всяком случае, Джо вроде как успокоился и сказал:

— Ну да. Вас что-нибудь интересует?

Он вроде как улыбнулся нам. Странная это вышла улыбка: она начиналась в уголках рта, но, не дойдя до глаз, угасала. Он сказал:

— Вы бы хотели построить машину времени и вернуться в прошлое, чтобы узнать, что случилось с динозаврами?

Я видел, что Джо ожидает, что сейчас последует попытка что-нибудь у нас выманить, вызвав нас на доверительный разговор. Я и сам ожидал того же.

— А что?— спросил Джо.— Вы хотите предложить свои услуги? Хотите построить ее для меня?

— Нет, сэр,— ответил забулдыга, обнажив грязные зубы.— Я мог бы, да не стану. И знаете почему? Да потому что пару лет назад я построил машину времени для себя, вернулся в мезозойскую эру и узнал, что случилось с динозаврами.

Позже я посмотрел в словаре, как пишется «мезозойская», вот почему я написал это слово правильно, если вдруг вы удивитесь; я узнал также, что мезозойская эра — это период времени, когда все динозавры занимались тем, чем там им полагалось заниматься. Но, разумеется, тогда мне было многое непонятно, и я склонялся к мысли, что с нами разговаривает какой-то ненормальный. Джо впоследствии утверждал, будто все знал об этой мезозойской хреновине, только пусть себе говорит и кричит сколько угодно, мы с Реем все равно ему не поверим.

Как бы там ни было, мы пригласили выпивоху к нашему столу. По-моему, я рассчитывал, что он поделится с нами своей бутылкой, да и другие, наверное, думали то же самое. Только, подсаживаясь к нам, он зажал бутылку в правой руке, и там она и осталась.

— Где это вы построили машину времени?— спросил Рей.

— В университете Среднего Запада. Мы работали над ней вместе с дочерью.

И выговор у него был такой, как будто он действительно сотрудник колледжа.

— И где же она сейчас, эта машина?— не удержался я.— У вас в кармане?

Он и глазом не моргнул, он вообще ни разу не рассердился на нас, как мы ни пытались острить. Он знай себе говорил, как будто виски развязало ему язык и ему безразлично, уйдем мы или останемся.

— Я ее поломал,— ответил он.— Она мне была не нужна. Надоела.

Мы ему не поверили и сочли его за никчемного человека. Пожалуйста, поймите меня правильно. Резон такой: ведь если бы кто-то изобрел машину времени, он мог бы загрести миллионы долларов — он мог бы загрести все деньги в мире, просто зная, что произойдет на бирже, на скачках, на выборах. Он бы не выбросил все это просто так, и мне безразлично, какие бы у него были мотивы. Да и потом в путешествие во времени никто из нас все равно не собирался верить: а вдруг вы бы действительно убили собственного дедушку, и что тогда?

Впрочем, оставим это.

— Разумеется, вы ее поломали,— сказал Джо.— Ну еще бы! Как ваша фамилия?

Но на этот вопрос он нам так и не ответил. Мы задавали его ему несколько раз, а кончили тем, что стали называть его профессором.

Он допил содержимое стакана и неторопливо наполнил его снова. Нам он ничего не предложил, и мы все тянули пиво.

— Ну, продолжайте,— сказал я.— Что же случилось с динозаврами?

Но ответил он не сразу. Он уставился в самую середину стола и говорил так, будто обращался к столу.

— Даже и не знаю, сколько раз Кэрол отправляла меня в прошлое — всего на несколько минут или часов,— прежде чем у меня получился этот большой скачок. Динозавры меня не интересовали; мне лишь хотелось посмотреть, насколько далеко может перенести меня машина на имеющемся в моем распоряжении количестве энергии. Вероятно, это было опасно, но особого значения это не имело. Тогда шла война — подумаешь, еще одна потерянная жизнь!

Он нежно прижал к себе стакан, как будто задумался о жизни вообще, потом он, похоже, перескочил сразу через многое и продолжал:

— Стояла ясная, солнечная погода; земля была сухая, твердая. Не было ни болот, ни папоротников. Никаких признаков мезозойского биогеоценоза, которые мы обычно ассоциируем с динозаврами.

Во всяком случае, мне кажется, сказал он именно так. Заумные слова до меня не всегда доходили, поэтому дальше я буду вставлять лишь те, которые запомнил. Написание их я проверил и должен сказать, что, хоть он и здо-

рово заложил в тот вечер, произносил он их без запинки.

Это-то, наверное, и встревожило нас. Он говорил так, как будто ему все знакомо, и все эти слова, что называется, прямо скатывались у него с языка.

— Был поздний век,— продолжал он,— безусловно, меловой период. Динозавры уже находились на стадии исчезновения — все, кроме маленьких, с металлическими поясами и этими своими пистолетами.

Тут, как мне показалось, Джо чуть не клюнул носом в пиво. Когда профессор с некоторой грустью произнес эти слова, Джо, описав полукруг рядом со своим стаканом, так и подался вперед.

— Какие еще маленькие?— не на шутку разозлился он.— С чьими металлическими поясами? С какими пистолетами?

Профессор взглянул на него, потом опустил глаза обратно в никуда.

— Это были маленькие рептилии, ростом в четыре фута. Они стояли на задних ногах, сзади болтался толстый хвост, и у них были короткие руки с пальцами. На талиях у них были пристегнуты широкие металлические пояса, на которых висели пистолеты. Причем не обычные пистолеты, которые стреляют пулями, а энергометы.

— Что-что?— спросил я.— Скажите, когда это было? Миллионы лет назад?

— Совершенно верно,— согласился он.— Они были покрыты чешуей, у них не было век, и они, вполне вероятно, откладывали яйца. Но они пользовались энергометами. Их было пятеро. Как только я выбрался из своей машины, они бросились ко мне. Их, наверное, были миллионы по всей Земле, миллионы. По всей земной поверхности. Они тогда определенно были хозяевами положения.

По-моему, именно тут Рей решил, что профессор ему попался: на лице у Рея появилось такое выражение, из-за которого тебя так и подмывает грохнуть его по голове пустой пивной кружкой — полную-то жалко.

— Ах, вон как, профессор, их, значит, были миллионы?— сказал он.— А как же эти ребята, которые только тем и занимаются, что разыскивают старые кости и носятся с ними, пока не определят, как выглядели динозавры? Музеи буквально забиты их скелетами, разве нет? А вы видели хоть один с металлическим поясом? Если их были миллионы, что же с ними стало? Где же их кости?

Профессор вздохнул, вздохнул с самой неподдельной грустью. Вероятно, до него впервые дошло, что он выступает в баре перед тремя простыми парнями в рабочих спецовках. А может, ему было все равно.

— Ископаемых находят не так уж и много,— возразил он.— Подумайте, сколько всего животных жило на Земле. Сколько миллиардов и триллионов. И сравните с тем, сколько мы находим ископаемых. А ведь эти ящеры были разумные существа. Не забывайте об этом. Они не собирались попадать в снежные заносы или в грязь, не собирались они и падать в лаву, разве что совершенно случайно. А теперь вспомните, как мало обнаружено ископаемых людей — даже тех субразумных человекоподобных обезьян, живших миллион лет назад.

Говоря это, он смотрел на свой полупустой стакан и все вертел и вертел его в руках.

— Да и что бы показали ископаемые?— сказал он.— Металлические пояса ржавеют, от них ничего не остается. Эти маленькие ящеры были теплокровные. Я-то это знаю, но вы бы не могли доказать это по окаменелым костям. Ну и что? А можно было бы через миллион лет определить по скелету человека, как выглядит Нью-Йорк? Могли бы вы отличить человека от гориллы и сказать, кто придумал атомную бомбу, а кто ел бананы в зоопарке?

— Ну нет,— решительно возразил ему Джо.— Скелет гориллы от человеческого отличит кто угодно. У человека мозг больше. Любой дурак скажет, кто обладал разумом.

— Да что вы?— Профессор засмеялся сам себе, как будто все это до того просто и очевидно, что и времени на объяснения тратить не стоит.— Вы судите обо всем по тому типу мозга, который удалось развить человеческим существам. Эволюция идет по-разному. Птицы летают по-своему, летучие мыши — по-своему. У жизни множество всяких закавык. Как вы думаете, какой частью своего мозга вы пользуетесь? Примерно пятой. Именно так утверждают психологи. Насколько им известно — насколько известно всем,— восемьдесят процентов нашего мозга вообще не используется. Каждый как бы работает на малой скорости, кроме разве что нескольких человек за всю историю. Леонардо да Винчи, например, Архимед, Аристотель, Гаусс, Галуа, Эйнштейн...

Кроме Эйнштейна, я никогда ни о ком из них не слыхал, но даже и бровью не повел. Он назвал и нескольких еще, но я здесь вставил лишь тех, кого запомнил. Затем он сказал:

— Мозг у тех маленьких рептилий был крошечный, может, в четверть человеческого, а может, и того меньше, но они использовали его весь, целиком и полностью. По их костям, вероятно, этого не скажешь, но они были разумные существа — разумные, как и люди. И они были хозяевами Земли.

И тут Джо выдал по-настоящему блестящую идею. Мне даже показалось на какое-то мгновение, что он припер-таки профессора к стенке, и я страшно обрадовался.

— Послушайте, п'фессор,— сказал он,— если эти ящеры были такие умные, почему же они после себя ничего не оставили? Где же их города, и здания, и всевозможные штуковины, которые мы постоянно находим от пещерных людей,— каменные ножи и все такое прочее? Ну, черт меня дери, да если бы люди исчезли с лица Земли, вы только представьте, что́ бы м ы оставили после себя! Нельзя было бы пройти и милю без того, чтобы не наткнуться на какой-нибудь город. А наши дороги!

Но профессора просто было не удержать. Он даже как бы встряхнулся.

— Вы по-прежнему судите о других формах жизни по человеческим меркам,— просто ответил он.— Мы строим города, дороги, аэропорты и все остальное, что нам нужно, а они этого не делали. Они были по-другому устроены. Весь их образ жизни во всем был совершенно иной. Они не жили в городах. Искусства вроде нашего у них не было. Я не уверен, а что́ же именно у них было, поскольку вся их жизнь была настолько чужда мне, что я просто оказался не в состоянии ее постичь... кроме пистолетов. Вот они-то были такие же, как у нас. Странно, правда? Насколько я знаю, может, мы каждый день натыкаемся на их останки и даже не догадываемся, что это такое.

Мне к тому времени весь этот треп уже изрядно поднадоел. Профессора просто невозможно было на чем-нибудь поймать. Чем умнее становился ты сам, тем умнее становился он.

— Послушайте,— сказал я. — Откуда вы столько обо всем этом знаете? Вы что, жили с ними? Или, может, они трёкали по-английски? Или, того чище, вы сами говорите на языке ящеров? Скажите-ка на нем несколько слов.

Я, наверное, тоже взбеленился. Знаете, как бывает: скажет тебе парень что-нибудь такое, чему ты не веришь, потому как все это враки, а вот заставить его признать, что он врет, никак не можешь.

Профессор, однако, не разозлился, он лишь снова неторопливо наполнил стакан.

— Нет,— продолжал он,— я ничего не говорил, и они ничего не говорили. Они просто посмотрели на меня своими холодными, жесткими, немигающими глазами — глазами змеи,— и я понял, что у них на уме, но я видел, что и они догадались, о чем думаю я. Не спрашивайте у меня, как это произошло. Произошло — и все тут. Все. Я понял, что они вышли на охоту, как знал я и то, что упускать меня они не собираются.

И мы не спросили. Мы просто сидели и смотрели на него, потом Рей сказал:

— А что дальше? Как вам удалось бежать?

— Это оказалось легко. По гребню холма суетливо прошмыгнуло какое-то животное. Оно было длинное — футов, наверное, десять — и узкое и бежало, припадая к земле. Ящеры возбудились, и их возбуждение передалось мне. Казалось, их захлестнула жажда крови, и, совершенно позабыв обо мне, они унеслись прочь. Я забрался обратно в машину, вернулся и разломал ее.

Такого конца нам еще сроду не приходилось слышать. Джо прокашлялся.

— Ну, и что же случилось с динозаврами?

— Как, неужели непонятно? А я-то полагал, что все довольно просто. Все сделали именно эти разумные ящеры. Они были охотниками — по инстинкту, по выбору. Это было их хобби в жизни. Они убивали не ради пищи, а ради развлечения.

— И они просто стерли с лица Земли всех динозавров?

— Во всяком случае, всех, что тогда жили; все современные им виды. Думаете, это невозможно? А сколько времени понадобилось нам, чтобы уничтожить стадо бизонов в сто миллионов голов? А что стало с дронтами за несколько лет? Предположим, если бы мы всерьез взялись за это, то сколько бы продержались львы, тигры и жирафы? Господи, да к тому времени, как я увидел этих ящеров, на земле не осталось никакой крупной дичи — ни одной рептилии, пожалуй, длиннее пятнадцати футов. Все исчезло. Эти чертенята гонялись теперь за маленькими, суетливо перебегавшими по земле, и, вероятно, с сожалением вспоминали добрые старые времена.

Мы молча сидели, смотрели на свои пустые кружки и думали. Все эти динозавры, здоровенные, как дома, убиты маленькими ящерами с пистолетами. Убиты ради спортивного интереса.

Потом Джо наклонился над столом, положил руку на плечо профессора, легонько так, и потряс его.

— Эй, п'фессор,— сказал он,— но если так, то что же случилось с этими маленькими ящерами, у которых были пистолеты? А? Вы не возвращались туда, чтобы узнать?

— Вы все еще не понимаете? Ими уже овладевали новые желания. Я прочел это по их глазам. Крупная дичь у них кончалась — они лишались своего удовольствия. Ну и, как вы думаете, что же они сделали? Они обратились к другой дичи — самой крупной и самой опасной из всех — и повеселились на славу. Они охотились за этой дичью до конца.

— За какой еще дичью?— спросил Рей. Он ничего не понял, а мы с Джо все поняли.

— Да друг за другом,— громко сказал профессор.— Покончив со всеми остальными, они взялись друг за друга, пока не осталось ни одного.

И снова мы замолчали и задумались об этих динозаврах, здоровенных, как дома, а приконченных маленькими ящерами с пистолетами. Думали мы и об этих маленьких ящерах, которые так и не смогли перестать стрелять, даже когда упражняться в стрельбе можно было только друг на друге.

— Бедные глупые ящеры! — произнес Джо.

— Да,— вздохнул Рей,— бедные чокнутые ящеры.

И тут случилось нечто такое, что нас не на шутку напугало. Профессор вдруг вскочил, а глаза у него были такие, будто вот-вот выскочат из орбит, а сам он накинется на нас.

— Дураки безмозглые! — закричал он.— Чего сидите и распускаете нюни по каким-то рептилиям, которые подохли сто миллионов лет назад? То был первый разум на Земле, и именно так он и кончил. Это уже в прошлом. Но мы-то уже второй разум, а как, черт побери, вы думаете, кончим мы?

Он оттолкнул стул и направился к двери. Но прежде чем совсем уйти, остановился и сказал:

— Бедное глупое человечество! Вот о чем надо плакать!

Перевел с английского В. ПОСТНИКОВ.

ЖЕРТВА БЕРМУДСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

СПОРТИВНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ПРЕРВАННЫЙ ДИАЛОГ

Океан был синий-синий, как обои в спальне у Олега Ящикова. И с такими же беленькими разводами. Олег эти обои из прошлой поездки привез жене в подарок. Их можно было стирать, гладить и даже вытирать о них руки — никаких следов не оставалось. Жена тогда долго ворчала, что он такую дурацкую расцветку выбрал, которая со шторами не гармонирует. Даже клеить не хотела, думала, может, обменять как-то. А как он ей обменяет? Не поедет же он из-за этого обратно в Италию? Да и кто его одного пошлет, без команды?.. А теперь и с командой-то не пошлют — после того, что вчера случилось!

Ящиков отвернулся от самолетного иллюминатора, откинулся в кресле и закрыл глаза. Это ж надо, как глупо все получилось! В кои-то веки их футбольная команда «Трикотажник» была приглашена в Южную Америку на турнир родственных обществ — и вот такая неприятность! И как только его угораздило перед первым же матчем нарушить спортивный режим? Лучше бы модный галстук себе купил, а польстился на эту дурацкую бутылку! И главное, хоть бы удовольствие получил, а то тьфу, дрянь несусветная! Только что этикетка красивая.

Ну, а ребята раскипятились: «Команду подвел!», «Доверять тебе больше не можем!» — и всякое такое... Он уж и каялся и прощения просил — не помогло!

«Мы,— говорят,— тебя уже много раз прощали, а ты опять за свое! Все! Терпение лопнуло!»

Ящиков им русским языком пытался объяснить, что он выпил-то всего с гулькин нос и что такая смехотворная доза на игре никак не может отрицательно отразиться. Да разве они станут слушать! Проголосовали — отправить его первым же рейсом домой. И вот вместо того, чтобы играть в престижном международном турнире трикотажников, левый защитник Олег Ящиков сидит в самолете и рассматривает в иллюминатор этот дурацкий океан. Да еще неизвестно, чем вся эта история закончится, когда ребята после турнира вернутся. Запросто из команды могут отчислить... Э-эх, лучше об этом не думать! Чего себя без толку изводить!

Олег открыл глаза и повернулся к сидевшему рядом мужчине, сосредоточенно изучавшему какую-то испещренную формулами, по виду очень занудную рукопись.

— Сосед, в домино сыграть не желаете?

Мужчина, с головой ушедший в свои формулы, на предложение не отреагировал.

— Сосе-ед! — подтолкнул его локтем Ящиков.— К вам обращаются... Не хотите, говорю, в домино сыграть? Или, может, в шахматишки перекинемся?

— Что?..— встрепенулся мужчина.— В шахматы? Нет, благодарю вас, я должен поработать...

— Дома поработаете,— возразил Олег.— В транспорте читать вредно, глаза будут болеть. Вы сами-то откуда летите?

— Я? С международного симпозиума.

— Вот что,— понимающе кивнул Ящиков.— Ну, и какие же вопросы вы там обсуждали?

— Проблему Бермудского треугольника. Слышали, наверно?

— Факт. Это где корабли-самолеты исчезают? Ну и чего же вы там решили? В чем причина-то?

— Ну, видите ли, пока трудно судить,— развел руками мужчина.— Да и симпозиум еще

не закончился. Мне, к сожалению, раньше пришлось уехать...

— Что, тоже режим нарушили? — оживился Олег.

— Какой режим? — не понял собеседник.

— Спортивный, какой же еще! Или как там он у вас называется? Научный, наверно...

— Нет,— вздохнул мужчина,— режим я не нарушал. Просто у нас в институте завтра ученый совет собирается, ну и мне там необходимо присутствовать.

— А-а,— разочарованно протянул Ящиков.— Ну, черт с ним, с этим советом. Вы мне лучше скажите, куда все-таки из Бермудского треугольника транспорт девается? Я давно над этим думаю. У меня даже идея одна есть, только вот не знаю, как наука на нее посмотрит...

— Ну-ну,— подбодрил сосед.— Интересно послушать. Тем более что мы сейчас как раз над этим районом пролетаем.

— Над этим? — ахнул Олег.— А мы не того?.. Не исчезнем?

— Не думаю. Это случается не столь уж часто, так что практически можно не беспокоиться... Ну-с, в чем же состоит ваша идея?

Ящиков опасливо поглядел в иллюминатор, поежился и неуверенно произнес:

— Я так думаю, может, тут климат какой особенный?..

— Какой особенный?

— Ну, такой, что человеку тут все время выпить хочется. Может, влажность тут виновата или еще что. Вы не улыбайтесь, я дело говорю. По себе чувствую. Ну вот... Глядишь, другой летчик не удержится от искушения, а после и заснет за штурвалом... А самолет-то в океан и тю-тю.

— Жалко, вас не было на симпозиуме,— заметил собеседник.— Мы там эту версию не догадались проработать.

— Вы вот смеетесь, потому что вы теоретик. От жизни оторваны,— убежденно заявил Ящиков.— А жизнь — она штука сложная, в ней всему есть место...

— Ну, а куда корабли деваются? — поинтересовался сосед.— Ну, предположим, рулевой, как вы говорите, нарушил режим. Ну, сбился корабль с курса, но ведь куда-нибудь он все равно должен приплыть. С чего бы ему ко дну-то идти?

— Да, тут загвоздка,— согласился Олег.— Тут я еще не продумал.

Он снова с опаской взглянул в иллюминатор и поинтересовался:

— Ну, а вы сами-то как считаете? В чем тут собака зарыта?

— Гм... С уверенностью, конечно, сказать не могу... Есть, например, такая гипотеза, что как раз в этом месте находится, так сказать, окно в антимир. И при определенных обстоятельствах самолеты или корабли туда как бы засасывает...

— В антимир? — нахмурился Ящиков.— Что это еще за пакость такая?

— Это не совсем пакость,— пояснил сосед.— Это просто мир, похожий на наш, только там все наоборот.

— Как это? — удивился Олег.— Абсолютно все?

— Абсолютно все. Вот мы с вами, скажем, дышим кислородом, а выдыхаем углекислый газ. А в антимире... в антимире...

Ящиков сонно закрыл глаза, голова его поникла. Самолет резко тряхнуло, и Ящиков с ужасом почувствовал, что он проваливается куда-то в бездну. Неодолимая сила вдавила левого защитника в кресло, в глазах у него потемнело, как будто его стукнули мячом по затылку... Он вспомнил детство, вспомнил своего первого тренера, вспомнил другого... Второго числа должны были выдавать зарплату, а он ее не успел получить. Вот так всегда и выходит! Обидно... Он хотел еще вспомнить жену и товарищей по клубу, но этого ему не было суждено. Раздался страшный, душераздирающий грохот, и на том месте, где только что был самолет, осталось только небольшое белое облачко, неторопливо плывущее по безмятежному небу.

ЧП В «АНТИЛОПЕ»

Собрание игроков «Антилопы», одной из ведущих футбольных команд антимира, подходило к концу. Тренер Антей Антипыч, яростно жестикулируя, втолковывал понурившимся футболистам:

— Когда вы наконец преодолеете комплекс своего поля?! Это что же получается? Как на выезде играем — тут вы орлы! Никого не боитесь. Но как только, не дай бог, на своем поле противника принимаем, вас просто узнать невозможно! Сколько мне с вами еще воспитательную работу проводить на эту тему?! Взять хоть тебя, Антихонов! Ты почему так слабо в последнем матче выступал, можешь ты нам объяснить? Как будто в первый раз на поле вышел!

— У меня жена на трибуне сидела,— покраснев, буркнул Антихонов.— Вместе с тещей. Ну, я и... разволновался...

— Разволновался! — передразнил тренер.— Бром надо пить! А ты, Бантиков? Из-за тебя ведь четвертый гол пропустили! Ты почему ворон считал?

— Меня поддержка зрителей из колеи выбивает,— потупился Бантиков.— Комплекс у меня сложился. Как кто с трибуны крикнет: «Бантиков, жми!» или аплодисментами подбадривать начнет, так у меня прямо руки опускаются. Закрепощает меня доверие зрителей. Хочу его оправдать — и не могу!

— Закрепощает его! — рассердился Антей Антипыч.— Если ты такой закрепощенный, чего ж ты во втором тайме разные предметы с поля в зрителей бросал? Бутылки пустые и еще какую-то дрянь! Ну, что молчишь?.. Я тебя спрашиваю: от чего ты бросал на трибуну пустые бутылки?

— От минеральной воды,— подавленно прошептал Бантиков.

— Но зачем, зачем ты это сделал?— не унимался Антей Антипыч.— Что ты этим хотел доказать?

— Это я от радости,— развел руками провинившийся.— Когда мы седьмой гол забили. Ну, я и не выдержал. Такой вот эмоциональный всплеск допустил...

— Он не один бросал, Антей Антипыч,— вмешался капитан команды.— Мы все тут виноваты. И я в том числе.

— А уж от тебя-то я не ожидал, Пантилеев,— покачал головой тренер.— Ты тоже с радости бросал?

— Я?.. Нет, я от возмущения. Там у одного зрителя в седьмом ряду вид был очень неопрятный. Рубашка на штаны выпущена, лохматый какой-то, нечесаный... Ну, я и не выдержал. Можно ли в таком виде на футбол ходить? Это ведь не танцплощадка все-таки!

— Я тебя понимаю, конечно,— смягчился Антей Антипыч.— Его внешний вид оскорблял твое достоинство. Но ты все же впредь воздержись. Есть же и другие меры воздействия. Побеседуй с ним после матча, узнай, отчего он такой. Может, у него дома нелады или на службе. Может, ему помочь надо, а ты в него — бутылкой...

— Больше не повторится, Антей Антипыч,— взволнованно заверил капитан.— Признаю: погорячился. После первой же игры его отыщу и по душам побеседую. Постараюсь привить ему чувство прекрасного... Разрешите, я его в нашу библиотеку запишу?

— Разрешаю,— кивнул тренер.— Ну, на сегодня, кажется, все. Можете разойтись.

Футболисты зашумели и нестройной толпой потянулись к выходу. В этот момент к столу, за которым сидел Антей Антипыч, протиснулся молодой нападающий Кондратьев.

— Подождите, ребята,— негромко, но с чувством произнес он.— Я хочу вам кое-что сказать...

Голос его был полон такого внутреннего напряжения, что все сразу остановились.

— В чем дело, Антон? — удивленно спросил капитан.— Говори, мы слушаем... Ну, что же ты?

— Понимаете...— замялся Кондратьев,— я не хотел говорить... Я думал, он сам... Но он скрыл от вас... от всех нас... В общем, мне совесть не позволяет умолчать...

— Да что случилось-то? — загалдели все.— Ближе к делу!

— Давай говори, не стесняйся!

Кондратьев набрал в грудь воздуха и, побледнев, отчеканил:

— Игрок нашей команды Антильский во время последнего матча оскорбил соперника!

В комнате повисла зловещая тишина. Все обернулись к Антильскому. Тот сделался красным, как борода влюбленного петуха, и принялся застенчиво ковырять ботинком пол.

— Что... Что ты ему сказал? — тоном, не предвещающим ничего доброго, поинтересовался капитан.

Антильский, уставясь в пол, молчал.

— Он сказал...— не выдержал Кондратьев.— Он назвал соперника... назвал его бессовестным!..

Все замерли в оцепенении. Кто-то ахнул тихо. Антильский сидел ни жив ни мертв.

Первым пришел в себя капитан.

— Как ты мог...— с трудом подбирая слова, начал он.— Как ты мог так ужасно... так грубо оскорбить своего же товарища, тем более из команды соперника! Как у тебя язык повернулся?!

— Так ведь он...— пробормотал виновато Антильский.— Он ведь снес меня около штрафной площадки...

— Он что, не извинился перед тобой? — строго спросил Антихонов.

— Извинился,— еле слышно прошептал Антильский.— Три раза извинился...

— Так почему же ты... почему ты позволил себе такое?..

— Я сгоряча! Простите меня... Я больше никогда! Слово даю! Очень уж обидно было: я бы мог гол забить, а он меня...

— Разве гол — это главное? — рассердился капитан.— А ты подумал, какую ты ему нанес моральную травму?!

— Да он не слышал,— слабо защищался Антильский.— Я шепотом! И потом я к этому времени уже к своим воротам вернулся...

— Пусть он не слышал! — перебил Бантиков.— Но где была твоя совесть? Если человек не слышит, значит, можно его оскорблять?

— Самое ужасное, что это произошло во время игры,— задумчиво произнес тренер.— Антильский поступил не по-мужски... Осквернил дух рыцарства, который должен царить на поле. Горько, очень горько сознавать, что член нашего коллектива унизил своего соперника... Что будем с ним делать?

— Предлагаю на первый раз выговор,— решительно заявил Бантиков.

— Нет,— жестко сказал капитан,— такое нельзя прощать! Вношу предложение: дисквалифицировать Антильского на три игры.

— Может быть, на две! — подал голос Антихонов.— Я думаю, он сам осознал...

Капитан хотел что-то возразить, но в этот миг дверь распахнулась и в комнату вбежал массажист Антигоныч.

— Слыхали? — с порога крикнул он.— К нам опять из того, обратного мира самолет затянуло! Вместе с пассажирами!

— Футболистов среди них нет случайно? — взволнованно поинтересовался тренер.

— То-то и оно, что есть! Правда, только один, но зато парень что надо! Сорок четвертый размер обуви! Представляете, какой удар у него должен быть!..

— Так где он? — вскочил тренер.— Зови его скорей сюда!

— С ним уже руководство клуба беседует,— радостно потер руки массажист.— Сам Антимоньев в аэропорт за ним ездил. Прямо в свой кабинет привез!

— А ты откуда знаешь?

— Так Антимоньев только что по телефону звонил. Просил вас, Антей Антипыч, через час к нему зайти.

— Так чего ж ты молчишь? — рассердился тренер и, на ходу надевая пиджак, помчался к выходу. И уже откуда-то с улицы до растерявшихся игроков донеслось:

— Собрание команды считаю закрытым...

ЖЕСТ, ЗАМЕНЯЮЩИЙ РУКОПОЖАТИЕ

В просторном кабинете руководителя клуба Антимоньева уже второй час шла задушевная беседа. За большим письменным столом восседал в кресле ничего не понимающий, еще не успевший толком прийти в себя Ящиков. Сам же хозяин, застенчиво сложив руки на коленях, робко сидел перед ним на стуле.

— Вот я и говорю,— смущенно мямлил Антимоньев,— в нашем футболе назрел... в некотором роде... кризис. Понимаете, наметилась нездоровая тенденция: все команды от-

сиживаются у чужих ворот, в нападении, полностью пренебрегая защитными построениями. В нашем чемпионате всего лишь две-три команды играют по системе 1-2-2-6. А остальные применяют 1-1-2-7, а то и вообще играют без защиты, уповая на универсализм игроков, то есть на то, что нападающие должны время от времени приходить к своим воротам и помогать вратарю. Но на практике эти эпизодические отходы ничего не дают, и, как правило, все матчи заканчиваются у нас с астрономическим счетом. Вот, например, наша команда последнюю игру проиграла 7 : 9. А перед этим мы одержали две победы на выезде — 14 : 11 и 19 : 15. Понимаете, такой вот перекос. Этих созидателей нам уже некуда девать, а вот разрушителей — раз-два и обчелся.

— Ну, дела! — покачал головой Ящиков.— Как это вы дошли до такой жизни?

— Не думайте, что мы не боролись с этим! — вздохнул Антимоньев.— Мы уже чего только не перепробовали! И приз мелкого счета учредили и зачет специальный ввели, по которому за нулевую ничью командам по три очка начисляется. Но ничего не помогает! А ведь сами посудите, что это за футбол без нулевых ничьих?..

...«А может, я сплю? — неожиданно осенило Ящикова.— Наверно, мне все это снится! Надо незаметно проверить, чтоб этот тип не догадался...»

Олег изо всех сил наступил сам себе на ногу. Он давил и давил и даже покрутил для верности каблуком, но боли не почувствовал.

«Ну факт, сплю! — обрадовался Ящиков.— Приснится же чертовщина! Однако интересно, чем все это кончится...» — И, повеселев, принялся слушать дальше.

— Одна проблема порождает другую,— нервно дернув щекой, продолжал Антимоньев.— Такое обилие голов привлекает на трибуны дополнительное число зрителей. Стадионы не могут вместить всех желающих, получается давка. В прошлом месяце в соседнем городе в толпе задавили контролера с двадцатилетним стажем. Мы просто не успеваем реконструировать стадионы и готовить все новые кадры контролеров и продавцов мороженого. К тому же футбол отрывает людей от домашнего хозяйства, от домино, от телевизора, наконец! Вот к чему приводит бездумное, однобокое увлечение атакой! Одним словом, нам позарез необходимы хорошие защитники. Вот мы и хотели бы... мы хотели бы узнать... не согласитесь ли вы выступать за наш клуб?.. У нас хорошие условия, мы вам интересную работу подыщем, жилплощадь предоставим из антикварного фонда...

— Та-а-ак...— задумчиво произнес Олег.— Значит, вы хотите, чтобы я за вашу «Зебру» играл?..

— За «Антилопу»,— смущенно поправил его Антимоньев.— Я понимаю, с моей стороны не совсем этично просить вас об этом вот так, сразу, когда вы только что прилетели к нам и еще не успели оглядеться, освоиться, но... у нас завтра очень важный матч, мы играем со своим извечным соперником, и нам хотелось бы... чтобы вы в нем приняли участие... Если можно, конечно...

«А может, все-таки не сплю? — снова засомневался Ящиков.— Уж больно отчетливо я этого ихнего начальника вижу...»

Олег протер глаза и еще сильнее наступил себе на ногу. Боли по-прежнему не ощущалось. Ящиков хитро улыбнулся и решил пока не просыпаться. Ему стало интересно, как оценивают его мастерство в этом сонном царстве.

— Ну, и какие условия вы мне можете предложить? — снисходительно поинтересовался он.

— Самые лучшие,— засуетился Антимоньев.— О квартире я уже говорил. Что касается профессии, вы можете сами выбрать, что вам по душе. Ну, скажем, антиквар, дантист, антигравитатор...

— Антигравитатор? — заинтересовался Олег.— Это звучит ничего, солидно... А какой там оклад?

— Триста сантимов,— с готовностью откликнулся Антимоньев.

— Мало,— на всякий случай сказал Ящиков.— Триста пятьдесят.

— Хорошо... Но тогда вы должны будете стать старшим антигравитатором...

— Подумаешь! — пренебрежительно пожал плечами Олег.— Мне приходилось числиться и начальником пожарной охраны.

— Тогда можете сразу получить аванс,— предложил Антимоньев и протянул Ящикову несколько больших зеленоватых купюр.

Олег нерешительно взял их, посмотрел на свет, помял в руках... Сомнений не оставалось: деньги были настоящими.

— Ничего не понимаю...— пробормотал он и в третий раз грохнул своей правой пяткой по большому пальцу левой ноги.

— Ай! — вскрикнул Антимоньев.— Извините, больше терпеть не могу! — Он с трудом выдернул свою худую длинную ногу из-под Олеговой пятки и принялся ее растирать.— К сожалению, я не знаю, что означает в ваших краях этот жест, когда собеседнику трижды наступают на ногу. Полагаю, что это знак дружелюбия... Надеюсь, вы позволите мне истолковать его как сердечное рукопожатие?

— По... позволю...— растерянно пролепетал Ящиков.

— Тогда будем считать, что мы договорились! — радостно заключил Антимоньев и что есть мочи, от всей души наступил Олегу на ногу...

«АНТИЛОПА» МЕНЯЕТ ТАКТИКУ

До матча оставалось полчаса. В раздевалке «Антилопы» Антей Антипыч давал последние указания.

— Значит, все поняли? Главное — забить этой «Атлантиде» на один гол больше, чем пропустим!

— Это на своем-то поле! — скептически покачал головой Бантиков.

— Ты эти разговоры брось! — одернул его тренер.— Будешь команду разлагать — в дубль переведу. Тоже мне, Антарктиду открыл! Каждому младенцу известно, что на своем поле играть трудно. А ты вот попробуй в таких условиях не стушеваться и выиграть. Покажи, что у тебя характер есть!

— А зачем обязательно выигрывать? — удивился Ящиков, натягивая на себя новенькую, с иголочки, форму «Антилопы».— Можно ведь и ничью сделать. На чужом поле будем на выигрыш играть, а дома нам и ничьей хватит.

— Так-то оно так,— согласился Антей Антипыч.— Да противник с этим вряд ли согласится. Зачем ему ничья? Он голы захочет забивать...

— Не позволим! — твердо заявил Олег.— Раз такое дело, мы выездную модель применим.

— Что еще за модель? — заинтересовался тренер.— Никогда не слыхал...

— Неужель не слыхали? — удивился Ящиков.— Это очень просто. Уйдем все на свою половину поля. Вместе с мячом. Крепость выстроим. Костьми ляжем, но за центральный круг не перейдем! Пусть эта «Атлантида» попробует к нашим воротам пробиться!

— Боюсь, что пробьются,— вздохнул Антей Антипыч.— Наши ребята защищаются слабовато. Опыта у них мало. Даже позицию правильно выбрать не могут...

— Какая там позиция! — небрежно махнул рукой Олег.— Зачем она им нужна! Сыграем персоналку — и дело с концом!

— «Персоналку»?.. А... как ее играть?

— Ну, как? Скажем, нашу «пятерку» приставляем к их «пятерке», «шестерку» — к «шестерке»... Неужели вам такая игра незнакома?

В комнате воцарилось молчание. Первым нарушил его капитан.

— Пятерку приставить к пятерке, а шестерку — к шестерке? — задумчиво переспросил он.— Кажется, мне знакома такая игра... Она, по-моему, называется «домино»...

— Ну, при чем тут домино? — рассердился Ящиков.— Это называется «персональная защита»! К каждому их игроку прикрепляем нашего, чтоб он ему играть не давал. Так мы всех игроков разменяем — и забивать будет некому. Понятно?..

— А что? В этом что-то есть...— после некоторого раздумья заявил тренер.— Попробовать можно... По крайней мере счет будет поменьше... Значит, так... Вы, Ящиков, возьмите на себя их десятый номер. Он у них самый опасный игрок. Пантилеев нейтрализует «семерку», Бантиков — «девятку»...

Антей Антипыч быстро распределил между игроками новые обязанности, и «Антилопа» выбежала на поле.

После небольшой разминки команды выстроились в центральном круге. Капитаны обменялись рукопожатием и принялись разыгрывать ворота.

— А судья-то где? — громко удивился Олег.— Заснул, что ли, где-нибудь под трибуной?

— У нас нет судей,— шепнул ему стоящий рядом Антихонов.— Вон, видите лозунг?

Ящиков поднял глаза и увидел укрепленный возле табло огромный транспарант:

«Лучший судья — ваша совесть!»

— Вот это да! — хмыкнул Ящиков.— Во учудили! Да как же это можно — без судьи?

— А для чего нужен судья? — сделал большие глаза Антихонов.— Разве вы не доверяете сопернику?

Олег смерил его взглядом и хотел сказануть что-нибудь эффектное, чтобы осадить этого мальчишку, но не смог найти достойного ответа и, молча сплюнув, повернулся и побежал к своим воротам. Игра началась.

Футболисты «Атлантиды» сразу же пошли в атаку, но, встретив столько народу в штрафной площади «Антилопы», опешили. С такой системой защиты им еще не приходилось встречаться. Помыкавшись в тесноте, они попытались выманить противника на себя, но антилоповцы не поддались на эту уловку и продолжали мужественно отсиживаться на своей половине. Наконец, мяч попал к десятому номеру гостей, обладавшему незаурядной техникой. Он прошел с ним по краю, серией искусных финтов оставил за спиной Ящикова, потом еще двух защитников, дошел до угла штрафной и приготовился уже нанести удар, но в это время сзади его догнал подоспевший Олег и, сделав энергичный подкат, вынес мяч вместе с противником за боковую линию. Полежав несколько минут на гаревой дорожке, нападающий, кряхтя, поднялся и вопросительно посмотрел на Ящикова, ожидая извинения. Однако, увидев, что тот никак не реагирует, он недоуменно пожал плечами и, подковыляв к месту, откуда началась траектория его полета, принялся внимательно изучать поле. Наконец он нашел неподалеку какой-то микроскопический бугорок. Лицо его просветлело. Он удовлетворенно кивнул, приветливо помахал Ящикову рукой и снова включился в игру.

Теперь Олег стал действовать внимательней. Он плотно опекал атлантидовца и старался не отпускать его ни на шаг, но в конце тайма тот все-таки улучил момент и на большой скорости проскочил с мячом мимо. Мгновенно сообразив, что догнать его теперь вряд ли удастся, Ящиков охнул, картинно взмахнул руками и рухнул на землю. Услышав шум за спиной, нападающий оглянулся, побледнел и, забыв про мяч, бросился к Олегу.

— Извините меня! — принялся хлопотать он вокруг закатившего глаза Ящикова.— Вам плохо? Я сейчас воды принесу... Прошу вас, не сердитесь на меня, пожалуйста... Я, честное слово, не хотел...

Он сбегал за фляжкой, набрал в рот воды и принялся брызгать на пострадавшего. Олег брезгливо поморщился и открыл глаза.

— Ладно уж, чего там,— ворчливо произнес он.— На первый раз прощаю. Только гляди мне, если это повторится!..

— Даю вам слово впредь быть осторожнее,— горячо сказал нападающий, с трудом поднимая Ящикова с земли и отряхивая с его трусов прилипшие травинки.— Сам не знаю, как это у меня получилось...

Пока они выясняли отношения, капитан «Антилопы» Пантилеев установил неподалеку мяч и приготовился бить штрафной. Он энергично разбежался, занес ногу для удара, но вдруг остановился как вкопанный.

— Ты чего стал? — удивился Ящиков.— Муха в глаз попала?

— Нет, просто не имею морального права бить. Вы только посмотрите, где соперники выстроили стенку! Они же отошли от мяча метров на пятнадцать!

Услышав эти слова, игроки «Антилопы» подбежали к «стенке» и принялись силой придвигать ее ближе к мячу. Соперники отчаянно упи-

рались, не желая сделать ни шагу вперед. Уступать никто не хотел. Минут через десять был наконец достигнут компромисс, однако к этому моменту время первого тайма истекло, и игроки в обнимку с соперниками побежали к раздевалке.

...Едва началась вторая половина игры, как десятый номер снова подбежал к Олегу.

— Ну, как вы себя чувствуете? Ничего не болит? Мне очень совестно перед вами за мой поступок...

— Чего? — насторожился Ящиков.— Какой еще поступок?!

— Ну, тот самый, помните? Я вас, наверно, очень ушиб?

— А, вон ты о чем! Да, я в перерыве еле отвалялся. Ну ладно, я незлопамятный. Играй себе, только не носись как угорелый.

— Я постараюсь,— заверил атлантидовец.— Вы не думайте, что я грубиян! Я обычно играю корректно.

— Ну и на здоровье! — сказал Олег и сделал шаг в сторону.

— Но у вас в самом деле ничего не болит?..

— Отвяжись ты! — буркнул Ящиков и засеменил к своим воротам.

Но было поздно. Пока они разговаривали, случилось непоправимое. Один из соперников обвел зазевавшегося Бантикова, сделал навес в штрафную, и примчавшийся туда на помощь своим отчаявшимся нападающим вратарь «Атлантиды» в высоком прыжке головой послал мяч в ворота «Антилопы».

Трибуны горестно ахнули, но все же нашли в себе силы для вежливых аплодисментов. Игроки «Антилопы» по традиции бросились целовать удачливых соперников, однако автор гола, с трудом расцепив дружеские объятия повисшего на нем Бантикова, грустно, но твердо заявил:

— Не надо меня поздравлять. Не за что. Я был в офсайде!

— Ничего подобного,— возразил Бантиков.— В момент удара я был к воротам ближе. Офсайда не было.

— Нет, был,— стоял на своем соперник.— Мне лучше знать.

— А вот и нет,— поддержал Бантикова вратарь «Антилопы».— Мне было отлично видно. Никакого офсайда. Стопроцентный гол.

— Ты не прав,— возразил прибежавший на помощь партнеру капитан соперников.— Офсайд был. Мяч не засчитываем.

— Какое же вы имеете право не засчитывать, если вы нам забили! — возмутился Бантиков.— Нам не нужно липового очка!

Антилоповцы сгрудились вокруг вратаря противника и принялись выталкивать его из своей штрафной площади.

— Иди к своим воротам. Мы начинаем с центра!

— Не пойду,— решительно покачал головой вратарь.— Не встану в ворота, пока вы не пробьете свободный.

Вскоре к дискуссии подключились все игроки обеих команд, кроме Ящикова и ходившего за ним по пятам десятого номера «Атлантиды». Отчаянно жестикулируя, футболисты наскакивали друг на друга, били себя в грудь и тщетно пытались доказать соперникам свою правоту. Наконец Ящикову это надоело.

— Хватит митинговать! — громко объявил он.— Ставлю вопрос на голосование. Кто за то, чтобы засчитать гол в наши ворота?

Все игроки «Антилопы» дружно взметнули вверх руки.

— Десять...— сосчитал Олег.— Опускайте. Теперь подымите те, кто за офсайд.

На этот раз руки подняли все атлантидовцы, кроме «десятки».

— А ты чего не голосуешь? — удивился Ящиков.

— Я... если можно... воздержусь... Я с вами разговаривал и не видел, к сожалению, что там происходило...

— А-а... Ну, зато я видел. Был чистый офсайд...— И Олег решительно поднял руку.

— Итого одиннадцать. Гол не засчитывается!

Игроки «Антилопы» пробили свободный, и игра продолжалась. Нездоровая тенденция забивать голы подходила в антимире к концу...

Продолжение следует.

ЖЕРТВА БЕРМУДСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

СПОРТИВНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Пролетающий над Бермудским треугольником самолет неожиданно терпит аварию и вместе с пассажирами таинственным образом оказывается в антимире. Руководство одной из футбольных команд антимира, узнав, что среди пассажиров находится футболист Олег Ящиков, договаривается с ним о его зачислении в команду «Антилопа». Ящиков с удивлением узнает, что футболу антимира присущи проблемы, прямо противоположные тем, к которым он привык: засилье наступательных построений, проблема своего поля, воинствующая вежливость соперников... Едва освоившись, Олег вступает с этими тенденциями в решительную борьбу.

СХВАТКА В НОЧИ

К великому неудовольствию Ящикова, должность старшего антигравитатора, которую он для себя выбрал, заключала в себе функции бригадира грузчиков на базе антисырья. Причем силы гравитации преодолевались здесь в основном методом «раз-два, взяли!». Из техники на базе был лишь старенький автокар, который к тому же мог передвигаться только задним ходом. Автокаром управлял одноклубник Олега — Кондратьев, а капитан «Антилопы» Пантилеев и его приятель Бантиков, едва успевшие наскоро пообедать после сегодняшнего матча, с энтузиазмом толкали по двору тяжелые ящики с антисырьем. Увидев Ящикова, одноклубники бережно опустили свой груз на землю и бросились пожимать ему руку.

— Ну и что за радость? — сухо заметил Олег. — Для того, чтоб таскать с места на место эти грязные ящики, не обязательно быть классным футболистом!

— Ну, что вы! — застенчиво возразил Кондратьев. — Если бы вы не были известным футболистом, вам ни за что бы не устроиться на эту должность. Специальность антигравитатора у нас самая престижная. Ведь на этой базе антисырья из разных отходов после переработки изготовляют товары широкого потребления.

Ящиков пожал плечами и почему-то вспомнил, что «там» отходы всякие — или, как здесь говорят, антисырье — сжигают или запросто сбрасывают в реки, что, как ему показалось, гораздо проще.

Однако вслух он не сказал об этом, а, обратившись к Кондратьеву, спросил:

— Неужели тебе всерьез нравится это дело?

— Очень! — прочувствованно сказал Кондратьев.— У нас вся молодежь сюда стремится. Конечно, ее можно понять! Кому охота в наше время быть, скажем, киноактером, писателем или, например, каким-нибудь начальником?! Что за радость протирать штаны за письменным столом да ездить по заграницам?! На это разве что какой-нибудь неудачник согласится... А антигравитатор — это профессия для настоящего мужчины!

Ящиков хмыкнул и, сославшись на то, что ему надо получить ключи от новой квартиры, исчез с базы, оставив вместо себя за старшего Пантилеева.

...Как и обещал Антимоньев, жилье Олегу предоставили из антикварного фонда. Видимо, поэтому, сколько ни крутил Ящиков ключом

Продолжение. См. № 9.

в замочной скважине, дверь открываться и не думала. Какой-то прохожий, увидев мучения Ящикова, остановился и с изумлением уставился на него. Он стоял так минут десять, не произнося ни слова, и наконец не выдержал:

— Простите мою бесцеремонность, вы не скажете, что это вы делаете?

— Что, что! — огрызнулся Олег. — Сам, что ли, не видишь? Дверь отпираю!

— Дверь?! — еще больше удивился прохожий. — А зачем ее отпирать, если она не заперта?

— Не заперта?! — не поверил Ящиков.— А чего же она тогда не открывается?

— А в этом доме ни одна дверь не открывается, — с готовностью объяснил прохожий.— Они все с самого начала были перекошены. Разве вам не говорили, что этот дом — из антикварного фонда?

— Говорили. Ну и что из этого?

— А то, что относящиеся к этому фонду антиквартиры нельзя трогать руками. Поэтому не советую вам так наваливаться на дверь — она может рухнуть вместе с косяком.

— А как же мне попасть в квартиру? — растерялся Олег.

— Как все, — пожал плечами собеседник.— Через окно. Тем более, что ваша квартира на первом этаже и вам не придется взбираться по водосточной трубе.

Ящиков внимательно поглядел на него, пытаясь понять, не морочит ли ему этот тип голову. Убедившись наконец, что тот не шутит, Олег отошел от двери и сердито поинтересовался:

— А может, окна в этом сумасшедшем доме тоже не открываются?

— Нет, нет,— заверил его мужчина.— Окна, наоборот, не закрываются. Так что вы легко сможете попасть к себе домой.

Ящиков вышел на улицу, обогнул угол дома. Окна действительно были нараспашку. Квартира, распахнув объятия, приветствовала своего нового владельца. Олег поплевал на руки, взобрался на подоконник и, спрыгнув внутрь, приступил к осмотру отведенной ему скромной антикварной обители.

Комната была обставлена просто, но со вкусом. Больше всего Ящикова заинтересовал диван, широкий и зеленый, как штрафная площадка. И такой же жесткий. Это выяснилось, когда Олег с размаху сел на него. Диван громко крякнул и, набирая скорость, поехал вдоль стены. Волосы зашевелились на голове у Ящикова. Он на полном ходу спрыгнул на пол и завороженно смотрел, как диван самостоятельно, без седока, добрался до окна и, вздрогнув, остановился. Только теперь Олег заметил, что пол возле окна был значительно ниже, чем у противоположной стены, так что оставалось только удивляться, почему диван не съехал под откос еще раньше, при прежнем владельце.

Скользя по натертому паркету, Ящиков поднялся по нему в гору и прошел в кухню. Слегка взволнованный увиденным, Олег открыл кран с холодной водой и подставил под него разгоряченный лоб. Когда он понял, что этого делать не следовало, было уже поздно. Из крана мощной струей хлынул кипяток. Ящикову пришлось бы совсем плохо, но в тот же миг чья-то уверенная рука решительно завернула кран и знакомый голос взволнованно произнес:

— Осторожно! Какое отчаянное безрассудство! Разве можно так легкомысленно обращаться с бытовыми приборами? Вы пренебрегаете техникой безопасности!..

Олег повернулся и увидел того самого прохожего, который столь любезно ознакомил его со спецификой антикварного жилого фонда.

— Вы что тут делаете?— подозрительно прищурился Ящиков.— Как вы сюда попали?

— Как все,— пожал плечами гость.— Видите ли, я из жилищной конторы, пришел к вам по поводу квартплаты...

— Еще чего не хватало!— возмутился Олег.— Какая может быть квартплата, когда я и въехать-то толком не успел! Наоборот, чуть не выехал на этом дурацком диване!

— Квартплату у нас принято вносить вперед,— твердо возразил пришелец.

— Да у меня еще и денег нет!— беззастенчиво соврал Ящиков.— Получка только через две недели будет...

— Об этом не беспокойтесь,— великодушно сказал гость.— Деньги вам не понадобятся. Я вам дам без сдачи.

— Что... что дадите?— не понял Олег.

— Как что? Квартплату. Неужели вы не в курсе? За жилье из антикварного фонда мы сами выплачиваем жильцам квартплату. Нам ее перечисляют строители, которые возвели эти дома. Мы стараемся вносить квартиросъемщикам деньги вперед, а то, сами понимаете, всякое может случиться. Я вчера одному жильцу не успел заплатить, а он сегодня ногу о паркет сломал. Теперь ищи его по всем больницам... Так что вы уж не взыщите!

Он отсчитал опешившему Ящикову несколько купюр, добавил мелочи и, пожелав всяческих успехов, исчез в окне.

...Утомленный событиями дня, спать Олег лег рано. Решив больше не иметь никаких дел с диваном, Ящиков облюбовал для отдыха могучую полированную кровать, рассчитанную, по-видимому, на две семьи. Помня уроки прошлого, он опустился на нее робко и нежно, словно стрекоза на одуванчик. Кровать лязгнула зубами, но осталась на месте. Тогда он несмело вытянулся на ней во весь рост, укрылся одеялом и осторожно, соблюдая все правила техники безопасности, закрыл глаза...

Среди ночи Олег проснулся от какого-то неясного шума. Жалобно звякнуло стекло, потом еще раз. Тихо заскрипела рама. Ящиков испуганно открыл глаза и всмотрелся в темноту. Над подоконником показалась какая-то тень, потом исчезла. Кто-то тихо, но вежливо выругался, ему ответили, и снова мелькнула тень. Сомнений быть не могло: в квартиру пытались проникнуть злоумышленники.

Первой мыслью Олега было броситься бежать. Он уже потянулся за носками, но в этот момент вспомнил, что все пути для побега отрезаны: дверь не открывалась, а в окне зловеще маячила чья-то преступная голова.

«Что делать? — билась в мозгу судорожная мысль.— И как эти жулики узнали, что я квартплату получил? Ладно бы уж только деньги взяли, а то ведь еще убьют, мерзавцы, ни за грош!»

Ящиков инстинктивно вжался в кровать, но она в ответ не проявила ни малейшего великодушия и так недовольно, хрипло заворчала, что Олег в панике соскочил с нее и заметался по комнате, ища, куда бы спрятаться. Медлить было нельзя. Один из злоумышленников уже взобрался на подоконник и, сидя на корточках, протягивал руку второму. Все решали секунды. Ящиков подбежал к дивану, слегка отодвинул его от стены и, юркнув в образовавшийся просвет, затаил дыхание.

Тем временем грабители неловко спрыгнули в комнату и принялись шарить по углам.

— Куда же он подевался?— шепотом спросил один.— Кровать пустая...

— На диване тоже нету,— недоуменно отозвался второй.— Я же говорил тебе, надо было прийти пораньше!

— Раньше никак не мог! Ты же знаешь, я в операции участвовал...

— Как будто твои ребята без тебя не могли там управиться!

— Не могли. Никак не могли. Операция очень сложная была...

Пока незваные гости шарили по квартире, Ящиков лежал за диваном и пытался потихоньку смахнуть с носа прилипшую паутину.

«Только бы не чихнуть,— мысленно заклинал он себя.— Только бы не чихнуть...»

— Надо в ванной посмотреть,— снова подал голос первый грабитель.— Может, он там?

Натыкаясь в темноте на мебель, он на ощупь выбрался из комнаты и направился к совмещенному санузлу. Олег замер. Под ванной у него была спрятана самая заветная вещь, которая только и связывала его последней тоненькой ниточкой с тем далеким, когда-то родным ему миром. И вот теперь грабитель покушался на самое дорогое, что было у Ящикова.

Неожиданно из санузла послышался звон, и в тишине что-то жалобно забулькало.

— Что ж ты наделал, гад!— вскипел Олег.— Ты же мне последнюю водку разбил! Жулик проклятый!

Забыв об опасности, он одним яростным прыжком выскочил из-за дивана и, словно раненая пантера, бросился на грабителя. Тот испуганно отпрянул и, таща на плечах повисшего на нем Ящикова, кинулся искать защиты у напарника. Тем временем второй грабитель, услышав шум, нашарил на стене выключатель и зажег свет.

— Добрый вечер,— извиняющимся голосом произнес он.— Вы меня не узнали? Я тот самый десятый номер команды «Атлантида», который в сегодняшнем матче нанес вам травму... Пожалуйста, извините нас за столь поздний визит, но я... я никак не мог уснуть сегодня... Я причинил вам боль... Я видел, вы так страдали...

— Чего-о?..— изумленно протянул Олег.— Кто страдал?!

— Вы,— кротко пояснил ночной посетитель.— Вы страдали из-за моей неловкости. Но поверьте, это получилось случайно... Я так боялся... боялся — вдруг у вас вывих или перелом?.. Я привел к вам своего приятеля... Он очень опытный врач, и он... любезно согласился осмотреть вашу ногу... Скажите... скажите честно: вы больше не сердитесь на меня? Мне это очень важно знать...

— Пошел ты...— задохнулся от возмущения Олег.— Пошел ты со своим приятелем... к чертовой теще! Ты... ты...— он хотел добавить что-то очень выразительное, но тут силы оставили его, колени сами собой подогнулись, и, закрыв глаза, Ящиков медленно опустился на штрафную площадку ставшего ему родным зеленого дивана.

КОНЕЦ ОДИНОЧЕСТВА

Прошло три недели. Авторитет Ящикова в местном футболе рос, результативность команд падала. В очередном матче «Антилопа» встречалась с командой «Антибиотик». На установке Антей Антипыч был краток и откровенен.

— Команда у них, сами знаете, слабоватая, но бдительности терять нельзя. Особенно надо опасаться их седьмого номера, Антиресова. Он у них лучший бомбардир. Активный игрок! Хорошо бы его разменять на кого-нибудь...

Тренер обвел глазами команду, и взгляд его остановился на Ящикове.

— Возьми его на себя. Твоя задача — выключить его из игры. Пускай сам не сыграешь, но и ему не дашь. Чтоб он у тебя шагу не мог ступить. Да что мне тебя учить, сам все знаешь... Ну, а теперь — все на поле! Соперник уже ждет.

...Едва начался матч, Олег подбежал к Антиресову и встал так близко от него, что даже в очереди за пивом в родном мире Ящикова расстояние между людьми бывало больше.

— Добрый день,— вежливо сказал Антиресов.— Как хорошо, что вы сами явились. А я только собирался бежать за вами.

— Чего это я тебе понадобился?— удивился Олег.

— Задание тренера,— доверительно произнес соперник.— Согласно последним тактическим веяниям, мне поручили вас опекать по всему полю.

— Да что ты? — обрадовался Ящиков.— Значит, ты от меня не отойдешь?

— Ни на шаг! — подтвердил Антиресов.— И не надейтесь. А вы, наверно, рассчитывали нам гол забить? Сразу вас предупреждаю: только через мой труп.

— Во чудак! — пожал плечами Олег.— Да зачем мне забивать? У меня и задания-то такого не было. Не, ты не думай, я к тебе со всей душой, без всякой задней мысли. Мне просто надо тебя нейтрализовать.

— А, это другое дело! — облегченно вздохнул противник.— Значит, уважает меня ваш тренер?

— Если б не уважал, не приставлял бы к тебе персонального сторожа. А ты меня уважаешь?

— Конечно, еще бы! Я вас очень ува... Извините, мне пас дали. Побегу!

— Какой смысл? — возразил Ящиков.— Все равно я помешаю тебе как следует его принять. В лучшем случае, уйдет мяч на аут.

— А если я сделаю рывок?

— У меня скорость, как у трамвая! — предупредил Олег.— Я тебе не уступлю. В крайнем случае, наступлю. Нечаянно, конечно.

— М-да...— заколебался Антиресов.— Действительно... Но пас же мне адресовали. Както неудобно игнорировать...

— Сделай вид, что не заметил,— посовето-

вал Ящиков.— И потом, какую тебе установку дали: за мячом бегать или за мной?

— За вами.

— Ну и плюнь на мяч! Представь себе, что я побежал в другую сторону...

— Гм... Тогда... В таком случае, я вас попрошу: сделайте хоть несколько шагов, чтобы у меня было алиби...

Олег слегка сместился к центру. Соперник последовал за ним.

— Так вы считаете, что нам лучше всего стоять здесь и ни во что не вмешиваться?

— Факт! Ты ведь, надеюсь, не хочешь прослыть нарушителем игровой дисциплины?

— Нет, конечно.

— Ну так стой рядом со мной, и будем выключать друг друга. Кстати, можешь называть меня на «ты». Чего нам считаться? Одно дело делаем...

Они помолчали.

— А ты хороший парень,— после паузы сказал Антиресов.— Рассудительный и неглупый...

— Еще бы! — хмыкнул Ящиков.— Старшим антигравитатором кого попало не назначат!

— Да, это верно,— согласился соперник.— У меня брат давно мечтает антигравитатором стать, да ничего не получается. Претендентов слишком много...

— Пусть зайдет как-нибудь,— покровительственно заметил Олег.— Постараюсь помочь...

— Правда? — обрадовался Антиресов.— Вот спасибо! А вы... а ты приходи ко мне в субботу в гости! Посидим, повеселимся...

Постепенно разговор приобретал все более оживленный характер. Вскоре Ящиков и его новый приятель так увлеклись, что перестали обращать на игру всякое внимание. Однако минут через двадцать темы начали иссякать.

— Скучно! — зевнул Антиресов.— Не знаешь, чем заняться...

— Может, в «балду» сыграем? — предложил Олег.

— А я не умею...

— Ерунда! Я тебя научу. Называй какую-нибудь букву...

Сражение в «балду» было в самом разгаре, когда на голову Антиресова неожиданно опустился мяч.

— Тьфу ты! — выругался он.— Вот досада! Нужное слово из головы выбили! Разве можно заниматься интеллектуальными играми в таких условиях?

— Да, то и дело отвлекают! — поморщился Олег.

— А знаешь что? — задумчиво сказал Антиресов.— Что мы здесь, как пни, торчим? Кому это нужно? Пойдем лучше в раздевалку, доиграем!

— А не будет это нарушением дисциплины? — недоверчиво спросил Ящиков.

— Какое же это нарушение? — удивился соперник.— Тренеры же решили нас разменять друг на друга. Решили или нет?

— Ну, решили... Так что из того?

— Ну, вот мы друг друга из игры и выключим. Пошли, пошли, не будь формалистом!

И, не слушая возражений, он дружески обнял Олега за плечи и увлек в раздевалку. Игра продолжалась.

Олег Ящиков не был больше одинок в антимире. У него появились здесь друзья и единомышленники...

ОГРАБЛЕНИЕ ВЕКА

Новый приятель Ящикова жил в пригороде. То и дело сверяясь с бумажкой, на которой был написан адрес, Олег долго плутал по незнакомым улицам, пока, наконец, не вышел к большому неосвещенному скверу.

«Про сквер мне Антиресов говорил,— вспомнил он.— Сразу за сквером должна быть парикмахерская, а потом его дом...»

Ящиков сунул бумажку в карман и свернул в безлюдную темную аллею. Неожиданно от дерева отделилась высокая тощая фигура и загородила ему дорогу.

— Простите, у вас закурить не найдется? — с нехорошей ухмылкой поинтересовалась фигура.

Олег сделал шаг назад и нерешительно оглянулся. Однако отступать было уже поздно: из кустов выходили еще четверо. Они окружили Ящикова плотным кольцом и принялись молча ждать развития событий.

Поняв, что достойно ретироваться не удастся, Олег решил быть предельно корректным. Он сунул руку во внутренний карман пиджака и извлек оттуда пачку «Явы», которую еще в том далеком, нормальном мире всегда держал при себе для представительства.

— Вот, угощайтесь... Как говорится, чем богаты...

Высокий взял у него пачку, посветил на нее фонариком и, брезгливо поморщившись, выбросил в кусты.

— Что же ты меня угощаешь такой гадостью? Ты разве не знаешь, что они без антиникотина? Хочешь меня на тот свет отправить?..

— Вот мерзавец! — рассвирепел широкоплечий приземистый тип в тельняшке и зеленой шляпе.— Таких наказывать надо! Врежь ему как следует, Антипат!

— Погоди! — осадил его высокий.— Не горячись раньше времени. Может, мы с ним по-хорошему договоримся... Слушай, ты, отравитель! — обратился он к Ящикову.— Деньги у тебя есть?

Олег побледнел и сдавленным голосом пробормотал, инстинктивно втягивая голову в плечи:

— Не захватил, к сожалению...

— Ну вот и отлично! — обрадовался Антипат! — На, держи!

Он достал из-за пазухи толстую пачку денег и протянул ее Ящикову.

— Держи, тебе говорят! Да поторапливайся, а то сейчас схлопочешь!

Увидев, что жертва плохо соображает, чего от нее хотят, Антипат рванул на себя пиджак Ящикова, небрежно запихал деньги в карман и застегнул его английской булавкой. Затем критически оглядел Олега с ног до головы и остался недоволен.

— А почему на тебе плаща нет?

— Так ведь... жарко...

— Я тебе дам, жарко! На-ка вот, надень!

Он снял с себя какой-то длинный балахон и напялил на Ящикова.

— Вот, носи на здоровье! Импортный! В магазине такой не достанешь!

Пока Антипат любовался делом своих рук, два его сподвижника молча и яростно напяливали на запястье Олега две пары наручных часов, а мордастый ловко подвязал Ящикову на шею ярко-оранжевый галстук с изображенной на нем полуодетой негритянкой.

Покончив со всеми хлопотами, налетчики на прощание дали Олегу пару подзатыльников и, велев не поднимать шума, исчезли так же внезапно, как и появились. А изумленный Ящиков еще долго стоял в раздумье, не зная, что ему предпринять. Потом он вытащил из кармана деньги, тщательно пересчитал их, вздохнул и, пожав плечами, отправился в гости.

ЧЕЛОВЕК КРАСИВОЙ ДУШИ

Антиресов встретил Олега в фартуке.

— Наконец-то! — обрадовался он.— Ты чего так долго? А я тут, понимаешь, хозяйством занимаюсь... Да раздевайся, чего стоишь!

Ящиков трясущимися пальцами попытался расстегнуть подаренный ему плащ, но от волнения никак не мог найти пуговицы. Хозяин наконец заметил его состояние.

— Да что это с тобой? На тебе лица нет! И одет ты как-то странно...

— Я... на меня какие-то злоумышленники напали,— сбивчиво произнес Олег.— Ну, и вот, одели... с головы до ног... Я сопротивлялся, двоих чуть не убил. Но их там пятеро было. Силой заставили...

— Да что ты! — побледнел Антиресов.— Вот негодяи! Я давно слышал, что у нас тут шайка орудует, но как-то не верил... И что же... что же они с тобой сделали? Издевались, наверно?

— Ага... Денег кучу надавали. И вот, часы еще...

— Ну и подлецы! — покачал головой хозяин.— У них это любимое занятие — оскорбить человека подачкой! Унизить деньгами его достоинство... Деньги ты уже, конечно, выбросил?

— Конечно,— не моргнув глазом, соврал Ящиков.— Как только они разбежались, я деньги тут же в урну сунул. Да еще плюнул сверху!

— Вот это правильно! — одобрительно кивнул Антиресов.— А эти тряпки мы сейчас в мусоропровод спустим.

Он решительно сорвал с Олега импортный плащ и вместе с галстуком бросил в ведро. Туда же он хотел отправить и две пары часов, но Ящиков воспротивился.

— Нет, часы пока оставь. Я на обратном пути брошу их этой шпане прямо в лицо!

Антиресов с уважением взглянул на него и, ничего не говоря, крепко пожал руку.

— Слушай,— задумчиво произнес Олег.— Я тут человек новый и никак в толк не возьму: для чего им надо было меня одевать?

— А! — со злостью махнул рукой хозяин.— Ничтожные личности! Жулье! В основном это недобросовестные торговые работники. Понимаешь, импортную одежду никто не хочет покупать. Так они, вместо того чтобы улучшить рекламу, проводить беседы с покупателями, убеждать их — вместо всего этого они пошли по скользкому пути: подкарауливают людей в укромных местах и натягивают на них силком импортные вещи! Конечно, милиция борется с этим, но пока недостаточно.

— Поня-ятно...— кивнул Ящиков.— С барахлишком все ясно. Вот только насчет денег до меня не доходит. Деньги-то они мне зачем сунули?

— Так они ведь понимают: кто же будет бесплатно в этой импортной дряни ходить? Вот и суют, вроде как взятку. Если человек деньги у них взял, он себя как бы обязанным будет чувствовать. Придется ему эти вещи носить, служить ходячей рекламой. У этих деляг тонкий расчет!.. Ну ладно. Постарайся забыть. Да проходи ты, чего у двери стоишь!

В это время в дверь неожиданно позвонили.

— К-кто это? — испуганно спросил Олег.— Может быть, опять они... Дай-ка я на всякий случай плащ из ведра достану...

— Не бойся,— похлопал его по плечу хозяин.— По квартирам хулиганы не ходят. Это скорей всего наш старший тренер. Он меня попросил с тобой его познакомить...

Антиресов открыл дверь и впустил высокого, как давление гипертоника, интеллигентного мужчину.

— Антипирин Анатольевич,— представился вошедший и дружески протянул Олегу узкую ладонь.— Прошу любить и жаловать! А вы, значит, и есть тот самый, знаменитый Ящиков? Наслышан, наслышан о вас... Ну, что ж мы стоим? Давайте пройдем в комнату, у меня к вам серьезный разговор имеется...

Он провел Олега к дивану, сам сел в кресло напротив и с места в карьер предложил:

— Не хотите ли вы, голубчик, перейти в нашу команду?

Ящиков поперхнулся от неожиданности, но марки не уронил и с достоинством поинтересовался:

— А какие будут ваши условия?

— О, условия прекрасные! — обрадовался Антипирин Анатольевич.— Поймите меня правильно, я не хочу сказать ничего плохого о вашей «Антилопе», но у нас, в «Антибиотике», условия намного лучше! Во-первых, у нас гораздо богаче библиотека. Во-вторых, при нашей команде организованы курсы антильского языка. В-третьих, мы намного чаще ходим в театры, проводим диспуты, встречи с интересными людьми...

— И это все? — спросил Олег.— А где же главное?

— Ах, да! — хлопнул себя по лбу тренер.— Главное-то я и забыл! У нас ведь на голову выше поставлена лекционная работа!

— Ну, вот что, батя! — с чувством сказал Ящиков.— Я человек образованный, ваши лекции для меня — это позавчерашний день. Поэтому давай так договоримся: дадите машину — перехожу в ваш «Антибиотик». Не дадите — тогда не взыщи. Мне и в «Антилопе» неплохо. Как-никак, я у них там старший антигравитатор!

— Гм, машину...— стушевался Антипирин Анатольевич.— Насчет машины я не уверен.

— Ну, не уверен, тогда и говорить нечего!

— Но я... я попробую поговорить с кем нужно...

— Попробуй, попробуй. А пока что отложим этот разговор.

— А может, вы сначала к нам перейдете, а потом мы решим вопрос с машиной, а? Так сказать, в рабочем порядке...

— На это не рассчитывай! — отрезал Олег.— Пока машины не будет, разговаривать не о чем!

— Ладно,— решился наконец тренер.— Будет вам машина! В лепешку разобьюсь, но достану. Только к нам вы перейдете прямо на этой неделе.

— Вот это деловой разговор! — одобрил Ящиков.— Значит, решено и подписано. А теперь это дело надо обмыть. А то я уже целых три недели в рот не брал.

— Как это, обмыть? — не понял Антипирин Анатольевич.

— Водочкой, батя! Водочкой! — усмехнулся Олег.— Как она у вас там называется? Антиповка какая-нибудь?

— Антабусовка,— хмуро сказал тренер.— Только стоит ли обмывать? Ведь это же все-таки нарушение режима...

— Никто не узнает! — махнул рукой Ящиков.— И потом, я же пока не в твоей команде числюсь. Тебе же самому приятно будет, что в какой-то там «Антилопе» игроки режим нарушают. Так что доставай, батя, бутылочку — и к делу...

— А где ее взять? — растерянно спросил Антипирин Анатольевич.— Антабусовку у нас только до одиннадцати утра отпускают...

— Это ничего! — успокоил Олег.— Можно достать у таксиста.

— У таксиста?! — вытаращил глаза тренер.— Таксисты антабусовку не продают.

— Извини, батя, не могу поверить,— возразил Олег.— Жди меня здесь.

Он накинул на плечи пиджак и весело застучал каблуками по лестнице...

Ящиков вернулся через полчаса и вытащил из карманов три пол-литровые бутылки. На лице его лежала печать задумчивости.

— Вот чудак... — бормотал он себе под нос.— Ну и чудак этот таксист! Это ж надо — отдать водку за полцены! «Что вы, что вы,— говорит,— она же теплая, да еще в машине целый день болталась, растряслась вся...» С ума сойти! Нет, что он все-таки имел в виду?... Может, тоже унизить меня хотел?

Однако вид накрытого стола немедленно заставил Олега забыть свои сомнения. Он потер руки, откупорил бутылку зубами и наполнил стаканы...

Вкус у антабусовки оказался знакомым, но на организм она подействовала как-то странно. Вместо приятного опьянения Ящиковым вдруг овладело острое недовольство собой. Пробудившаяся совесть, словно изжога, начала жечь грудь. По всему телу энергично разливалось благородство.

— Вот что, батя! — рубанул рукой воздух Олег.— Не надо мне машины! Я так, даром к вам перейду!

— О чем ты говоришь! — возмутился Антипирин Анатольевич.— Разве я это допущу? Через три дня будет у тебя машина.

— А я говорю, не надо!

— Нет, надо! — упорствовал тренер.— Раз я сказал, что дадим тебе машину, значит, дадим!

— Я подарю ее детсаду! — заявил Ящиков.

— Это очень благородно! — согласился Антипирин Анатольевич и, помолчав, добавил: — Слушай, а может, тебе к нам не переходить? «Антилопа» такая хорошая команда! А у нас, честно говоря, играть-то некому. Загубишь ты у нас свой талант... Не переходи — и все тут!

— Нет, раз я обещал, то перейду! Но перейду с тем условием, чтобы вы наладили у них, в «Антилопе», лекционную работу. Иначе вы не наладите, я знаю. Все некогда будет...

— Решено! — кивнул тренер.— Ты человек красивой души! Жаль только, что имя у тебя сложное, никак его не запомнишь... Слушай, можно я тебя буду называть просто Антиох?

— Валяй, батя, раз тебе так приятнее...

— У тебя большое сердце, Антиох! Мы выделим тебе целый дом с гаражом и сараем!

— Я буду жить в сарае,— скромно сказал Олег.— И не будем больше об этом. Давай лучше поговорим о чем-нибудь возвышенном...

Разговор по душам продолжался. Последнее, что запомнил Ящиков в этот вечер, была толстая пачка денег и две пары часов, которые он брезгливо вытащил из кармана и с презрением бросил в форточку...

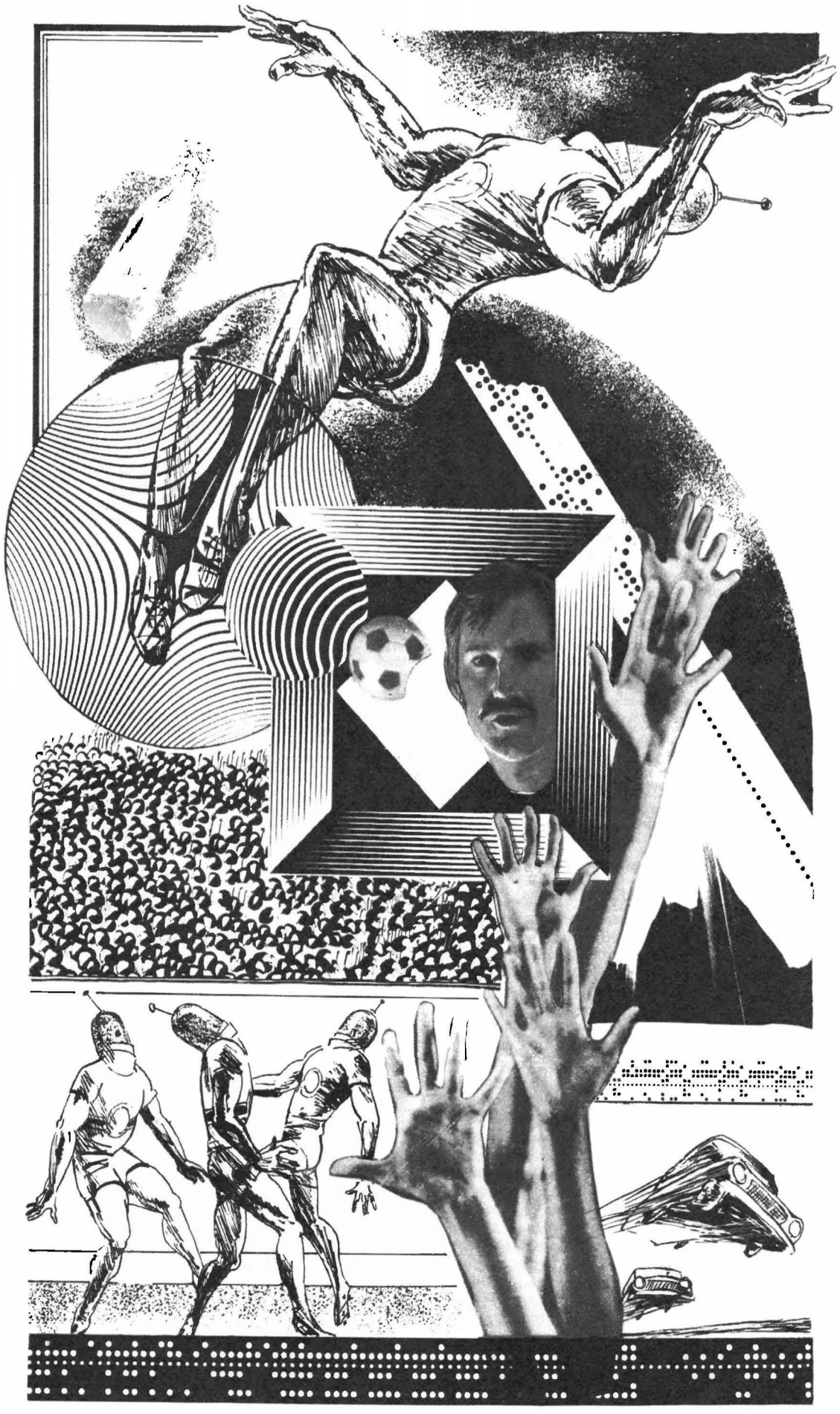
Окончание следует.

ЖЕРТВА БЕРМУДСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

СПОРТИВНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА



Содержание предыдущих глав

Пролетающий над Бермудским треугольником самолет неожиданно терпит аварию и вместе с пассажирами таинственным образом оказывается в антимире. Руководство одной из футбольных команд антимира, узнав, что среди пассажиров находится футболист Олег Ящиков, договаривается с ним о его зачислении в команду «Антилопа». Ящиков с удивлением узнает, что футболу антимира присущи проблемы, прямо противоположные тем, к которым он привык: засилье наступательных построений, проблема своего поля, воинствующая вежливость соперников... Едва освоившись, Олег вступает с этими тенденциями в решительную и небезуспешную борьбу. Авторитет Ящикова в антимире растет. Его переманивает к себе команда «Антибиотик»...

ДВОЙНАЯ ПОГОНЯ

Ночь была черная, как душа негодяя. Часы показывали без десяти три. Ящиков в последний раз оглядел свою комнату, где прошел целый месяц его жизни. Кажется, все в порядке, ничего не забыто. Краны он завернул, газ выключил, квартплату получил за месяц вперед. Больше ничто его не задерживало. Олег подхватил уложенный еще с вечера чемодан и выпрыгнул в окно.

В целях конспирации машина должна была ждать на соседней улице. Ящиков осторожно огляделся и, не заметив ничего подозрительного, взвалил чемодан на плечо и заспешил к условленному месту. До цели оставалось уже совсем недалеко, когда из неосвещенного подъезда выскочил какой-то лысый тип и с воплем метнулся ему наперерез. В одной руке он держал карандаш и несколько листков бумаги, в другой — домашние тапочки. Одет он был просто — единственный его наряд составляли длинные, до коленей, сиреневые трусы, которые он на бегу придерживал локтем.

В Олеге вскипела неподдельная ярость. Не говоря ни слова, он приблизился к незнакомцу, развернулся — и бросился бежать.

«И куда только милиция смотрит! — раздраженно думал Ящиков на бегу, стараясь, чтобы чемодан на его плече не слишком наезжал на голову.— Хулиганов, как мух, развелось, и никому дела нет! Если только мне сегодня удастся удрать, запишусь в народную дружину...»

Тем временем лысый, набирая скорость, бросился за ним.

— Эй, стойте, куда вы! Стой, тебе говорят! Остановись!

— Сейчас, как же! — язвительно буркнул Олег.— Так я тебе и остановился, держи карман!

Почувствовав, что человек в трусах его догоняет, Ящиков сбросил в кусты чемодан и помчался налегке. Теперь он вырвался вперед метров на тридцать. Однако преследователь, увидев, что ситуация изменилась не в его пользу, отшвырнул тапочки и понесся за Олегом с одними лишь письменными принадлежностями в руках. Расстояние снова сократилось до минимума.

«Вот черт непричесанный! — неприязненно подумал Ящиков.— Только этого еще недоставало! Сейчас он мне импортную бумагу будет навязывать!»

От этой мысли в нем проснулась такая злость, что он обернулся на бегу и крикнул прямо в лицо своему преследователю:

— Бросьте бумагу! Не смейте унижать подачками мое человеческое достоинство!

Это было его роковой ошибкой. Преследователь воспользовался секундной заминкой, резким прыжком настиг Ящикова и ухватил его за пиджак. Поняв, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, Олег остановился

Окончание. См. №№ 9, 10.

и на всякий случай по-солдатски вытянулся «во фрунт».

— Эврика! — заорал незнакомец в самое ухо Ящикова.— Эврика!

— Очень приятно,— вежливо протянул руку Олег.— Ящиков. Сердечно рад познакомиться... В торговой сети служите?

— Я?! — удивился человек в трусах.— С чего вы взяли? Я ученый, автор многих выдающихся изобретений. Может, слышали такую фамилию — Антимухин?

— Много раз! — не раздумывая, соврал Ящиков.— Над чем сейчас работаете?

— Можете меня поздравить, молодой человек! — торжественным голосом произнес Антимухин.— Я только что сделал величайшее закрытие нашей эпохи, о котором должен немедленно сообщить людям. Еле догнал вас. Вы будете первым, кто узнает об этом. Знайте, что я полчаса назад закрыл закон Архимеда! Помните, тот самый — о теле, погруженном в жидкость?

— Помню, помню,— быстро согласился Олег.— Душевно поздравляю! Долго работали над своим... э-э... закрытием?

— Совсем нет! — торжествующе воскликнул изобретатель.— Это пришло неожиданно, как озарение! Я мылся в ванне, намылил спину — и вдруг меня осенило. Ведь этот закон совершенно не нужен! Он морально устарел, не созвучен эпохе. Вот здесь у меня неопровержимые доказательства! — Он потряс в воздухе бумажными листками, густо испещренными записями.— Если хотите, можете познакомиться. Как все гениальное, это очень просто.

— Извините, сейчас не могу,— возразил приободрившийся Ящиков, который наконец понял, что унижать подачками его сегодня не будут.— Как-нибудь в другой раз. Сегодня очень спешу.

— Жаль! — искренне огорчился Антимухин.— Тогда заходите завтра. Я буду вас ждать и все подробно объясню. Вы увидите, какое это замечательное закрытие. Придете?

— Обязательно,— кивнул Олег и снова пожал изобретателю мокрую руку.— Физкульт-привет!

— Одну минуточку! — остановил его изобретатель.— Я же не оставил вам адреса!

Он оторвал клочок бумаги, нацарапал на нем несколько слов и сунул в карман Олегу.

— Вот. Можете прийти с друзьями. Им будет интересно.

— Мы придем всей командой,— пообещал Ящиков и, брезгливо вытерев руку о полу пиджака, отправился на поиски своего чемодана.

...Через десять минут Олег уже подходил к условленному месту. Машина ждала его с включенным мотором и погашенными фарами. Ящиков устало плюхнулся на заднее сиденье, захлопнул дверцу и нервно сказал:

— Гони, шеф!

Автомобиль взревел и рванулся с места. Но не успел он проехать и двухсот метров, как откуда-то из-за угла вынырнул большой черный лимузин с фигуркой антилопы на радиаторе. Лимузин лихо развернулся и, словно голодная пантера, стремительно понесся за ускользающей добычей.

— Быстрей, шеф, быстрей! — ерзая на сиденье, нервничал Ящиков.— Если они нас догонят, все пропало! Добром «Антилопа» меня не отпустит...

Они промчались под «кирпичом», свернули направо и проходными дворами выехали на кривую темную улицу. Но лимузин уже поджидал их там, развернувшись поперек мостовой. Они дали задний ход, проехали через сквер.

Через полчаса все было кончено. Несмотря на все ухищрения преследуемых, лимузин загнал их в тупик и прижался к машине боком, намереваясь взять ее на абордаж. Олег закрыл глаза, сполз под сиденье и приготовился к самому худшему.

Через несколько секунд дверца открылась, и радостный голос Бантикова возвестил:

— Ребята, сюда! Он здесь!

Сильные руки подняли Ящикова, бережно стряхнули с него прилипший мусор и поставили на тротуар.

— Что ж ты, чудак-человек, нам ничего не сказал! — укоризненно покачал головой Пантилеев.— Ох, погубит тебя твоя скромность... Мы в самый последний момент узнали, еле успели вас догнать...

Он открыл портфель и вытащил оттуда объемистый сверток.

— На вот, пирожки тебе на дорогу. Жена Антея Антипыча пекла. Ты уж извини, они подгорели немножко. Все ведь в спешке делали. Не знали даже, какие ты больше любишь: с рисом или с капустой. На всякий случай и тех и других положили...

— А вот тут огурчики малосольные,— протянул трехлитровый баллон Кондратьев.—Всей командой солили...

— Погоди ты с огурчиками! — перебил Бантиков.— А то главное забудем. Держи, Олег...

Он протянул Ящикову перевязанный розовой ленточкой пакет.

— Мы тут с ребятами посовещались и решили подарить тебе комплект формы нашей «Антилопы». А то когда-то тебе в «Антибиотике» выдадут! Или вдруг у них не найдется нужного размера... Всякое может случиться. Так ты первое время нашу поноси, пока все, что нужно, подготовят...

— Там за тобой инвентарь кое-какой числится,— сказал капитан.— Так ты не думай об этом, езжай спокойно. Я его на себя переписал...

Ящиков долго стоял молча, уставясь на свертки неподвижным взглядом. Наконец в носу у него защекотало. Он открыл рот, намереваясь что-то сказать, но в этот миг, заглушая дебаты мелодичным тарахтением, к нему подлетел мотоцикл, и запыленный Антей Антипыч, сняв шлем и достав из него сложенную вчетверо бумажку, протянул ее Олегу.

— Вот, спрячь подальше. Это ходатайство от нашей команды в федерацию футбола, чтобы они тебе разрешили за «Антибиотик» играть. Мы тут упираем на то, что у них там воспитательная работа лучше поставлена и твой талант там полней раскроется...

Он вытер платком вспотевший лоб и удовлетворенно улыбнулся:

— Уф, еле успел у Антимоньева печать поставить. Пришлось его с постели поднимать... Ну, не будем больше тебя задерживать. Езжай скорей. Там ждут тебя твои новые товарищи!

И он нежно, по-отцовски троекратно облобызал Олега.

ЯЩИКОВ ОСВАИВАЕТ ГЕКЗАМЕТР

В команде «Антибиотик» все были студентами. Человек десять учились в медицинском, остальные изучали античное искусство. После того, как Ящиков гордо отверг услуги влезшего к нему через окно хирурга, о медицине он не желал и слышать. Пришлось посвятить себя античности. К глубокому удовлетворению Олега, изучать ее оказалось значительно проще, чем он думал. Ему выдали на дом магнитофон с кассетами и попросили перед тем, как он ляжет спать, поставить одну из кассет и оставить магнитофон включенным. К утру содержание кассеты намертво застревало в голове. Этот метод назывался гипнопедией и давал в антимире очень неплохие результаты.

После трех ночей Ящиков почувствовал в голове какую-то холодноватую тяжесть. Почему-то хотелось опохмелиться, хотя абсолютно никаких оснований для этого не было. Помаявшись с полчаса, Олег надел галстук и пошел к Антипирину Анатольевичу.

У тренера было подавленное настроение. Увидев Ящикова, он усадил его в кресло и принялся жаловаться на судьбу.

— Плохо мне, Антиох! Очень плохо! Просто места себе не нахожу. Понимаешь, завтра у нас самый главный матч сезона. Завтра должно решиться: займем мы опять последнее место или поднимемся на две ступеньки выше. И надо ж такому быть: именно в этот момент у нашего лучшего нападающего, у нашей, можно сказать, надежды — Антиресова — случился приступ «звездной болезни»!

— Ну да? — не поверил Олег.— У этого скромняги — и вдруг «звездная болезнь»?

— Именно что скромняга!—согласился тренер.— Приходит позавчера ко мне и заявляет, что у него слабая техника и что он недостоин выступать в основном составе!

— Во дает! — удивился Ящиков.— Ну, и что же он думает делать?

— Сказал, что пока не ликвидирует свое отставание, играть не будет, чтобы не позорить команду! И стал тренироваться по ночам. Освещение выключат, так он при звездах тренируется, технику отрабатывает. А днем в библиотеках пропадает, изучает теорию! Как тебе это нравится?

— Да, тяжелый случай,— согласился Олег.— А может, с ним того... по душам поговорить?

— Да я уж несколько раз пытался,— безнадежно махнул рукой Антипирин Анатольевич.— Но он слушать ничего не хочет. Уперся на своем — и все тут. И не желает подумать, каково мне-то! Ведь мы уж и без того три года подряд последнее место занимаем...

— Три года! — присвистнул Ящиков.— И вас до сих пор не сняли с работы?!

— Наоборот,— вздохнул тренер.— Три раза оклад повышали. Чтоб мне легче работать было. Думали, может, я получаю мало, поэтому у меня дело не ладится. Квартирные условия улучшили. Телевизор цветной подарили. В общем, поддерживали, как могли. Но увы... Все напрасно! И вот теперь, когда у нас был такой грандиозный шанс уйти с последнего места, произошла эта нелепая случайность. Теперь завтрашний матч нам наверняка не выиграть. Значит, опять все сначала начнется: прибавят снова оклад, путевку в лучший санаторий дадут... Эх, разнесчастный я человек!..

— М-да,— задумчиво произнес Олег.— Жизнь, я смотрю, у вас тут не сладкая... Водка — и та «антабусовка». Разве ж это удовольствие? Выпьешь — и начинаешь: «Простите, извините...» Тьфу! Срам! Сам себе делаешься противен!

Они помолчали. Наконец Антипирин Анатольевич встал, прошелся по комнате из угла в угол и мечтательно сказал:

— Нам бы завтра хоть один гол забить...

Олег хмыкнул, почесал в затылке и вдруг, неожиданно для самого себя, слегка завывая, обнадежил тренера классическим гекзаметром:

— Ладно, не дрейфь ты, о трижды судьбою обласканный батя! Что-нибудь к завтрему нам милосердные боги позволят придумать...

ЕЩЕ ОДНО ВЕЛИКОЕ ЗАКРЫТИЕ

Остаток дня Ящиков провел в размышлениях. Он энергично расхаживал по комнате из угла в угол, сосредоточенно хмурил лоб, яростно скреб затылок, но, несмотря на форсированную мозговую деятельность, ничего путного придумать не мог. Тут нужна была какая-то свежая идея, позволяющая раздвинуть рамки человеческих возможностей, во всяком случае, возможностей Ящикова. Почти отчаявшись, Олег машинально сунул руки в карманы и вдруг нащупал в одном из них мятый клочок бумаги. Это был адрес изобретателя Антимухина. Сначала Ящиков в раздражении хотел выбросить его в форточку, но неожиданно в его голове мелькнула мысль. Она показалась своему хозяину настолько любопытной, что он отряхнул замурзанный листок от прилипших к нему крошек, бережно разгладил пальцем и, переложив в другой карман, отправился в гости к легкому на ногу автору выдающихся закрытий.

...Антимухин обрадовался Олегу, как любимому ученику. На этот раз он был одет более по-европейски, что произвело на Ящикова положительное впечатление.

— Ах, это вы!— засуетился изобретатель вокруг гостя.— Очень рад! Очень рад! Вы пришли узнать подробности моего нового закрытия? С удовольствием приведу вам свои выводы и доказательства! Уверен, что они убедят вас в моей правоте.

Он провел Олега в комнату, усадил в кожаное кресло и принялся застилать стол белоснежной скатертью.

— Да вы не хлопочите,— заметил Ящиков.— Я ничего не хочу. Я к вам ненадолго...

— Нет-нет,— возразил хозяин.— Уж раз пришли, то подчиняйтесь.— И он эффектно взмахнул рукой:— Прошу к столу!.. Или прежде хотите руки помыть?

— Ничего, я недавно мыл,— сказал Олег, подсаживаясь к столу.

— Ну, как знаете,— согласился хозяин.— Тогда начнем, пожалуй...— Он достал из шкафа и разложил на столе перед гостем пухлые

потрепанные папки.— Вот здесь вся моя научная деятельность. Основные закрытия, материалы дискуссий, переписка...

— Ого!— опешил Олег.— Вот это я понимаю! Вы, я вижу, большой ученый... Скажите, а много уходит времени на то, чтобы закрыть что-нибудь? Закон там какой-нибудь или правило?

— Много,— покачал головой Антимухин.— Очень много! Вы даже представить себе не можете, сколько рогаток на пути настоящего ученого! Поверите, порой легче сделать какое-нибудь важное закрытие, чем внедрить его в жизнь!.. Вот взять хотя бы это...

Он открыл одну из папок, достал оттуда несколько бумажек и протянул Ящикову.

— Можете убедиться сами. Тут вся история одного из моих закрытий.

Он задумчиво провел рукой по лысой голове и добавил:

— Волосы дыбом становятся, когда вспомнишь, сколько мне пришлось из-за этого вынести...

Олег с некоторой опаской придвинул к себе бумажки и не спеша, вдумываясь в каждое слово, принялся читать:

«ЗАЯВЛЕНИЕ

В Бюро по делам закрытий

от гр. **Антимухина А. П.**

Прошу выдать мне авторское свидетельство на закрытие третьего закона Ньютона ввиду того, что я первый пришел к заключению о ненужности и антигуманной сущности указанного закона. Предлагаю в кратчайшие сроки, не откладывая дела в долгий ящик, закрыть этот закон, гласящий: «Действие равно противодействию».

Основания:

Указанный закон подчеркивает бессилие человека в борьбе с различными жизненными препятствиями, призывает к пассивности, бездействию. Ибо кому же охота в ответ на действие получить противодействие? Закрытие этого закона раскрепостит людей, укрепит их веру в собственные силы. Они заживут более полнокровной жизнью, если не будут на каждом шагу встречать противодействие.

Для сохранения памяти о всеми уважаемом Ньютоне двух остающихся законов, носящих его имя, вполне достаточно.

С уважением **А. Антимухин**

* * *

ЗАЯВЛЕНИЕ

В судебно-медицинскую экспертизу

от гр. **Антимухина А. П.**

Прошу проверить подлинность получения инфаркта миокарда начальником Бюро по делам закрытий гр. Мантиссовым, давно известным своим меркантилизмом. У меня имеются основания думать, что данный инфаркт — это всего лишь повод для того, чтобы уклониться от выдачи мне гр. Мантиссовым авторского свидетельства.

А. Антимухин

* * *

АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Настоящим удостоверяется, что гр. Антимухин А. П. является первозакрывателем третьего закона Ньютона. Согласно пожеланиям гр. Антимухина, указанный закон с двадцатого числа объявляется закрытым.

Врио начальника

Бюро по делам закрытий

Крантиков

— Д-да...— задумчиво сказал Олег, перевернув последнюю страницу.— Вы большой ученый... А вот скажите, могли бы вы закрыть парочку футбольных правил? Мне это позарез нужно.

— Футбольных правил?!— удивился Антимухин.— Гм... Никогда не приходилось над ними работать... А что за правила?

— Ну, скажем, правило, по которому мяч, забитый в ворота соперника из офсайда, не засчитывается... Его вы закрыть не могли бы?

— М... м... Думаю, что смог бы,— прикинув что-то в уме, заверил изобретатель.

— А сколько вам на это потребуется времени?— оживившись, спросил Ящиков.

— Сколько времени?— Антимухин задумался.— Пожалуй... пожалуй, года полтора. Ну, если вам очень надо, то можно попробовать за год управиться...

— За год?!— присвистнул Олег.— Да вы что! Мне завтра к обеду нужно.

— К обеду?— испуганно переспросил великий закрыватель.— Это совершенно исключено! Вы же сами видите, сколько приходится бороться! На это уходят годы! А вы хотите за один день...

— Ну, тогда и говорить нечего,— сухо сказал Ящиков.— До свидания, профессор, счастливо оставаться.

— Куда же вы?— удивился Антимухин.— Ведь я еще не познакомил вас с моим последним закрытием.

— Некогда, некогда, старина! После как-нибудь познакомлюсь...— И, холодно отстранив от себя попытавшегося его удержать изобретателя, Олег вышел из дома.

В небе уже загорались первые звезды. До матча оставалось меньше суток. Ящиков медленно шагал по улице, рассеянно заглядывая в витрины магазинов, и продолжал прерванный мыслительный процесс. И вдруг... Взгляд его остановился на одной из витрин. Кажется... кажется, это было именно то, что ему нужно! Во всяком случае, попробовать стоило.

Олег хмыкнул, пожал плечами и решительно открыл дверь магазина.

ПОСЛЕДНИЙ ГОЛ АНТИОХА

...В день матча в раздевалке «Антибиотика» толпилось множество людей. Некоторых Ящиков видел в первый раз.

— Кто такие?— наклонился он к уху тренера.

— Наши шефы,— так же тихо ответил Антипирин Анатольевич.— Из соседнего села. Когда у нас прорыв, они всегда на выручку приезжают. Так что сегодня выпустим на поле семнадцать человек. Я им дал указания от своей штрафной площадки не отлучаться. Пусть теперь нам забить попробуют!..

— А как сами забивать будем?— поинтересовался Олег.

— Вот этого не знаю,— вздохнул тренер.— Противник тоже своих шефов привез. Так что надежда вся на тебя, Антиох. Знаю, что ты защитник, но если ты не забьешь, то не забьет никто. Придумай что-нибудь, а? Ты же у нас на тактические выдумки горазд...

— Ладно, батя,— посмотрел на него отсутствующим взглядом Ящиков.— Есть у меня одна задумка. Ты выпускай ребят на поле, а мне на минутку отлучиться надо. Я их догоню...— И, плотно притворив за собой дверь, Олег исчез.

Он появился на поле за несколько секунд до начала матча и сразу же ринулся в атаку. Причем вел он себя как-то странно: то кружился с мячом на одном месте, то вдруг резко кидался вперед, энергично размахивая руками, словно собирался взлететь. Антипирин Анатольевич застыл у бровки, наморщив лоб. В повадке Ящикова ему чудилось что-то неуловимо знакомое, но что именно, он никак не мог вспомнить.

Тем временем Олег обошел одного за другим трех соперников и рванулся к воротам, но на пути у него выросли два здоровенных вражеских шефа. Обходить их было уже поздно. И тогда Ящиков, часто-часто замахав руками, ко всеобщему изумлению, вспорхнул над головами опешивших соперников и, выйдя один на один с вратарем, неотразимым ударом направил мяч в угол.

Трибуны взорвались овацией. Соперники бросились качать Олега, но он, вырвавшись из восторженных объятий, неторопливо добежал до собственной штрафной и тихо простоял там, ни во что не вмешиваясь, до самого конца тайма.

— Ты великий игрок, Антиох!— сказал в перерыве тренер и смахнул со щеки скупую слезу.— Я сорок лет отдал футболу, но такой гол вижу впервые! Где ты научился таким финтам?

— Погоди, батя!— отмахнулся Ящиков.— Дай-ка мне лучше вон ту бутылочку... Видишь, там, в углу, под скамьей? Во-во, давай-ка ее сюда, а то у меня заряд кончился...

Антипирин Анатольевич взял в руки бутылку, и лицо его сделалось белым, как холодильник. На бутылочной этикетке, под черепом со скрещенными костями, виднелись жирные буквы: «АНТИМОЛЬ». Только теперь тренер сообразил, что именно ему напоминали финты его ведущего игрока.

— Ну, чего ты там застрял, батя?— нетерпеливо сказал Олег.— Сейчас перерыв кончится.

— Антиох...— помертвевшими губами произнес тренер.— Сынок... А может, лучше не надо, а?..

— Брось ты, батя, охватывать меня лекционной работой!— перебил его Ящиков.— Диспуты в библиотеке будем устраивать, а на поле надо голы забивать!

Он торопливо вырвал бутылку и, сойдясь с ней горлом к горлу, бесстрашно начал поединок с ее зловещим содержимым. Одержав скорую и полную победу, Олег вынул из шкафчика горбушку черного хлеба с солью, наскоро закусил и, замысловато кружась, побежал на поле, где уже начинался второй тайм встречи. Встречи, решающей судьбу команды «Антибиотик».

На этот раз Ящиков перепорхнул сразу пятерых и приземлился во вратарской площадке соперников. Вратарь отчаянным прыжком попытался накрыть мяч у него в ногах. И тогда Олег, энергично взмахнув руками, оттолкнулся и взмыл в воздух. Уже в полете он понял, что не рассчитал силы толчка, но затормозить было невозможно. Ящиков мысленно сказал Антипирину Анатольевичу последнее прости, зажмурил глаза и со скоростью падающего на добычу коршуна врезался головой в перекладину...

ЭПИЛОГ, СЛУЖАЩИЙ ОДНОВРЕМЕННО И ПРОЛОГОМ

Первый, кого увидел Ящиков, открыв глаза, был склонившийся над ним врач команды «Трикотажник» Юльев.

— Ты как сюда попал?— удивился Олег.

— Как обычно,— пожал плечами Юльев.— Судья мне разрешил на поле выйти...

— Какой еще судья?— поморщился Ящиков.— Ты разве не знаешь, что лучший судья— это наша совесть?

Доктор нахмурился, озабоченно покачал головой и, отбив горлышко у какой-то ампулы, с размаху всадил в Олега шприц. В это время к ним подбежал одноклубник Ящикова по «Трикотажнику» Малокуров.

— Ну, как дела?— поинтересовался он.

— И ты тоже здесь?!— ахнул Олег. Он попытался приподняться, но в тот же миг в голове у него что-то щелкнуло, и, снова откинувшись на траву, Ящиков с чувством произнес: — Сколь благосклонно Фортуна ко мне отнеслась, дав мне возможность опять лицезреть Малокурова личность...

Малокуров испуганно отпрянул и, поглядев на доктора, многозначительно покрутил пальцем возле виска.

— Значит, вы тоже в антимире?— после паузы снова перешел на прозу Олег.

— Нет,— решительно возразил Малокуров.— Мы на «Авангарде».

— А играем мы сегодня с кем? С «Антистатиком»?

— Да ты что?! Такой команды нет! У нас сегодня игра с «Многостаночником». Неужели тебе всю память отшибло? Конечно, трахнулся ты здорово...

— Обо что трахнулся?

— И этого не помнишь?— вздохнул Малокуров.— А ведь всего минут пять прошло, не больше... Их нападающий возле наших ворот мяч на голову хотел принять. Ну, а ты прыгнул и этого нападающего прямо в воздухе за лицевую линию вынес. Он-то там удачно приземлился, а ты головой в штангу... Ну, вспомнил теперь?

— Теперь... теперь вроде вспомнил...— просветленно сказал Ящиков.— Так, значит... значит, команда наша называется не «Антибиотик»?

— Нет. «Трикотажник»...

— И я... И мы с тобой... мы сейчас находимся не в антимире?

— Нет...

— И выходит... выходит, что меня не дисквалифицировали за нарушение спортивного режима?

— Да нет же!— заверил Малокуров.— Конечно, нет! Только еще собираются. Как раз завтра по этому вопросу собрание команды будет...

Он хотел еще что-то добавить, но в этот момент над футбольным полем разнесся протяжный свисток, извещающий о том, что матч между командами «Трикотажник» и «Многостаночник» после напряженной борьбы закончился с боевым счетом: ноль-ноль...

КОЕ-ЧТО ЗАДАРОМ

Фантастический рассказ

Роберт ШЕКЛИ

Ему как будто послышался чей-то голос. Но, может быть, просто померещилось? Стараясь припомнить, как все это произошло, Джо Коллинз знал только, что он лежал на постели слишком усталый, чтобы снять с одеяла ноги в насквозь промокших башмаках. Он не отрываясь смотрел на расползшуюся по грязному, желтому потолку паутину трещин и следил, как сквозь трещины медленно, тоскливо, капля за каплей просачивается вода.

Вот тогда, по-видимому, это и произошло. Коллинзу показалось, будто что-то металлическое поблескивает возле его кровати. Он приподнялся и сел. На полу стояла какая-то машина. Там, где раньше никакой машины не было.

И когда Коллинз уставился на нее в изумлении, где-то далеко-далеко незнакомый голос произнес: «Ну вот! Это уже все!»

А может быть, это ему и послышалось. Но машина, несомненно, стояла перед ним на полу.

Коллинз опустился на колени, чтобы ее обследовать. Машина была похожа на куб — фута три в длину, в ширину и в высоту — и издавала негромкое жужжание. Серая зернистая поверхность ее была совершенно одинакова со всех сторон, только в одном углу помещалась большая красная кнопка, а в центре — бронзовая дощечка. На дощечке было выгравировано: «Утилизатор класса «А», серия АА-1256432». А ниже стояло: «Этой машиной можно пользоваться только по классу «А».

Вот и все.

Никаких циферблатов, рычагов, выключателей — словом, никаких приспособлений, какими, по мнению Коллинза, должна обладать каждая машина. Просто бронзовая дощечка, красная кнопка и жужжание.

— Откуда ты взялась? — спросил Коллинз.

Утилизатор класса «А» продолжал жужжать. Коллинз, собственно говоря, и не ждал ответа. Сидя на краю постели, он задумчиво рассматривал Утилизатор. Теперь вопрос сводился к следующему: что с ним делать?

Коллинз осторожно коснулся красной кнопки, вполне отдавая себе отчет в том, что у него нет никакого опыта обращения с машинами, которые падают с неба. Что будет, если нажать эту кнопку? Провалится пол? Или маленькие зеленые человечки прыгнут в комнату через потолок?

Но чем он рискует? Он легонько нажал на кнопку.

Ничего не произошло.

— Ну что ж, сделай что-нибудь,— сказал Коллинз, чувствуя себя несколько подавленным.

Утилизатор продолжал все так же тихонько жужжать.

Ладно, во всяком случае, машину всегда можно заложить. Честный Чарли даст ему не меньше доллара за один металл. Коллинз попробовал приподнять Утилизатор. Он не приподнимался. Коллинз попробовал снова, натужился что было мочи, и ему удалось на дюйм-полтора приподнять один угол машины над полом. Он выпустил машину и, тяжело дыша, присел на кровать.

— Тебе бы следовало прислать мне на помощь парочку дюжих ребят,— сказал Коллинз Утилизатору.

Жужжание тотчас стало значительно громче, и машина даже начала вибрировать.

Коллинз ждал, но по-прежнему ничего не происходило. Словно по какому-то наитию, он протянул руку и ткнул пальцем в красную кнопку.

Двое здоровенных мужчин в грубых рабочих комбинезонах тотчас возникли перед ним. Они окинули Утилизатор оценивающим взглядом. Один из них сказал:

— Слава тебе господи, это не самая большая модель. За те, огромные, никак не ухватишься.

Второй ответил:

— Все же это будет похлестче, чем ковырять мрамор в каменоломне, как ты считаешь?

Они уставились на Коллинза, который уставился на них. Наконец первый сказал:

— Ладно, приятель, мы не можем прохлаждаться тут целый день. Куда ее тащить?

— Кто вы такие? — прохрипел наконец Коллинз.

— Такелажники. Разве мы похожи на сестер Ванзетти?

— Но откуда вы взялись? — спросил Коллинз.

— Мы от Такелажной фирмы «Поуха Минайл»,— сказал один.— Пришли, потому что ты требовал такелажников, ясно почему. Ну, куда тебе ее?

— Уходите,— сказал Коллинз.— Я вас потом позову.

Такелажники пожали плечами и исчезли. Коллинз минуты две смотрел туда, где они только что стояли. Затем перевел взгляд на Утилизатор класса «А», который теперь снова мирно жужжал.

Утилизатор? Он мог бы придумать для машины название и получше.

«Исполнительница Желаний», например.

Нельзя сказать, чтобы Коллинз был очень уж потрясен. Когда происходит что-либо сверхъестественное, только тупые, умственно ограниченные люди не в состоянии этого принять. Коллинз, несомненно, был не из их числа. Он был блестяще подготовлен к восприятию чуда.

Почти всю свою жизнь он мечтал, надеялся, молил судьбу, чтобы с ним случилось что-нибудь необычайное. В школьные годы он мечтал, как проснется однажды утром и обнаружит, что скучная необходимость учить уроки отпала, так как все выучилось само собой. В армии он мечтал, что появятся какие-нибудь феи или джинны, подменят его наряд, и, вместо того чтобы маршировать в строю, он окажется дежурным по казарме.

Демобилизовавшись, Коллинз долго отлынивал от работы, так как психологически не чувствовал себя к ней подготовленным. Он плыл по воле волн и снова мечтал, что какой-нибудь сказочно богатый человек возымеет желание изменить свою Последнюю Волю и оставит ему все.

По правде говоря, он, конечно, не ожидал, что какое-нибудь такое чудо может и в самом деле произойти. Но когда оно все-таки произошло, он уже был к нему подготовлен.

— Я бы хотел иметь тысячу долларов мелкими бумажками с незарегистрированными номерами,— боязливо произнес Коллинз.

Когда жужжание усилилось, он нажал кнопку. Большая куча грязных пяти- и десятидолларовых бумажек выросла перед ним. Это не были новенькие шуршащие банкноты, но это, несомненно, были деньги.

Коллинз подбросил вверх целую пригоршню бумажек и смотрел, как они, красиво кружась, медленно опускаются на пол. Потом снова улегся на постель и принялся строить планы.

Прежде всего надо вывезти машину из Нью-Йорка куда-нибудь на север штата, в тихое местечко, где любопытные соседи не будут совать к нему свой нос. При таких обстоятельствах, как у него, подоходный налог может стать довольно деликатной проблемой. А впоследствии, когда все наладится, можно будет перебраться в центральные штаты или...

В комнате послышался какой-то подозрительный шум.

Коллинз вскочил на ноги. В стене образовалось отверстие, и кто-то с шумом ломился в эту дыру.

— Эй! Я у тебя ничего не просил! — крикнул Коллинз машине.

Отверстие в стене расширялось. Показался грузный краснолицый мужчина; он сердито старался пропихнуться в комнату и уже вылез из стены наполовину.

Коллинз внезапно сообразил, что все машины, как правило, кому-нибудь принадлежат. Любому владельцу Исполнительницы Желаний не понравится, если машина пропадет. И он пойдет на все, чтобы вернуть ее себе. Он может не остановиться даже и перед...

— Защити меня! — крикнул Коллинз Утилизатору и вонзил палец в красную кнопку.

Появился маленький лысый человечек в яркой пижаме, зевая, явно спросонок.

— Временная Служба Охраны Стен «Санитас Линк»,— сказал он, протирая глаза.— Я Линк. Чем могу быть вам полезен?

— Уберите его отсюда! — взвизгнул Коллинз.

Краснолицый, дико размахивая руками, уже почти совсем вылез из стены.

Линк вынул из кармана пижамы кусочек блестящего металла. Краснолицый закричал:

— Постой! Ты не понимаешь! Этот малый...

Линк направил на него свой кусочек металла. Краснолицый охнул и исчез. Почти тотчас отверстие в стене пропало тоже.

— Вы убили его? — спросил Коллинз.

— Разумеется, нет,— ответил Линк, пряча в карман кусочек металла.— Я просто повернул его вокруг оси. Тут он больше не полезет.

— Вы хотите сказать, что он будет искать других путей? — спросил Коллинз.

— Не исключено,— сказал Линк.— Он может испробовать Микротрансформацию или даже Одушевление.— Он пристально, испытующе поглядел на Коллинза.— А это ваш Утилизатор?

— Ну, конечно,— сказал Коллинз, покрываясь испариной.

— А вы по классу «А»?

— А то как же? — сказал Коллинз.— Иначе на что бы мне эта машина?

— Не обижайтесь,— сонно произнес Линк.— Это я по-дружески.— Он медленно покачал головой.— И куда только вашего брата по классу «А» не заносит! Зачем вы сюда вернулись? Верно, пишете какой-нибудь исторический роман?

Коллинз только загадочно улыбнулся в ответ.

— Ну, мне надо спешить дальше,— сказал Линк, зевая во весь рот.— День и ночь на ногах. В каменоломне было куда лучше.

И он пропал, не закончив нового зевка.

Дождь все еще шел, и с потолка капало. Из вентиляционной шахты доносилось чье-то мирное похрапывание. Коллинз снова был один на один со своей машиной.

И с тысячью долларов в мелких бумажках, разлетевшихся по всему полу. Он нежно похлопал Утилизатор. Эти самые — по классу «А» — неплохо его сработали. Захотелось чего-нибудь? Достаточно произнести вслух и нажать кнопку. Понятно, что настоящий владелец тоскует по ней.

Линк сказал, что, быть может, владелец будет пытаться завладеть ею другим путем. А каким?

Да не все ли равно? Тихонько насвистывая, Коллинз стал собирать деньги. Пока у него эта машина, он себя в обиду не даст.

В последующие несколько дней в образе жизни Коллинза произошла резкая перемена. С помощью такелажников фирмы «Поуха Минайл» он переправил Утилизатор на север. Там он купил небольшую гору в пустынной части Адирондакского горного массива и, получив купчую на руки, углубился в свои владения на несколько миль от шоссе. Двое такелажников, обливаясь по́том, тащили Утилизатор и уныло бранились, когда приходилось продираться сквозь заросли.

— Поставьте его здесь и убирайтесь,— сказал Коллинз. За последние дни его уверенность в себе чрезвычайно возросла.

Такелажники устало вздохнули и испарились. Коллинз огляделся по сторонам. Кругом, насколько хватал глаз, стояли густые сосновые и березовые леса. Воздух был влажен и душист. В верхушках деревьев весело щебетали птицы. Порой среди ветвей мелькала белка.

Природа! Коллинз всегда любил природу. Вот отличное место для постройки просторного, внушительного дома с плавательным бассейном, теннисным кортом и, быть может, с маленьким аэродромом.

— Я хочу дом,— твердо проговорил Коллинз и нажал красную кнопку.

Появился человек в аккуратном деловом сером костюме и в пенсне.

— Конечно, сэр,— сказал он, косясь прищуренным глазом на деревья,— но вам все-таки следует несколько подробнее развить свою мысль. Хотите ли вы что-нибудь в классическом стиле, вроде бунгало, ранчо, усадебного дома, загородного особняка, замка, дворца? Или что-нибудь примитивное, на манер шалаша или иглу? По классу «А» вы можете построить себе и что-нибудь ультрасовременное, например, дом с полуфасадом, или здание в духе Обтекаемой Протяженности, или дворец в стиле Миниатюрной Пещеры.

— Как вы сказали? — переспросил Коллинз.— Я не знаю. А что бы вы посоветовали?

— Небольшой загородный особняк,— не задумываясь, ответил агент.— Они, как правило, всегда начинают с этого.

— Неужели?

— О, да. А потом перебираются в более теплый климат и строят себе дворцы.

Коллинз хотел спросить еще что-то, но передумал. Все шло как по маслу. Эти люди считали, что он класс «А» и настоящий владелец Утилизатора. Не было никакого смысла разочаровывать их.

— Позаботьтесь, чтоб все было в порядке,— сказал он.

— Конечно, сэр,— сказал тот.—Это моя обязанность.

Остаток дня Коллинз провел, возлежа на кушетке и потягивая ледяной напиток, в то время как Строительная Контора «Максимо Олф» материализовала необходимые строительные материалы и возводила дом.

Получилось длинное приземистое сооружение из двадцати комнат, показавшееся Коллинзу в его изменившихся обстоятельствах крайне скромным. Дом был построен из наилучших материалов по проекту знаменитого Мига из Дегмы, интерьер был выполнен Тоуиджем, при доме имелся Муловский плавательный бассейн и английский парк, разбитый по эскизу Внериена.

К вечеру все было закончено, и небольшая строительная бригада сложила свои инструменты и пропала.

Коллинз повелел своему повару приготовить легкий ужин. Потом он сидел в просторной, прохладной гостиной, перебирая в уме только что происшедшие события. Напротив него на полу, мелодично жужжа, стоял Утилизатор.

Коллинз закурил дорогую сигару и вдохнул ее аромат. Прежде всего он решительно отверг всякие сверхъестественные объяснения случившегося. Разные там духи или демоны были тут совершенно ни при чем. Его дом был выстроен самыми обыкновенными человеческими существами, которые смеялись, бранились, сквернословили, как всякие человеческие существа. Утилизатор был просто хитроумным научным изобретением, механизм которого был ему неизвестен и познакомиться с которым он не стремился.

Мог ли Утилизатор попасть к нему с другой планеты? Непохоже. Едва ли там стали бы ради него изучать английский язык.

Утилизатор, по-видимому, попал к нему из Будущего. Но как?

Коллинз откинулся на спинку кресла и задымил сигарой. Мало ли что бывает, сказал он себе. Разве Утилизатор не мог просто провалиться в Прошлое? Может же он создавать и то и это из ничего, а ведь это куда труднее.

Как же, должно быть, прекрасно это Будущее! — думал Коллинз. Машины — исполнительницы желаний! Какая вершина цивилизации! Все, что от вас требуется, это только пожелать себе чего-нибудь. Просто! Вот, пожалуйста! Со временем они, вероятно, упразднят и красную кнопку. Тогда все будет происходить без малейшей затраты мускульной энергии.

Конечно, он должен быть очень осторожен. Ведь все еще существует законный владелец машины и остальные представители класса «А». Они будут пытаться отнять у него машину. Возможно, это фамильная реликвия...

Краем глаза он уловил какое-то движение. Утилизатор дрожал, словно сухой лист на ветру.

Мрачно нахмурясь, Коллинз подошел к нему. Легкая дымка пара обволакивала вибрирующий Утилизатор. Было похоже, что он перегрелся.

Неужели он дал ему слишком большую нагрузку? Может быть, ушат холодной воды...

Тут ему бросилось в глаза, что Утилизатор заметно уменьшился в размерах. Теперь каждое из его трех измерений не превышало двух футов, и он продолжал уменьшаться прямо-таки на глазах.

Владелец! Или, может быть, эти, из класса «А»! Вероятно, это и есть Микротрансформация, о которой говорил Линк. Если тотчас что-нибудь не предпринять, сообразил Коллинз, его Исполнительница Желаний уменьшится до ничтожных размеров и станет невидимой.

— Охранная Служба «Линк»! — выкрикнул Коллинз. Он надавил на кнопку и поспешно отдернул руку. Машина сильно накалилась.

Линк в гольфах, спортивной рубашке и с клюшкой в руках появился в углу.

— Неужели необходимо каждый раз беспокоить меня, как только я...

— Сделай что-нибудь! — воскликнул Коллинз, указывая на Утилизатор, который был уже не больше одного кубического фута в объеме и раскалился докрасна.

— Ничего я не могу сделать,— сказал Линк.— У меня патент только на возведение временных стен. Вам нужно обратиться в Микроконтроль.— Он помахал ему своей клюшкой и был таков.

— Микроконтроль! — заорал Коллинз и потянулся к кнопке. Но тут же отдернул руку. Кубик Утилизатора не превышал теперь четырех дюймов. Он стал вишнево-красным и весь сверкал. Кнопка, уменьшившаяся до размеров булавочной головки, была почти неразличима.

Коллинз обернулся, схватил подушку, навалился на машину и надавил кнопку.

Появилась девушка в роговых очках, с блокнотом в руке и карандашом, нацеленным на блокнот.

— Кого вы хотите пригласить? — невозмутимо спросила она.

— Скорей помогите мне! — завопил Коллинз, с ужасом глядя, как его бесценный Утилизатор делается все меньше и меньше.

— Мистера Вергона нет на месте, он обедает,— сказала девушка, задумчиво покусывая карандаш.— Он объявил себя вне предела досягаемости. Я не могу его вызвать.

— Кого вы можете вызвать?

Она заглянула в блокнот.

— Мистер Вис сейчас в Прошедшем Сослагательном, а мистер Илгис возводит оборонительные сооружения в Палеолитической Европе. Если вы очень спешите, может быть, вам лучше обратиться в Транзит-Контроль. Это небольшая фирма, но они...

— Транзит-Контроль! Ладно, исчезни!— Коллинз сосредоточил все свое внимание на Утилизаторе и придавил его дымящейся подушкой. Ничего не последовало. Утилизатор был теперь едва ли больше кубического дюйма, и Коллинз понял, что сквозь подушку ему не добраться до ставшей почти невидимой кнопки.

У него мелькнула было мысль махнуть рукой на Утилизатор. Может быть, уже пора. Можно продать дом, обстановку, получится довольно кругленькая сумма...

Нет! Он еще не успел пожалать себе ничего по-настоящему значительного! И не откажется от этой возможности без борьбы!

Стараясь не зажмуривать глаз, он ткнул в раскаленную добела кнопку негнущимся указательным пальцем.

Появился тощий старик в потрепанной одежде. В руке у него было нечто вроде ярко расписанного пасхального яйца. Он бросил его на пол. Яйцо раскололось, из него с ревом вырвался оранжевый дым, и микроскопический Утилизатор мгновенно всосал этот дым в себя, после чего тяжелые, плотные клубы дыма взмыли вверх, едва не задушив Коллинза, а Утилизатор начал принимать свою прежнюю форму. Вскоре он достиг нормальной величины и был, казалось, нисколько не поврежден. Старик отрывисто кивнул.

— Мы работаем по старинке, но зато на совесть,— сказал он, снова кивнул и исчез.

И опять Коллинзу показалось, что откуда-то издалека до него донесся чей-то сердитый возглас.

Потрясенный, обессиленный, он опустился на пол перед машиной. Обожженный палец жгло и дергало.

— Вылечи меня,— пробормотал он пересохшими губами и надавил кнопку здоровой рукой.

Утилизатор зажужжал громче, а потом умолк совсем. Боль в пальце утихла. Коллинз взглянул на него и увидел, что от ожога не осталось и следа, даже ни малейшего шрама.

Коллинз налил себе основательную порцию коньяку и не медля ни минуты лег в постель. В эту ночь ему приснилось, что за ним гонится гигантская буква «А», но, пробудившись, он забыл свой сон.

Прошла неделя, и Коллинз убедился, что поступил крайне опрометчиво, построив себе дом в лесу. Чтобы спастись от зевак, ему пришлось потребовать себе целый взвод солдат для охраны, а охотники стремились во что бы то ни стало расположиться в его английском парке.

К тому же Департамент Государственных Сборов начал проявлять живой интерес к его доходам.

А главное, Коллинз сделал открытие, что он не так уж обожает природу в конце-то концов. Птички и белочки — все это, конечно, чрезвычайно мило, но с ними ведь особенно не разговоришься. А деревья, хоть и очень красивы, никак не годятся в собутыльники.

Коллинз решил, что в душе он человек городской.

Поэтому с помощью такелажников «Поуэл Минайл», Строительной Конторы «Максимо Олф», Бюро Мгновенных Путешествий «Ягтон» и крупных денежных сумм, врученных кому следует, Коллинз перебрался в маленькую республику в центральной части американского континента. И поскольку климат здесь был теплее, а подоходного налога не существовало вовсе, он построил себе большой, крикливо роскошный дворец, снабженный всеми необходимыми аксессуарами: кондиционированным воздухом, конюшней, псарней, павлинами, слугами, механиками, сторожами, музыкантами, балетными труппами — словом, всем, чем должен располагать каждый дворец. Коллинзу потребовалось две недели, чтобы ознакомиться со своим новым жильем.

До поры до времени все шло хорошо.

Как-то утром Коллинз подошел к Утилизатору, думая, не попросить ли ему спортивный автомобиль или небольшое стадо племенного скота. Он наклонился к серой машине, протянул руку к красной кнопке...

И Утилизатор отпрянул от него в сторону.

В первую секунду Коллинзу показалось, что у него начинаются галлюцинации, и даже мелькнула мысль бросить пить шампанское перед завтраком. Он шагнул вперед и потянулся к красной кнопке.

Утилизатор ловко выскользнул из-под его руки и на рысях выбежал из комнаты.

Коллинз во весь дух припустился за ним, проклиная владельца и весь класс «А». По-видимому, это было то самое Одушевление, о котором говорил Лин: владельцу каким-то способом удалось придать машине подвижность. Но нечего ломать над этим голову! Нужно только догнать машину, нажать кнопку и вызвать ребят из Контроля Одушевления!

Утилизатор несся через зал. Коллинз бежал за ним по пятам. Младший дворецкий, начищавший массивную дверную ручку из литого золота, застыл на месте, разинув рот.

— Остановите ее! — крикнул Коллинз.

Младший дворецкий неуклюже шагнул вперед, преграждая Утилизатору путь. Машина, грациозно виляя в сторону, обошла дворецкого и стрелой помчалась к выходу.

Коллинз успел подскочить к рубильнику, и дверь с треском захлопнулась.

Утилизатор взял разгон и прошел сквозь запертую дверь. Очутившись снаружи, он споткнулся о садовый шланг, но быстро восстановил равновесие и устремился за ограду в поле.

Коллинз мчался за ним. Если б только подобраться к нему поближе...

Утилизатор внезапно прыгнул вверх. Несколько секунд он висел в воздухе, а потом упал на землю. Коллинз рванулся к кнопке. Утилизатор увернулся, разбежался и снова подпрыгнул. Он висел футах в двадцати над головой Коллинза. Потом взлетел по прямой еще выше, остановился, бешено завертелся волчком и упал.

Коллинз испугался: вдруг Утилизатор подпрыгнет в третий раз, совсем уйдет вверх и не вернется? Когда Утилизатор приземлился, Коллинз был начеку. Он сделал ложный выпад и, изловчившись, нажал кнопку. Утилизатор не успел увернуться.

— Контроль Одушевления! — торжествующе выкрикнул Коллинз.

Раздался слабый звук взрыва, и Утилизатор послушно замер. От Одушевления не осталось и следа.

Коллинз вытер вспотевший лоб и сел на машину. Враги все ближе и ближе. Надо поскорее, пока еще есть возможность, пожелать чего-нибудь грандиозного.

Быстро, одно за другим он попросил себе пять миллионов долларов, три функционирующих нефтяных источника, киностудию, безукоризненное здоровье, еще двадцать пять штук танцовщиц, бессмертие, спортивный автомобиль и стадо племенного скота.

Ему показалось, что кто-то хихикнул. Коллинз вскочил и поглядел по сторонам. Кругом не было ни души.

Когда он снова обернулся, Утилизатор исчез.

Он стоял глядя во все глаза. И в следующее мгновение он исчез тоже.

Коллинз открыл глаза и увидел, что стоит перед столом. За столом сидел грузный краснолицый мужчина, который первоначально пытался пробиться к нему в комнату сквозь стену. Он не казался сердитым. Скорее вид у него был умиротворенный и даже меланхоличный.

С минуту Коллинз стоял молча; ему было жаль, что все кончилось. Владелец и класс «А» поймали его в конце концов. Но все-таки это было великолепно!

— Ну,— сказал наконец Коллинз,— вы получили обратно свою машину, что же вам теперь еще нужно от меня?

— Мою машину? — повторил краснолицый, с недоверием глядя на Коллинза.— Это не моя машина, сэр. Отнюдь не моя.

Коллинз в изумлении воззрился на него.

— Не пытайтесь обдурить меня, мистер. Вы — класс «А» — хотите сохранить за собой монополию, разве не так?

Краснолицый отложил в сторону бумагу, которую он просматривал.

— Мистер Коллинз,— сказал он твердо,— меня зовут Флайн. Я агент Союза Охраны Граждан. Это чисто благотворительная, лишенная всяких коммерческих задач организация, и единственная цель, которую она себе ставит,— это защищать лиц, подобных вам, от возможных заблуждений на жизненном пути.

— Вы хотите сказать, что не принадлежите к классу «А»?

— Вы пребываете в глубочайшем заблуждении, сэр,— спокойно и с достоинством произнес Флайн.— Класс «А» — это не общественно-социальная категория, как вы, по-видимому, полагаете. Это всего-навсего форма кредита.

— Форма чего? — оторопело спросил Коллинз.

— Форма кредита.— Флайн поглядел на часы.— Времени у нас мало, и я постараюсь быть кратким. Мы живем в эпоху децентрализации, мистер Коллинз. Наша промышленность, торговля и административные учреждения довольно сильно разобщены во времени и пространстве. Акционерное общество «Утилизатор» является весьма важным связующим звеном. Оно занимается перемещением благ цивилизации с одного места на другое и прочими услугами. Вам понятно?

Коллинз кивнул.

— Кредит, разумеется, предоставляется автоматически. Но рано или поздно все должно быть оплачено.

Это уже звучало как-то неприятно. Оплачено? По-видимому, это все-таки не такое высокоцивилизованное общество, как ему сначала показалось. Ведь никто ни словом не обмолвился про плату. Почему же они заговорили о ней теперь?

— Почему никто не остановил меня? — растерянно спросил он.— Они же должны были знать, что я некредитоспособен.

Флайн покачал головой.

— Кредитоспособность — вещь доброволь-

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

ная, она не устанавливается законом. В цивилизованном мире всякой личности предоставлено право решать самой. Я очень сожалею, сэр.— Он поглядел на часы и протянул Коллинзу бумагу, которую просматривал.— Прошу вас взглянуть на этот счет и сказать, все ли здесь в порядке.

Коллинз взял бумагу и прочел:

Один дворец с оборудованием	450 000 000 Кр.
Услуги такелажников фирмы «Поуха Минайл», а также фирмы «Максимо Олф» . .	111 000 »
Сто двадцать две танцовщицы	122 000 000 »
Безукоризненное здоровье . .	888 234 031 »
. . . . .	

Коллинз быстро пробежал глазами весь счет. Общая сумма слегка превышала восемнадцать биллионов Кредитов.

— Позвольте! — воскликнул Коллинз.— Вы не можете требовать с меня столько! Утилизатор свалился ко мне в комнату неизвестно откуда, просто по ошибке!

— Я как раз собираюсь обратить их внимание на это обстоятельство,— сказал Флайн.— Как знать? Быть может, они будут благоразумны. Во всяком случае, попытаемся, хуже не будет.

Все закачалось у Коллинза перед глазами. Лицо Флайна начало расплываться.

— Время истекло,— сказал Флайн.— Желаю удачи.

Коллинз закрыл глаза.

Когда он открыл их снова, перед ним расстилалась унылая равнина, опоясанная скалистой горной грядой. Ледяной ветер, налетая порывами, стегал его по лицу, небо было серо-стального цвета.

Какой-то оборванный человек стоял рядом с ним.

— Держи,— сказал он и протянул Коллинзу кирку.

— Что это такое?

— Кирка,— терпеливо разъяснил человек.— А вон там каменоломня, где мы с тобой вместе с остальными будем добывать мрамор.

— Мрамор?

— Ну да. Всегда найдется какой-нибудь идиот, которому нужен мраморный дворец,— с кривой усмешкой отвечал человек.— Можешь звать меня Янг. Нам некоторое время придется поработать на пару.

Коллинз тупо поглядел на него.

— А как долго?

— Подсчитай сам,— сказал Янг.— Расценки здесь — пятьдесят Кредитов в месяц, и тебе будут их начислять, пока ты не покроешь свой долг.

Кирка выпала у Коллинза из рук. Они не могут этого сделать! Акционерное общество «Утилизатор» должно понять свою ошибку! Это же их вина, что машина провалилась в Прошлое. Не могут же они этого не знать!

— Все это сплошная ошибка! — сказал Коллинз.

— Никакая не ошибка,— сказал Янг.— У них большой недостаток в рабочей силе. Набирают где попало. Ну, пошли. Первую тысячу лет трудно, а потом привыкнешь.

Коллинз двинулся следом за Янгом, потом остановился.

— Первую тысячу лет? Я столько не проживу!

— Проживешь!— заверил его Янг.— Ты же получил бессмертие, забыл разве?

Да, он его получил. Он попросил себе бессмертие как раз в ту минуту, когда они отняли у него машину. А может быть, они взяли ее потом?

Вдруг Коллинз что-то припомнил. Странно, в том счете, который предъявил ему Флайн, бессмертия как будто не стояло вовсе.

— А сколько они насчитали мне за бессмертие? — спросил он.

Янг поглядел на него и рассмеялся.

— Не притворяйся простачком, приятель. Пора бы уже тебе кое-что сообразить.— Он подтолкнул Коллинза к каменоломне.— Ясное дело, этим-то они награждают задаром.

Перевела с английского
Т. Озерская.

Космос, космос...

Иван ЕФРЕМОВ

Крес — оператор головной антарктической станции ППВ — склонился над графиком, когда голос друга позвал его из глубины экрана. Обрадованный и немного ошеломленный внезапностью, он всматривался в лицо школьного товарища. Такой же и не такой... Они всегда в чем-то изменяются, возвращаясь из далей космоса. Это не штрихи резца времени, неизбежно оттеняющие лица оседлых жителей Земли. Что-то как бы оттиснутое на самой сущности человека, отчего по-иному складывается улыбка и смотрят глаза.

— Не ждал тебя так скоро. Всего два дня, как показывали ваше прибытие. Почему вы сели на старинный космодром Байконур вместо Эль-Хомры?

— Расскажу после. Меня включили на четыре минуты — узнать шифр твоего гостевого канала.

Крес назвал необходимые цифры и добавил:

— Мы можем увидеться сегодня же в двадцать часов по среднепланетному восточного полушария. Подошла моя очередь посмотреть «шесть картин», а ты их тоже не видел. Мне откроют гостевой канал, хоть это и совпало с дежурством в направляющей башне. Кстати, увидишь еще двух старых друзей. Я пригласил нашего Алька — он так и остался художником. И еще будет Та...

— Она уже вернулась с Пяти Темных Звезд? И ты все еще называешь ее по-школьному? А где же Не Та?

— И ее увидишь, потому что она, ее группа нашла шесть картин. Она даст объяснения на выставке в Совете звездоплавания.

Скупо отмеренные минуты истекли. Крес вернулся к графику транспортировки. Громадность задачи не смущала его, участвовавшего в затоплении пустынь Калахари и Намиб в Южной Африке. Теперь предстояло перебросить целое море пресной воды на материк Австралии. Там сотни лет назад нерасчетливое орошение пустынь подземными водами привело к массовому засолению почв, а недра материка могли дать лишь сильно минерализованный кипяток.

Опреснение морской воды не составляло проблемы, но ядовитая дистиллированная вода должна была подвергаться сложной химической обработке. Недавно лишь стало известно, как много веществ, хоть и в самых ничтожных количествах, было растворено в сложной структуре воды — минерала, когда-то считавшегося самым простым. Без этих веществ вода не могла служить жизни, а колоссальные ее количества, нужные для орошения целого материка, требовали столько труда, что не оправдывались ни земледелием, ни скотоводством Австралии.

Как всегда, выход из тупика нашелся раньше, чем думали, и в неожиданном направлении. Изобрели способ переноса водяных молекул в потоках заряженных частиц. Создавалось нечто вроде ураганного ветра, поднимавшегося исполинской дугой в стратосферу и переносившего любые количества воды. А здесь, на ледяном щите антарктического материка, небольшая термоядерная станция давала кубические километры пресной воды.

Совет экономики планеты торжествовал, что отказался в свое время от проекта растопления антарктических льдов и повышения уровня океанов. Незачем было мешать пресную воду с соленой, когда теперь стало возможным излить любое ее количество в любую точку планеты. После промывки засоленной почвы Австралии предстояло затопление Сахары, промывка Большой Соляной пустыни Ирана, создание пресноводных озер-морей в Центральной Азии.

Крес соединился со станцией, запрятанной глубоко в толще льда. Все было готово для создания заряженного потока. Непередаваемо низкое гудение излучателей затрудняло разговор даже в хорошо изолированном помещении главного пульта. Крес включил сигналы предупреждения. Через пятнадцать минут полоса атмосферы между Антарктикой и Австралией в две тысячи километров шириной станет опасной для самолетов на высоте от пятнадцати километров. Западная часть австралийского материка, и без того обезлюдевшая, была эвакуирована несколько дней назад.

Крес еще раз проверил настройку и вошел в крохотную кабинку, молниеносно взвившуюся на 600-метровую башню наблюдения. Некогда люди старались упрятать все наиболее важное под землю — отголосок эпох опасностей и войн. Теперь большинство наблюдательных и управленческих постов находилось на высоких башнях. Считалось, что человек, вознесенный над землей, лучше чувствует себя и как бы стягивается в узел напряжения и внимания.

Комната на башне раскачивалась, но не дрожала под нескончаемым ветром Антарктиды. Гасители вибраций надежно охраняли человека и его приборы. Крес удобно уселся, окинув взглядом четыре больших экрана. В двух крайних виднелись похожие на медленно качавшиеся цветы направляющие башни на островах Макуори и Принца Эдуарда. Их отделяло от Креса больше четырех тысяч километров. Кривизна земной поверхности не позволяла на таком расстоянии увидеть даже высочайшую гору мира — Джомолунгму, но сеть спутников-реле, вращавшихся синхронно с планетой, обеспечивала любую дальность телепередач.

Долгий вибрирующий сигнал, и башня все же вздрогнула. Крес всем существом почувствовал, как ураганный поток воздуха понесся над голубым озером растопленного льда, подхватывая воду и взмывая вверх с нарастающей скоростью. Через несколько минут животворный ливень обрушится на пустыни Западной Австралии. Одна за другой башни сообщали о прохождении потока. Макуори, Тасмания, Балларат, Мосгрейв... Замыкающая башня на Гранитах докладывает о разрядке потока. Непрерывный каскад льет с неба над половиной материка. Лишь в конце дежурства надо будет снизить интенсивность наполовину, меньше нельзя. Еще не достигнута возможность работы на любом режиме.

Крес оглядел ленты графиков, медленно проползавшие в окошечках приборов. Мелодично и ритмически пели охранители-автоматы. Все хорошо! И оператор переключил боковые экраны на свой личный канал. Ровно в двадцать часов его приветствовали возникшие на экранах друзья.

Только что вернувшийся звездолетчик Ниокан, художник Альк со своей ласковой и беспомощной повадкой удивленного ребенка. Круглолицая Та с контрастом смешливо приподнятых уголков губ и тревожно сосредоточенных глаз. Едва успели они рассмотреть друг друга и обменяться несколькими словами, как на четвертом экране появилась Не Та. Она стояла в круглом помещении под сверкавшим тысячегранником многоканального приемника ТВФ. Это была запись, сделанная около двух месяцев тому назад, и Не Та, конечно, не могла увидеть своих друзей. Она не изменилась. Может быть, стали немного резче ее аскетические черты и ярче горящие глаза библейской пророчицы. Исследовательница древнего искусства не скрывала своего счастья. Действительно, найти среди миллиардов произведений живописи, накопившихся за столетия всеобщего мира на планете, когда ничто не могло разрушить творения искусства, нужные картины было исключительной удачей. Шесть картин, написанных в начальные годы космической эры в России — стране, первой разрушившей устарелые формы общественного строя и первой пославшей спутники и людей в орбитальный облет планеты.

Первая картина изображала космический корабль-ракету, вонзавшуюся в глубочайшую черноту звездного неба над радужной дугой земной атмосферы и голубым сегментом планеты с темными пятнами материков, кое-где проступавшими под серебристым облачным покровом. За кораблем тянулся на тысячи километров бело-радужный хвост газов.

Вторая картина говорила о высадке на далекую планету, где высокая цивилизация создала странные сооружения, устремленные в полосы сверкавших звездных скоплений глубокого, лишенного атмосферы небосвода.

Третья — в синевато-зелено-серебристой гамме прозрачных красок показывала высадку на холодную планету типа Урана или Нептуна. Гигантские хрустальные иглы застывшей до твердости стали воды, аммиака и метана светились, заграждая черноту неба. С верхушки ракетного корабля звездолетчики опускали на прозрачном баллоне какую-то неуклюжую машину, очевидно, самоходное устройство.

Дальше — Венера. Ее электрические смерчи, пронизанные стремительным полетом космического корабля. Его белый след прочертил грозное фиолетовое с лиловыми полосами небо и пересек зелено-голубое сияние смерчей над фиолетовым океаном.

На пятой картине автоматическая ракета летела в метеорном потоке, извергавшемся ей навстречу из глубин сине-лилового неба. Ярко-желтые вспышки метеорных ударов озаряли стальное, с багровыми отблесками тело ракеты.

И, наконец, последняя из шести картин, вся в калено-желтых, оранжевых и багровых тонах, показывала круглое озеро огненной лавы, может быть, жерло вулкана, проплавившее поверхностный слой шлака, изборожденный мелкими трещинами. Три космонавта в термозащитных скафандрах бесстрашно стояли около озера, у транспортной машины или, может быть, временной наблюдательной станции.

Медленная череда древних картин повторилась еще раз. Затем экран показал отдельные детали живописи и угас, предоставив зрителям по-своему пережить встречу с картинами русского художника.

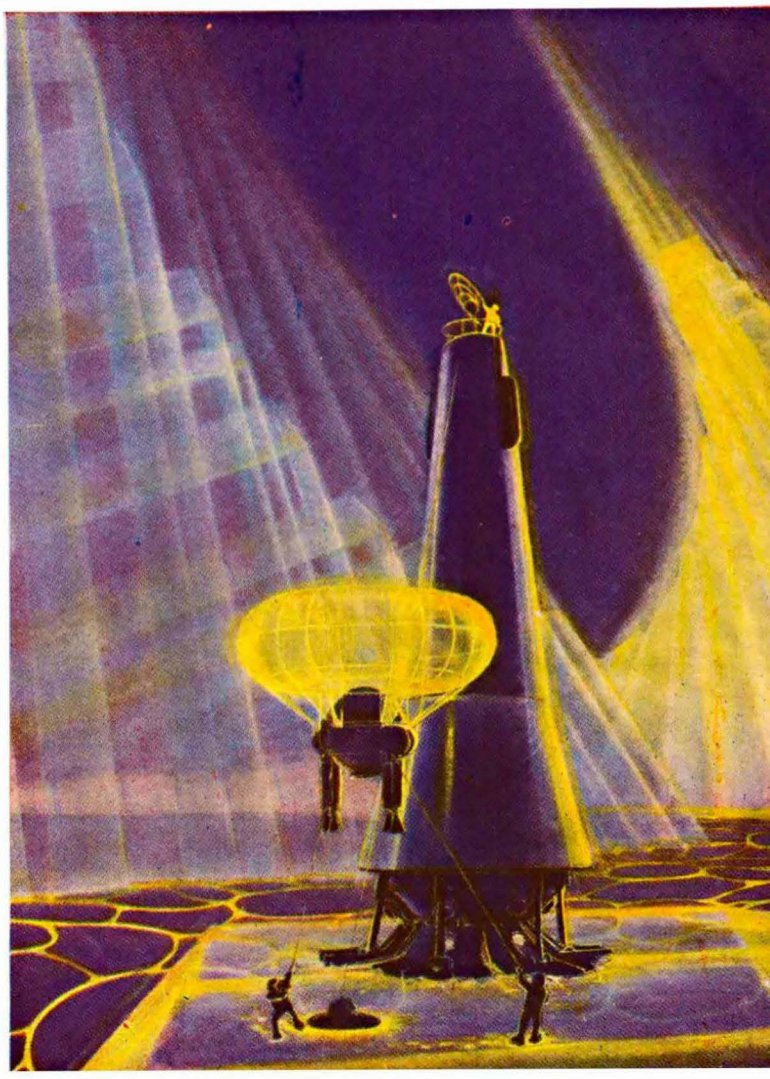
* * *

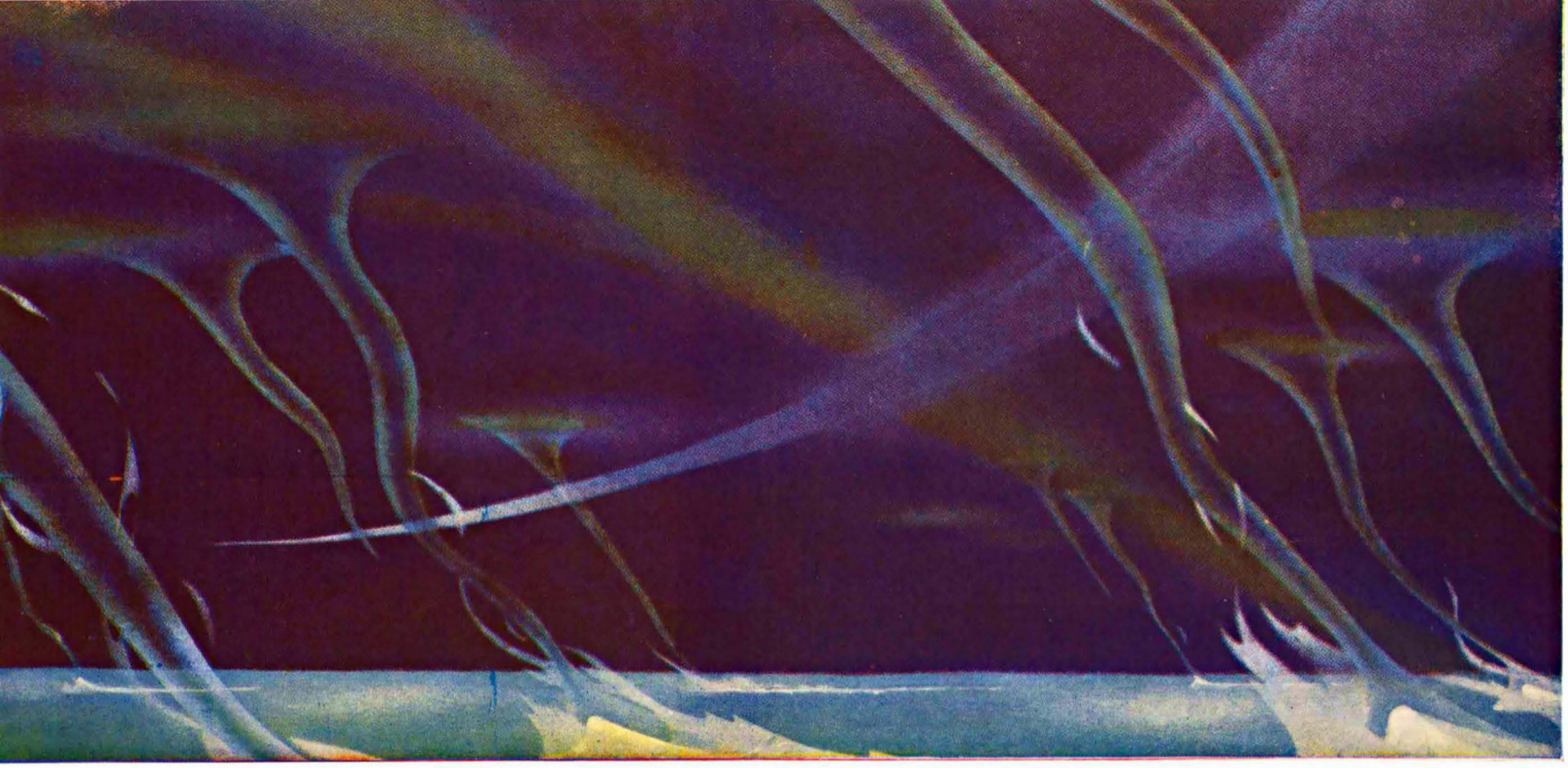
Крес усилил подачу направляющего тока и терпеливо ждал окончания бури, стараясь представить себе людей прошлого — первых покорителей космоса.

А. Соколов. НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ.

В МИРЕ НЕЗЕМНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

НА ЛЕДЯНОЙ ПЛАНЕТЕ.





А. Соколов. ПЛАНЕТА ГОЛУБОГО СОЛНЦА. СМЕРЧИ-МОЛНИИ.

РАКЕТА В МЕТЕОРИТНОМ ПОТОКЕ.

НА ВЕНЕРЕ. У ВУЛКАНИЧЕСКОГО КРАТЕРА.

РАССКАЗ О ШПИОНАХ

Роберт ШЕКЛИ

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

Я попал в нелепейшую историю, хуже трудно себе представить. Не так-то просто и объяснить, как это все произошло. Но начну по порядку.

В 1991 году я окончил техническое училище и сразу же стал работать техником по сфинкс-электронным лампам в Старлинговской компании космических кораблей. Я очень любил эти громадные звездолеты, с ревом взмывающие ввысь, к Лебедю или, скажем, к Альфе-Центавра. Был я тогда, как говорится, молодым человеком с будущим. И друзья у меня были и даже знакомые девушки. И работа меня вполне устраивала. Но существовало одно «но», и тут уж я ничего не мог поделать; я не мог нормально работать при всем этом множестве скрытых фотоаппаратов, наведенных на мои руки. Не то, чтобы я возражал против самих фотоаппаратов. Нисколько. Но их непрерывное жужжание! Я просто не мог сосредоточиться. Я стал жаловаться в Департамент Внутренней Безопасности:

— Послушайте,— сказал я им,— почему бы вам не поставить мне новые, бесшумные аппараты, такие же, как у всех остальных?

Но им было не до меня: государственные заботы поглощали все их внимание.

А тут еще тысячи мелочей стали выводить меня из терпения. Взять хотя бы магнитофон, установленный в моем телевизоре. Эти бездельники из ФБР никак не могли правильно его отрегулировать, и он гудел все ночи напролет. Я много раз жаловался:

— Послушайте,— говорил я,— ведь ни у кого магнитофон так не гудит. Чем же я хуже других?

Но в ответ я всегда слышал старую песню о необходимости выиграть «холодную войну» и о том, что на всех не угодишь. От подобных вещей как-то начинаешь терять уважение к самому себе.

По-видимому, мое правительство попросту пренебрегало мной.

Возьмите, например, моего Шпиона. Я числился Подозреваемым 18-D — в одной рубрике с вице-президентом,— что давало мне право находиться под частичным надзором. Но мой личный Шпион, должно быть, вообразил себя киноактером, потому что он не появлялся иначе, как в замызганном плаще и в зловеще надвинутой на глаза шляпе. Худой, нервный, он буквально наступал мне на пятки от страха потерять меня из виду. Надо отдать ему должное, он очень старался. В профессии Шпиона конкуренция занимает немалое место, и я не мог побороть невольного сострадания при виде его тщетных усилий. Но в конце концов мне это стало надоедать: вечно вместе, эдакие сиамские близнецы. Мои товарищи хохотали до слез, когда я появлялся, таща его за собой, как на буксире.

— Билл,— покатывались они,— где ты раздобыл такое сокровище?

А моя девушка жаловалась, что от одного его вида ее бросает в дрожь.

Разумеется, я пошел в Комиссию по Расследованию и сказал:

— Послушайте, неужели вам трудно дать мне квалифицированного Шпиона, как у всех моих знакомых?

Мне ответили, что рассмотрят мое заявление, но я-то знал, что был недостаточно крупной фигурой для этого.

Все эти, казалось бы, пустяки страшно действовали мне на нервы, а любой психолог скажет вам, что не требуется чего-либо из ряда вон выходящего, чтобы свести человека с ума. Я был сыт по горло равнодушием и пренебрежением.

Тогда-то я и начал подумывать о Дальнем Космосе. Там простираются миллиарды квадратных миль первосортной пустоты, усеянной несметным количеством звезд. Там такое обилие землеподобных планет, что с избытком хватит на всех мужчин, женщин и детей. Уж там-то должно найтись местечко и для меня. Я приобрел «Каталог Вселенских Светил» и затрепанного «Пилота Галактики». Я прочел от корки до корки «Справочник-таблицу колебаний силы тяготения» и изучил «Атлас межпланетных маршрутов». Наконец я почувствовал, что достиг предельной осведомленности по данному вопросу.

Все мои сбережения ушли на покупку подержанного звездного быстрохода. Старичок пропускал кислород всеми своими швами, а его болезненно-чувствительный атомный котел и неуравновешенные рычаги управления в любой момент могли сыграть с вами злую шутку.

Безусловно, доверяться ему было небезопасно, но единственное, чем я рисковал, была моя собственная жизнь. Во всяком случае, так я думал.

Я собрал все, что полагалось: паспорт, Голубое удостоверение, Красное удостоверение, регистрационное свидетельство, пилюли против космических недомоганий и дератизационные справки. В конторе я получил остатки своего жалованья и помахал рукой осиротевшим фотокамерам. Дома я собрал свои вещи и попрощался с магнитофоном. На улице я пожал руку бедняге Шпиону и пожелал ему удачи.

Итак, я сжег свои корабли. Мне оставалось только получить Заключительное удостоверение, и я устремился в соответствующую инстанцию. Клерк, со следами загара лампового происхождения на лице, подозрительно взглянул на меня.

— Место назначения? — спросил он.

— Космос,— отвечал я.

— Это ясно. Я спрашиваю, где именно.

— Да я еще не знаю,— сказал я.— Просто Космос. Дальний Космос. Свободный Космос.

Клерк устало вздохнул:

— Вам придется высказаться точнее, если вы желаете получить удостоверение. Где именно вы собираетесь обосноваться? В Американском Космосе? Или хотите эмигрировать в Британский Космос? Или Голландский? Или Французский?

— Я не знал, что Космос может кому-то принадлежать,— проговорил я.

— Отстаете от жизни,— сказал он с видом снисходительного превосходства.— Соединенные Штаты заявили свои права на все пространство между координатами 2-XA и D_2B, кроме небольшого и относительно маловажного сегмента, на который претендует Мексика. Владения Советского Союза помещаются между координатами H_3D и LO_2. Весьма унылая область, можете мне поверить. Кроме

Роберт Шекли родился в 1928 году в Нью-Йорке. В 1954 году вышел первый сборник его научно-фантастических рассказов под названием «Нетронутый человеком», в 1956-м — второй сборник, «Гражданин в космосе». Затем были выпущены еще три сборника его рассказов.

того, существует Бельгийская Территория, Китайская Территория, Цейлонская Территория, Нигерийская...

Тут я прервал его:

— А где Независимый Космос?

— Такого не существует.

— Как, совсем не существует? Где же кончаются территориальные границы?

— В бесконечности! — проговорил он с важностью.

На мгновение почва заколебалась у меня под ногами. Мне никогда не приходило в голову, что каждая крупица бесконечной Вселенной — чья-то собственность. Хотя, впрочем, почему бы и нет? В конце концов, кому-то она должна принадлежать!

— Хорошо, я отправляюсь в Американский Космос,— заявил я, недолго думая.

В тот момент я не мог еще предвидеть все значение этого шага.

Клерк угрюмо кивнул головой. Тщательно проверив мои анкеты, начиная с пятилетнего возраста — раньше проверять особого смысла не имело,— он выдал мне Заключительное удостоверение.

В космопорту мой звездолет уже был наготове. Я ухитрился оторваться от Земли, не повредив ни одной лампы. Но только когда Земля превратилась в едва заметную точку, а затем и совсем скрылась из виду, я осознал, что остался наконец один.

На исходе вторых суток путешествия, осматривая свои запасы, я обратил внимание на несколько необычную форму одного из мешков с овощами. Развязав его, я обнаружил вместо положенных ста фунтов картофеля молодую девицу.

Вот так пассажир! Я смотрел на нее, не в силах произнести ни звука.

— Ну,— сказала она,— может быть, вы поможете мне выбраться отсюда? Или вы намерены оставить меня в этом мешке и предать инцидент забвению?

Я помог ей вылезти из мешка.

— Ваша картошка выглядит очень аппетитно,— заметила она.

Я мог бы то же самое сказать и о ней самой, не погрешив против истины.

Это была тоненькая (во всяком случае, там, где это положено) девушка, с рыжеватыми волосами цвета пылающего хвоста ракеты, с задумчивыми голубыми глазами и следами грязи, размазанной по дерзкой физиономии. На Земле я, не колеблясь, прошел бы десяток миль ради встречи с ней. Что же касается Космоса, то тут у меня не было стопроцентной уверенности.

— Не найдется ли у вас чего-нибудь поесть? — спросила она.— Если не считать сырую морковку, у меня крошки не было во рту с самого вылета.

Я сделал ей сэндвич. Она доедала его, когда я наконец спросил:

— Скажите, как вы сюда попали?

— Вам этого не понять,— ответила она, дожевывая.

— Я постараюсь,— сказал я.

Она подошла к иллюминатору и несколько мгновений созерцала открывшуюся ей величественную картину: Американские звезды, горящие в глубинах Американского Космоса.

— Я стремлюсь к свободе,— произнесла она.

— Что?!

Она устало опустилась на мою койку.

— Я знаю, вы назовете меня романтичной,— заговорила она неторопливо.— Я из породы чудаков, которые декламируют вслух стихи в ночной тишине и рыдают перед какой-нибудь нелепой статуэткой. Меня охватывает дрожь при виде желтых осенних листьев, а роса на зеленых лужайках представляется мне слезами самой матери Земли. Мой психиатр сказал мне, что я не гожусь для современной жизни.

Она устало закрыла глаза, что нетрудно было понять: простоять двое суток в картофельном мешке достаточно утомительное занятие.

— Земля постепенно иссушала мою душу,— продолжала она.— Я не могла больше выносить эту отвратительную организованность, дисциплину, лишения, «холодную войну», «горячую войну»... Мне так хотелось беззаботно смеяться, бегать по зеленым лугам, бесцельно бродить по тенистым лесам, распевать песни...

— Но почему вы остановили свой выбор на мне?

— Просто потому, что вы отправлялись на поиски свободы,— сказала она.— Но я уйду, раз вы настаиваете...

Принимая во внимание наше местоположение, это было довольно абсурдное заявление. А тратить горючее на обратный путь я просто не имел возможности.

— Вы можете остаться,— великодушно сказал я.

— Благодарю вас,— проговорила она с чувством.— Я вижу, что вы действительно меня поняли!

— Да, да, конечно,— сказал я.— Но нам надо сначала кое о чем договориться. Во-первых...

Но она с доверчивой улыбкой на губах уже спала на моей койке.

Я немедленно исследовал содержимое ее сумочки. Я обнаружил пять видов губной помады, пудреницу, флакон духов «Венера V», томик стихов в бумажном переплете и значок с надписью «Особый Агент ФБР».

Разумеется, это не было для меня неожиданностью: только Шпионы говорят так, как говорила она.

Что ж, я был даже слегка тронут столь далеко простирающейся заботой моего правительства. Во всяком случае, мне уже не было так одиноко в Космосе.

Наш корабль рассекал глубины Американского Космоса. Работая по пятнадцать часов в сутки, я кое-как справлялся с рычагами управления и довольно успешно предотвращал перегрев атомного котла и расползание швов корпуса. Мэвис О'Дэй — так звали моего Шпиона — готовила пищу, выполняла несложные обязанности по хозяйству и рассовывала по углам небольшие фотоаппараты. Наш звездолет содрогался от их жужжания, но я делал вид, что ничего не замечаю.

Между тем, невзирая на создавшееся положение, мои взаимоотношения с мисс О'Дэй могли бы удовлетворить любого моралиста.

Наше путешествие проходило вполне благополучно, я бы даже сказал, счастливо, когда произошло следующее событие.

Я мирно дремал за пультом управления, как вдруг ослепительный свет вспыхнул справа по носу корабля. Я невольно подался назад и сбил при этом с ног Мэвис, вставлявшую новую пленку в фотоаппарат № 3.

— Простите, ради бога,— сказал я.

— Пожалуйста,— ответила она.

Я помог ей подняться на ноги. На мгновение это прелестное существо оказалось совсем близко от меня, дразнящий запах «Венеры V» щекотал мои ноздри, и мое сердце забилось с устрашающей силой.

— Вы не находите, что могли бы уже отпустить меня? — спросила она.

— Да, да, конечно,— проговорил я, продолжая прижимать ее к себе. Остатки самообладания покинули меня:— Мэвис, мы познакомились с вами совсем недавно, но...

— Ну, Билл?— сказала она.

В головокружительном ослеплении я совсем забыл о характере наших взаимоотношений — взаимоотношений Подозреваемого и Шпиона. Трудно сказать, что я мог бы наговорить, но как раз в это мгновение вторая вспышка появилась прямо у самого корабля.

Я выпустил Мэвис и бросился к рычагам управления. Остановив звездолет, я выглянул наружу.

Там, в бескрайних просторах Космоса, я увидел одинокий кусок гранита. На нем сидел мальчик в скафандре. В одной руке он сжимал коробку с сигнальными ракетами, в другой — собаку, тоже одетую в скафандр.

Мы быстро втащили его в звездолет.

— Моя собака...— сказал он.

— Не беспокойся о ней, детка,— ответил я.

— Ради бога, простите, что я ворвался к вам прямо так... — начал извиняться мальчик.

— Пустяки,— сказал я.— Но как ты сюда попал?

— Сэр,— начал он дискантом,— мне придется рассказать все с самого начала. Мой отец был летчиком-испытателем космических кораблей и геройски погиб, пытаясь преодолеть световой барьер. Моя мать недавно снова вышла замуж. Ее теперешний муж — высокий, черноволосый человек с узкими хитрыми глазами и поджатыми губами. До последнего времени он работал в отделе мелкой галантереи в большом универсальном магазине. Он невзлюбил меня с самого начала. Мне кажется, своими светлыми вьющимися волоса-

ми, большими продолговатыми глазами и веселым нравом я сильно напоминал ему моего покойного отца. Наша взаимная неприязнь становилась день ото дня все острее и острее. Его затаенная ненависть ко мне то и дело прорывалась в злобных вспышках. Потом умер его дядя — при весьма подозрительных обстоятельствах,— и он унаследовал акции Британского Космоса.

В связи с этим мы отправились в путь на нашем корабле. Как только мы достигли этой пустынной области, он сказал матери: «Рэчел, мальчишка уже достаточно велик, чтобы самому позаботиться о себе». Моя мать ответила: «Дэрк, он ведь еще так молод!»

Но моей мягкосердечной, кроткой матери нечего было противопоставить несгибаемой воле человека, которого я никогда не назову отцом. Он всунул меня в скафандр, вручил мне коробку с сигнальными ракетами, натянул на Фликера его маленький скафандрик и сказал: «В наше время мальчик твоих лет вполне может обойтись без посторонней помощи в Космосе». «Но, сэр, — сказал я,— ведь здесь на расстоянии двухсот световых лет от Земли нет ни одной планеты!» «У тебя будет великолепный случай в этом убедиться»,— усмехнулся он и швырнул меня на этот кусок гранита.

Мальчик остановился, чтобы перевести дыхание, а его пес Фликер поднял на меня свои влажные продолговатые глаза. Я дал собаке размоченный в молоке хлеб, а мальчику — сэндвич с арахисовым маслом. Затем Мэвис отнесла его в комнату, где стояли наши койки, и бережно уложила спать.

Я вернулся к управлению, привел в движение звездолет и включил аппарат внутренней связи.

— Да проснись же ты, болван несчастный! — услышал я голос Мэвис.

— Не мешайте мне спать,— говорил мальчик.

— Проснись, тебе говорят! Отвечай сейчас же, зачем это им в Комиссии Конгресса по Расследованию понадобилось посылать тебя сюда? Или они не знают, что этим случаем занимается ФБР?

— Его перевели в категорию 10-F,— сказал мальчик,— и теперь ему полагается постоянное наблюдение.

— Но ведь здесь нахожусь я! — воскликнула Мэвис.

— Да, но вы далеко не блестяще справились с вашим предыдущим заданием,— сказал мальчик.— Простите меня, мисс, но интересы Безопасности прежде всего.

— Так они решили прислать тебя,— уже рыдая, проговорила Мэвис,— тебя, двенадцатилетнего ребенка?..

— Мне уже исполняется тринадцать через семь месяцев.

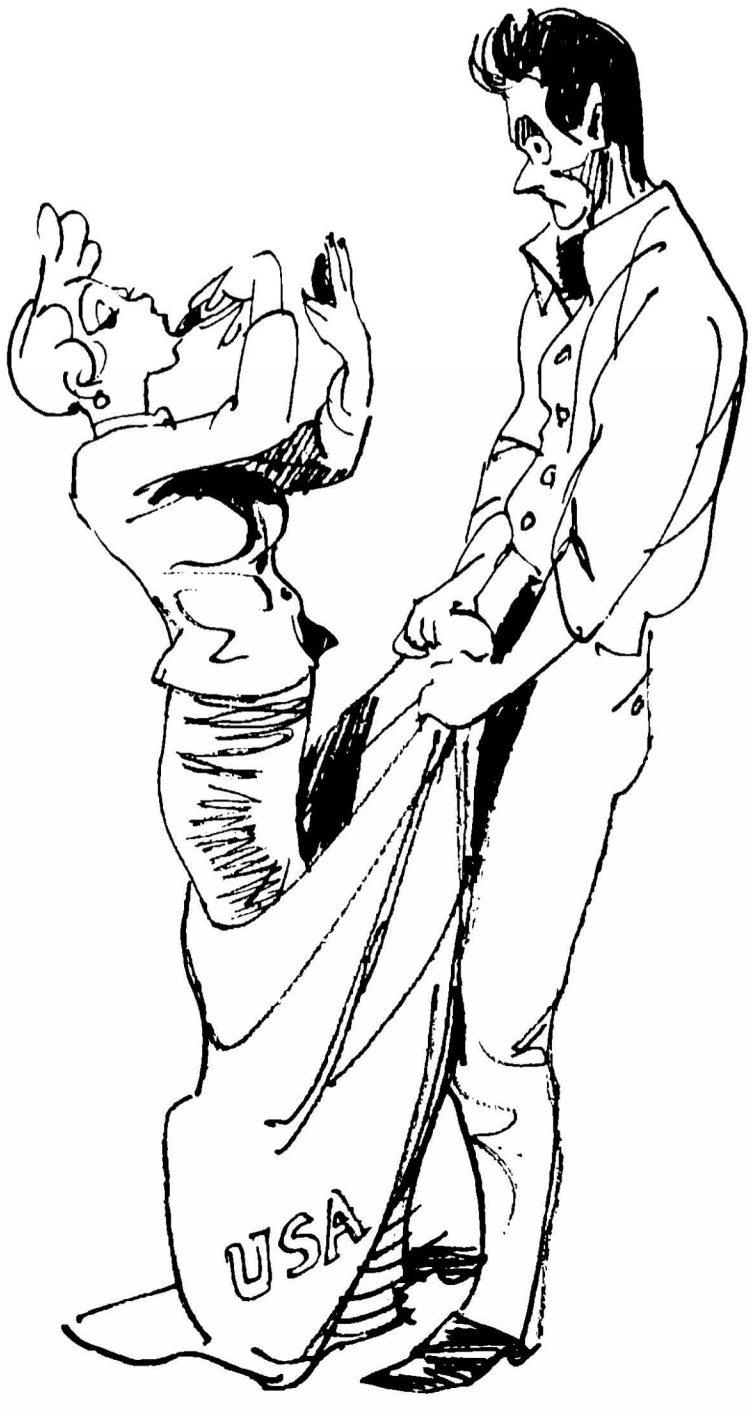
— Да, да, двенадцатилетнего ребенка! А я-то так старалась! Я училась, читала книги, занималась на вечерних курсах, ходила на лекции...

— Тяжелый случай,— с сочувствием сказал мальчик.— Что касается меня, то моя мечта — стать летчиком-испытателем звездолетов. В моем возрасте это единственная возможность налетать часы. А как вы думаете, он даст мне управлять кораблем?

Я выключил аппарат. Что ж, я мог гордиться: за мной вели постоянное наблюдение сразу два Шпиона. А это означало, что я представлял из себя кое-что, кое-что, требующее постоянного надзора.

Но к чему обманывать себя? Мои Шпионы — всего только неопытная девушка да двенадцатилетний ребенок. Для меня у них, естественно, не нашлось ничего другого!

Итак, мое правительство продолжало меня игнорировать.



Мы благополучно проделали конец путешествия. Юный Рой, так звали мальчика, взял на себя управление звездолетом, и его пес Фликер с деловым видом восседал рядом. Мэвис продолжала заниматься приготовлением пищи и другими домашними делами. Я проводил время за починкой швов. Вряд ли вам удалось бы найти второе такое же счастливое сочетание Подозреваемого и Шпионов, каким были мы.

Мы отыскали необитаемую планету земного типа. Она понравилась Мэвис своими небольшими размерами и уютным видом, зелеными лугами и сумрачными лесами, как раз такими, о каких она читала в своих стихах. Юному Рою пришлись по душе прозрачные озера и горы, по своей высоте вполне доступные мальчику его лет.

Мы приземлились, если можно так выразиться, и стали устраиваться.

Юный Рой проявил необычайный интерес к домашним животным, которых я привез с собой в холодильнике и теперь оживил. Он тут же возвел себя в чин Главного Стража коров и лошадей, Верховного Покровителя уток и гусей и Шефа над курами и свиньями. Новые обязанности отнимали столько времени, что его донесения в Сенат стали поступать все реже и реже, а вскоре и совсем прекратились.

Согласитесь, что от Шпиона его возраста трудно было ожидать чего-либо иного.

Я установил парники и засеял несколько акров, после чего мы с Мэвис стали совершать длительные прогулки по сумрачным лесам и зеленым лугам. Однажды мы устроили пикник и расположились со своим завтраком неподалеку от маленького водопада. Распущенные волосы легко ниспадали по плечам Мэвис, а ее голубые глаза смотрели на меня смутно зачарованным взглядом. При этом она выглядела до того не шпионоподобной, что я вынужден был снова и снова напоминать себе о том положении, в котором мы находились.

— Билл,— немного погодя, сказала она.

— Что? — спросил я.

— Нет, ничего.— Ее пальцы настойчиво теребили травинку.

Я не мог взять в толк, что она хотела сказать. Но ее рука оказалась рядом с моей. Наши пальцы встретились...

Молчание длилось несколько минут. Никогда в жизни я не был так счастлив.

— Билл?

— Да?

— Билл, дорогой, если бы вы только могли...

Я никогда не узнаю, что она собиралась сказать и что бы я ей ответил, потому что в это мгновение оглушительный рев мотора разорвал тишину: прямо на нас с неба стремительно опускался звездолет!

Пилот Эд Уоллес оказался седовласым стариком в замызганном плаще и низко надвинутой на глаза шляпе. Он отрекомендовался агентом фирмы Гидроочист, занимающейся хлорированием воды в межпланетном масштабе. Поскольку мне не требовались его услуги, он извинился и тут же собрался нас покинуть, чему, однако, не суждено было случиться. Его мотор сделал один оборот и решительно заглох.

Я осмотрел двигатель и обнаружил, что одна из сфинкс-электронных ламп вышла из строя. Чтобы сделать новую ручным способом, мне потребовалось бы не меньше месяца.

— Ах, как это ужасно! — пробормотал он.— Кажется, мне придется остаться у вас.

— Представьте, мне тоже так кажется,— ответил я.

Его взгляд, устремленный на звездолет, выражал тягостное недоумение.

— Ума не приложу, как это могло случиться,— сказал он.

— Действительно непонятно. Не могла же она выйти из строя только от того, что вы распилили ее ножовкой? — бросил я, уходя: при осмотре от меня не укрылись весьма недвусмысленные следы пилки.

Мистер Уоллес сделал вид, что не слышал моих слов.

В этот вечер я подслушал его рапорт по межпланетному радио, которое, кстати, функционировало безотказно. Местом его службы почему-то оказался не Гидроочист, а Центральное Разведывательное Бюро.

Из мистера Уоллеса получился отличный огородник, несмотря на то, что он большей частью шнырял вокруг с блокнотом и фотоаппаратом в руках. Его присутствие побуждало юного Роя ревностнее относиться к своим обязанностям. Как-то сами собой прекратились наши с Мэвис прогулки по тенистым лесам, и все не представлялся случай вернуться в зеленые луга, договорить недосказанные слова.

Наш маленький поселок между тем процветал. Вскоре начали прибывать новые гости. Сначала к нам опустилась супружеская чета из Областного Разведывательного Бюро, представившаяся в качестве сезонных сборщиков фруктов.

За ними последовали две девушки-фотографа, тайные представители Исполнительного Информационного Бюро, а затем появился молодой репортер, в действительности посланец Айдахского Совета по Охране Межпланетной Морали.

К моменту отлета у всех неизменно выходила из строя сфинкс-электронная лампа.

Я не знал, радоваться мне или горевать. За мной одним следило полдюжины Шпионов. Но — увы! — все они были далеко не первый сорт. После нескольких недель пребывания на моей планете каждый из них с головой погружался в сельскохозяйственные заботы и забрасывал свои основные обязанности.

Я пережил немало горьких минут. Мне представлялось, что меня рассматривают как своего рода учебное пособие для новичков, нечто, на чем они набивают руку. Меня использовали в качестве Подозреваемого для слишком старых или слишком молодых, для неспособных, безответственных или просто никуда не годных Шпионов. Я казался себе немаловажным звеном в осуществлении широкой программы охвата пенсионеров общественно полезным трудом.

Но должен признаться, что все это в общем мало беспокоило меня. Я занимал солидное, хотя и не вполне поддающееся определению положение. Я чувствовал себя счастливее, чем когда-либо на Земле, а мои Шпионы оказались приятными и уживчивыми людьми.

Наша маленькая колония жила спокойно и счастливо, и мне не приходило в голову, что что-либо может нарушить безмятежный ход этой жизни.

Но одной роковой ночью необычайное волнение поднялось среди моих Шпионов. Казалось, какое-то важное сообщение поступило к нам. Все приемники лихорадочно работали, и я вынужден был попросить нескольких Шпионов перейти на совместное их использование, дабы предотвратить сгорание моих генераторов.

Затем Шпионы выключили приемники и стали совещаться. Их взволнованный шепот не давал мне уснуть почти до рассвета. Утром я нашел их всех в гостиной с мрачными, вытянутыми физиономиями. Мэвис заговорила первой.

— Произошло ужасное несчастье,— обратилась она ко мне.— Но вначале, Билл, мы должны открыть вам одну тайну. Мы совсем не те, за кого себя выдаем. Мы все правительственные Шпионы.

— Не может быть! — сказал я (мне не хотелось оскорблять их самолюбия).

— Увы, это правда, – сказала она.— Мы шпионили за вами, Билл.

— Не может быть,— повторил я.— Неужели даже вы, Мэвис?

— Даже я... — проговорила она с несчастным видом.

— Но теперь все кончено,— выпалил юный Рой.

Я вздрогнул.

— Что случилось? — спросил я.

Они переглянулись. Тогда мистер Уоллес сказал, нервно теребя мозолистыми руками поля своей шляпы:

— Билл, при недавней проверке выяснилось, что этот участок Космоса не является собственностью Соединенных Штатов!

— Чей же он в таком случае? — спросил я.

— Спокойствие, Билл! — проговорила Мэвис.— Постарайтесь понять. Весь этот сектор был ошибочно опущен при международном разделе Космоса, так что любая страна может заявить на него свои права. А так как вы заняли его первым, то теперь весь этот участок Космоса в несколько миллионов квадратных миль принадлежит вам.

Потрясенный, я не мог произнести ни слова.

— И таким образом,—продолжала Мэвис,— наши полномочия больше недействительны, и мы немедленно улетаем.

— Но как же вы сможете улететь? — воскликнул я.— Ведь я же не заменил вам испорченные сфинкс-лампы?

— У нас у всех есть запасные лампы,— сказала она мягко.

Наблюдая, как они брели к своим звездолетам, я мысленно рисовал себе ожидавшее меня одиночество. Никогда больше не ощущать мне на себе бдительного ока моего правительства. По вечерам я уже не услышу за собой шагов, не обернусь и не увижу сосредоточенное лицо Шпиона позади. Никогда больше уютное жужжание старой фотокамеры не скрасит моих дневных трудов. Никогда больше шипение неисправного магнитофона не убаюкает меня на сон грядущий.

И все-таки их участь была еще печальней. Эти бедняги, эти старательные, нескладные, бездарные Шпионы возвращались в энергичный и стремительный мир конкуренции. Где еще найдут они такого Подозреваемого, как я, и такое спокойное место, как моя планета?!

— Прощайте, Билл,— сказала Мэвис.

И только когда я увидел, как она направляется к звездолету мистера Уоллеса, я вдруг осознал, что она уже больше не мой Шпион.

— Мэвис!— воскликнул я и бросился за ней.

Она быстро шла к звездолету. Я схватил ее за руку.

— Подождите, Мэвис... Я давно хотел сказать вам... еще тогда, в звездолете... и потом на пикнике...

Она попыталась вырваться от меня. И тогда каким-то скрипучим и отнюдь не романтичным голосом я проговорил:

— Я люблю вас, Мэвис!

Она оказалась в моих объятиях. Мы поцеловались, и я сказал ей, что ее дом здесь, на этой планете, с тенистыми лесами и зелеными лугами. Да, здесь и со мной! От счастья она не могла проговорить ни слова.

Когда юный Рой узнал, что Мэвис остается, он тоже решил не улетать. Овощи мистера Уоллеса как раз начали созревать, и ему так хотелось самому присмотреть за ними! Тут у каждого нашлись какие-то дела, которые никак нельзя было бросить на произвол судьбы.

И в результате я король, повелитель, диктатор, президент, одним словом, любое лицо, каким мне вздумается себя назвать. Ко мне пачками стали прибывать Шпионы из всех стран, не говоря уж об Америке. Вероятно, я буду вынужден вскоре начать ввозить продукты питания, чтобы прокормить всех моих подданных. Однако другие правители начинают проявлять нежелание сотрудничать со мной. Они уверены, что я подкупом переманиваю их Шпионов.

Но, богом клянусь, это неправда! Их Шпионы приходят ко мне сами!

Мое мягкосердечие не позволяет мне прогнать их, и я не могу выйти в отставку, поскольку планета — моя собственность. Одним словом, голова идет кругом от всех этих осложнений.

Вы, возможно, думаете, что если все мое население состоит из бывших правительственных Шпионов, мне ничего не стоит сформировать свое собственное правительство. Ничего похожего! Они совершенно не поддаются организации. Они и слышать не хотят об этом. Я являюсь абсолютным повелителем планеты фермеров, доярок, пастухов и скотоводов, так что, по-видимому, голод мне все-таки не угрожает. Но дело совсем не в этом. Дело вот в чем: как, черт возьми, я должен управлять планетой, когда ни один из этих людей не хочет шпионить для меня?

Перевели с английского
Н. и Л. КОЛЕСНИКОВЫ.

Фантастический рассказ

Филип К. ДИК

Филип К. Дик — молодой американский писатель, выступающий в научно-фантастическом жанре. Печатаемый здесь рассказ помещен в третьем сборнике «Star science fiction stories».

Фостер, ты мертв!

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Как всегда, Майк Фостер чувствовал себя в школе ужасно. Но сегодня было еще мучительнее, чем обычно. Кончив плести две водонепроницаемые корзинки, мальчик выпрямился. На грея, светило предвечернее солнце. Осенний воздух был живителен. Листва на холмах отливала яркой зеленью и золотом. В небе над городом лениво кружили патрульные самолеты.

К парте в зловещем молчании приблизилась необъятная фигура учительницы миссис Каммингс.

— Ты кончил, Фостер?— спросила она.

— Да, мэм, — с готовностью ответил он, придвинув ей корзины.— Мне можно уйти?

Миссис Каммингс придирчиво осмотрела работу.

— А как насчет капкана?— требовательно спросила она. Мальчик пошарил в парте и достал сложный капкан для мелких животных.

— Готов, миссис Каммингс,— сказал он,— и ножик я тоже закончил.

Он показал ей сверкающее и острое, как бритва, лезвие. Нож он изготовил из старой бочки из-под бензина. Учительница взяла нож и натренированным пальцем с сомнением провела вдоль лезвия.

— Лезвие слабовато,—заявила она.— Ты его заточил слишком остро. Край отломится, как только ты попытаешься им работать. Спустись-ка в главную оружейную лабораторию и посмотри на ножи, выставленные там. Затупи его на камне и лезвие сделай потолще.

— Миссис Каммингс,— взмолился Майк Фостер,— можно мне это сделать завтра? Можно не сейчас?

Но миссис Каммингс была неумолима.

— Завтра,— прогремела она,— надо заниматься окапыванием. У тебя на нож времени не останется.

— Останется,— постарался он ее убедить,— после окапывания.

— У тебя с окапыванием не очень-то хорошо.— Старушка поглядывала на худенькие руки и ноги мальчика.— По-моему, тебе следует закончить нож сегодня. А завтра ты проведешь весь день в поле.

— Что толку в окапывании? — воскликнул Майк Фостер в отчаянии.

— Все должны владеть лопатой,— терпеливо объяснила миссис Каммингс.

Со всех сторон раздавалось хихиканье. Сердитый взгляд учительницы заставил детей притихнуть.

— Всем понятно значение окапывания? Когда начнется война, вся земная поверхность будет усеяна обломками и камнями. Чтобы выжить, надо поглубже зарыться в землю, не так ли? Случалось ли кому-нибудь видеть, как подкапывается под корни суслик? Зверек знает, что под землей он найдет для себя что-нибудь полезное. Все мы превратимся в маленьких коричневых сусликов. Нам надо учиться копаться в обломках, чтобы находить необходимые вещи, которые будут именно там.

Майк Фостер сидел с несчастным видом, пробуя пальцем нож. А миссис Каммингс, отойдя от него, пошла вдоль парт. Кое у кого из детей были на лицах ухмылки, но Майк был в отчаянии и ничего не видел. Окапывание ему не поможет. Когда обрушатся бомбы, он будет немедленно убит. Все сделанные ему прививки — в руки, бедра и ягодицы — ни к чему. Он растратил свои карманные деньги попусту: Майка Фостера уже не будет в живых, когда на мир обрушится бедствие бактериологической войны. Во всяком случае, если не... Он вскочил и последовал за миссис Каммингс к ее столу. В отчаянии он выпалил:

— Разрешите мне уйти. Мне нужно кое-что сделать.

Миссис Каммингс устала, она зло сжала губы. Но полные страха глаза мальчика помешали ей высказаться.

— Что случилось? — спросила она.— Тебе нехорошо?

Мальчик застыл на месте. Он не мог ответить.

Довольные представлением дети шептались и хихикали. Миссис Каммингс сердито постучала карандашом по столу.

— Тише! — крикнула она. Голос ее слегка смягчился.— Майк, у тебя функции не в порядке. Спустись на первый этаж в психоклинику. Работать бесполезно, когда реакции нарушены. Мисс Гровс будет рада привести тебя в оптимальное состояние.

— Нет,— сказал Фостер.

— В чем же тогда дело?

Класс пришел в движение. Кто-то пытался ответить за Фостера. От унижения и стыда у него отнялся язык.

— Его отец — антиоборонец, — объяснили дети.

— У них нет убежища. Кроме того, он не записался в гражданскую оборону. Его отец даже не пожертвовал на патрульные самолеты. Они вообще от всего уклоняются.

Миссис Каммингс в удивлении подняла глаза на онемевшего мальчика.

— У вас нет убежища?

Он отрицательно покачал головой.

Женщину наполнило странное чувство.

— Но... — начала она. Учительница хотела сказать: «Но здесь, наверху, вы все погибнете». Однако она только сказала: — Куда же вы пойдете?

— А никуда,— ответили за него тихие голоса.— Все укроются в своих убежищах, а он будет здесь, наверху. У него даже нет пропуска в школьное убежище.

Миссис Каммингс была потрясена. Ее вялый учительский ум не допускал мысли, чтобы кто-либо из школьников не имел пропуска в хорошо оборудованные подземные помещения под школой. Но, конечно, это было не так. Пропуск выдавался только тем детям, родители которых участвовали в гражданской обороне и жертвовали на вооружение населения. А если отец Фостера был антиоборонцем...

— Он боится сидеть здесь,— спокойно и дружно говорили дети.

— Он трусит, что налет произойдет, когда он будет здесь, а все будут сидеть в безопасности в убежище.

...Майк шел медленно, глубоко засунув руки в карманы. По пути он ногой отбрасывал темные камешки, лежавшие на тротуаре.

Солнце уже садилось. Тупоносые ракеты пригородного сообщения выгружали усталых людей, которые рады были вернуться к дому, находящемуся в ста милях к западу от заводской взлетной полосы. Что-то блеснуло на дальних холмах: это была радиолокационная башня, бесшумно вращавшаяся в вечернем мраке. Патрульные самолеты продолжали кружиться над головой. Число их увеличилось. Наступало самое опасное время — часы вечерних сумерек. Визуальные наблюдатели могли не заметить скоростные снаряды, летящие на малой высоте. Если только эти снаряды прилетят.

Проходя мимо, он слышал возбужденные выкрики механической радиогазеты. Война, смерть, удивительное новое оружие, созданное здесь и за границей. Он сгорбился и продолжал идти мимо маленьких железобетонных скорлупок-жилищ. Все они походили друг на друга, как капли воды. Это были сверхпрочные доты. Впереди, в сгущающихся сумерках, светились яркие неоновые вывески: здесь был деловой район с большим движением и толпами людей на улицах.

За полквартала от большой и яркой неоновой рекламы он остановился. Справа от него находилось общественное убежище. Вход в него был в виде тоннеля со слабо освещенным турникетом-автоматом. Плата за вход — пятьдесят центов. Если он окажется на этой улице с пятьюдесятью центами, он спасен. Он частенько проталкивался в общественные убежища во время учебных тревог. Но бывали случаи, когда у него не было пятидесяти центов. Это были страшные случаи, похожие на ночные кошмары, которые постоянно преследовали его. Тогда он стоял, объятый немым ужасом. А люди тем временем яростно пробивались мимо него. Пронзительный вой сирен доносился отовсюду.

Он не спеша продолжал свой путь. Дойдя до огромных, залитых ярчайшим светом де-

монстрационных залов фирмы «Дженерал электроникс», он остановился. Залы занимали два квартала и освещались со всех сторон. Они представляли собой огромный прямоугольник, озаряемый разноцветными огнями. Стоя у витрины, он в миллионный раз изучал выставленные там поразительные вещи, вид которых всякий раз словно гипнотизировал его, заставляя останавливаться.

В центре огромного зала был выставлен единственный предмет — чрезвычайно сложная машина, представляющая собой пульсирующий шар в сочетании с подпорками, балками, стенами и герметическими шлюзами. Все прожекторы были наведены на нее. Огромные рекламы провозглашали сто одно достоинство этой машины, как будто кто-то мог в них сомневаться:

«Поступило в продажу новейшее антирадиационное подземное убежище образца 1972 года!

Изучите отмеченные звездочками особенности:

* автоматический лифт для спуска, гарантированный от перекосов, действующий от автономного питания, легко запирающийся;
* трехслойный корпус с гарантией выдерживает пятикратное перенапряжение без деформации;
* отопительная и охладительная системы, работающие на атомной энергии; автоматическая система очистки воздуха;
* трехступенчатая система дезактивации продовольствия и воды;
* четырехступенчатая система обработки предожогового поражения организма;
* система полной обработки антибиотиками;
* льготные условия уплаты».

Он долго не мог оторвать свой взгляд от убежища. Больше всего оно напоминало огромный танк с трубообразной спускной шахтой у одного конца и аварийным люком для выхода с другого конца. Убежище было рассчитано на полную автономность. Это был как бы мир в миниатюре: с собственным агрегатом освещения и отопления, со своим запасом воздуха, воды, медикаментов и почти что неистощимыми запасами продовольствия. В нем было все необходимое и даже больше. Находясь в нем, семья была в безопасности, не испытывая никаких неудобств в условиях самого ужасного водородного или бактериологического нападения.

Цена — двадцать тысяч долларов.

Пока он созерцал в молчании эту внушительную выставку, один из продавцов вышел из магазина в темноту улицы, чтобы пойти в кафетерий.

— Ну что, сынок, — машинально сказал он, проходя мимо Майка Фостера, — неплохое убежище?

— Можно заглянуть внутрь? — быстро спросил Фостер. — Можно мне спуститься вниз?

Узнав мальчика, продавец остановился.

— Так ты тот самый,— сказал он, медленно выговаривая слова, — тот чертенок, который постоянно нам надоедает?

— Мне бы хотелось спуститься внутрь всего лишь на несколько минут. Честное слово, я ничего не сломаю. Я даже ни к чему не прикоснусь.

Продавец — молодой красавец-блондин немногим старше двадцати лет — колебался в раздумье. Парнишка привязался, как репей. Но у него были отец и мать, а это обстоятельство делало возможной продажу. Дела шли из рук вон плохо. Наступил конец сентября, и сезон кризиса еще не прошел. От того, что скажешь мальчику: «Не мозоль мне глаза», — ничего не прибудет. Однако, с другой стороны, от того, что всякая мелюзга будет ползать по товару, тоже пользы никакой.

— Нельзя! — произнес наконец продавец.— Пришли своего старика сюда. Видел он нашу выставку?

— Видел,— выдавил из себя Майк Фостер.

— Что же ему мешает? — Продавец широко взмахнул рукой в сторону сверкающего образца.— Мы на хороших условиях купим у него старое убежище с учетом амортизации и устарелой конструкции. Какого года у вас убежище?

— У нас вообще нет убежища,— ответил Майк Фостер.

Продавец заморгал.

— Может, зайдешь в другой раз?

— Отец говорит, что это пустая трата денег. Он говорит, что они пытаются запугать людей, чтобы те покупали ненужные им вещи. Он говорит...

— Твой отец — антиоборонец?

— Да,— с грустью ответил Майк Фостер.

Продавец тяжело вздохнул.

— Ладно, малыш. Жаль, что мы не можем иметь с тобой дело. Не ты виноват в этом.— Продавец немного замешкался.— А что стряслось с твоим отцом? Он что, жертвует только на патрульные самолеты?

— Нет!

Продавец шепотом выругался. Этот тип — просто заяц, ездящий за счет других. Он вне опасности, поскольку остальные члены общества жертвуют 30 процентов своих доходов на содержание постоянно действующей машины обороны. Такие субъекты встречаются в любом городе.

Майк Фостер не мог больше сдерживаться.

— Неужели нельзя спуститься туда хотя бы на минутку? Я ничего не сломаю. Только разок!

— А кто будет покупать наши изделия, если мы будем разрешать детям лазить по ним? Это не демонстрационная модель. Нам каждый раз слишком дорого обходится такая затея.

Однако у продавца пробудилось любопытство.

— Как это можно стать антиоборонцем? Он что, всегда придерживался этих взглядов или его кто-то укусил?

— Он говорит, что они продали людям столько автомобилей, стиральных машин и телевизоров, сколько те могли купить. Он говорит, что от патрульных самолетов и бомбоубежищ мало проку, поэтому люди никогда не будут покупать их столько, сколько могли бы. Он говорит, что заводы могут без конца выпускать пушки и противогазы и, пока люди будут жить в страхе, они будут платить за них. Ведь они думают, что если перестанут платить, то рискуют быть убитыми. Человеку может надоесть покупать каждый год новый автомобиль, но он никогда не перестанет покупать убежища, так как будет бояться за жизнь своих детей.

— А ты в это веришь? — спросил продавец.

— Как я хотел бы, чтобы у нас было вот такое убежище! — ответил Майк Фостер.— Я спал бы в нем каждую ночь.

— Может, и войны никакой не будет,— сказал продавец. Чутье подсказало ему, что мальчик несчастен и полон страха, и он добродушно улыбнулся ему с высоты своего роста.— Нельзя постоянно тревожиться. Ты, наверно, слишком часто смотришь видеоленты. Больше бывай на воздухе и играй.

— Наверху никто не может считать себя в безопасности,— сказал Майк Фостер.— Для этого надо спускаться под землю. А мне некуда спуститься.

— Уговори своего старика зайти к нам, — пробормотал продавец с чувством неловкости.— Может, мы сможем уговорить его купить убежище. Скажи, чтоб он спросил Билла О'Нилла. Ладно?

Майк Фостер пошел прочь от магазина в темноту вечерней улицы. Он знал, что ему уже следовало быть дома, но ноги едва несли его тяжелое, бесчувственное тело. Утомленный, он вспомнил слова преподавателя физкультуры, сказанные за день до этого на уроке. Класс упражнялся в задерживании дыхания во время бега. У Майка не клеилось: его соученики, покраснев от натуги, все еще бежали, удерживая воздух в легких, а он остановился, сделал выдох и стал судорожно глотать воздух.

— Фостер,— сказал тогда со злостью преподаватель,— ты мертв... Знаешь ты это? Если бы это случилось в момент химического нападения...— Горестно покачав головой, он сказал: — Отойди в сторонку и поупражняйся самостоятельно. Если хочешь остаться в живых, добейся лучших результатов.

Но Фостер и не думал остаться в живых. С веранды своего домика Майк увидел, что в гостиной уже горит свет. Оттуда доносился голос отца, голос матери был слышен гораздо слабее. Она была на кухне. Мальчик закрыл дверь и стал снимать пальто.

— Это ты? — спросил отец. Боб Фостер сидел, развалясь в кресле. На коленях лежало множество лент и отчетов из его розничного мебельного магазина.— Где ты пропадал? Обед ждет тебя целых полчаса.

Отец сидел без пиджака. Рукава его рубашки были засучены, открывая бледные, тонкие, но мускулистые руки. Отец был утомлен. Глаза у него были большие и темные, волосы уже поредели. Он беспокойно перекладывал ленты из одной стопки в другую.

— Извините,— сказал Майк.

Отец внимательно посмотрел на карманные часы.

— Иди вымой руки. Кстати, где ты так задержался? — Он пристально посмотрел на сына.— Что с тобой? Ты не болен?

— Я ходил в деловой квартал,— ответил Майк.

— Что ты там делал? — спросил отец.

— Смотрел последние образцы бомбоубежищ.

Отец в молчаливом негодовании схватил стопку отчетов и стал вкладывать их в папку. Его тонкие губы были сжаты, лоб прорезали глубокие морщины. Он яростно сопел, с трудом нагибаясь, чтобы собрать разлетевшиеся во все стороны ленты. Майк не сделал даже попытки помочь отцу.

Семья ела молча. Казалось, что все были поглощены едой и не замечали друг друга. Наконец отец сказал:

— Что же ты там видел? Все ту же старую рухлядь?

— Там выставлены последние модели 1972 года,— ответил Майк.

— Они ничем не отличаются от моделей 1971 года! — Отец со злостью бросил вилку.— Несколько новых приспособлений, немного больше хрома. Вот и все.

Вдруг он с вызовом обратился к сыну:

— Верно я говорю?

Майк возился с цыпленком под белым соусом.

— У новых моделей,— пояснил он отцу,— незаклинивающийся лифт. Он не застрянет в шахте на полпути. Стоит только войти в лифт, а все остальное делается автоматически.

— На будущий год выпустят лифт, который сам подхватит тебя и спустит в убежище,— сказал отец.— Эта модель устареет, едва она будет продана. Цель тут одна — заставить людей постоянно покупать новые модели убежищ. Они выпускают их одну за другой. Мы еще живем в 1971 году. Почему же продается модель 1972 года? Неужели нельзя подождать?

— Тогда давай купим старую модель,— выпалил Майк.— Мне все равно, какую. Можно даже подержанную.

— Нет, тебе хочется именно новую... Все в ней должно сверкать и блестеть, чтобы соседи были потрясены. В убежище должно быть побольше циферблатов со стрелками, ручек и всякого рода механизмов. Во что же обойдется покупка такой игрушки?

— Двадцать тысяч долларов.

Отец тяжко вздохнул. Всего двадцать тысяч на стол!

— Компания предоставляет льготные условия для покупки в рассрочку.

— Еще бы! — воскликнул отец.— Выплачивать придется до конца жизни. Еще проценты за рассрочку да дополнительные наценки. А на сколько дается гарантия?

— На три месяца.

— Что же будет при поломках? Прекратится подача очищенного, обеззараженного воздуха. Убежище развалится через три месяца.

Майк покачал головой.

— Нет, не развалится. Убежище большое и надежное.

Отец густо покраснел. Сам он был человеком небольшого роста, худым, легким и хрупким. Он вдруг вспомнил весь свой богатый неудачами жизненный путь. Нелегко ему было выбиться в люди. Ему приходилось копить каждый грош, уметь удерживать завоеванное: работу, деньги, розничный мебельный магазин. Начал он бухгалтером в нем, затем стал директором и, наконец, владельцем.

— На нас нагоняют страх, чтобы их дело не остановилось! — в отчаянии прокричал он жене и сыну.— Они боятся новой депрессии.

— Боб! — обратилась к нему жена спокойным и розным голосом.— Пора прекратить эти споры. Это становится невыносимым.

Боб Фостер заморгал.

— О чем ты там говоришь? — пробормотал он.— Я устал. Эти проклятые налоги! Как трудно сейчас мелкому торговцу не разориться! Нам приходится нести такое тяжелое бремя конкуренции с большими универмагами. Нужен какой-то закон.— Голос его постепенно затих.— Пойду прилягу на диван и сосну.

Худое лицо его жены залилось яркой краской.

— Ты все же купишь убежище! Сплетни про нас стали совершенно невыносимыми. Куда бы я ни пошла, что бы я ни делала, повсюду слышу разговоры про нас. Мы последние во всем городе. Все, кроме нас, платят за эти машины, что кружат над головой.

— Нет,— отрезал Боб Фостер,— я не могу купить убежище.

— Почему?

— Потому что у меня нет денег,— прозвучал простой ответ.

Наступило молчание.

— Ты все деньги вложил в этот магазин, — произнесла наконец Руфь.— И, тем не менее, он доходов не дает. Подобно крысе, ты тащишь все в норку. Деревянная мебель уже никому не нужна. Ты превратился в своего рода анахронизм.

Боб Фостер тяжко вздохнул.

— Давайте не ссориться. Пойду-ка я в гостиную, сосну часок — другой. Может, поговорим об этом потом?

— Всегда потом,— с горечью сказала Руфь. Ее муж исчез за дверью гостиной.

Майк встал.

— Пойду готовить уроки,— сказал он и последовал за отцом. На лице его появилось странное выражение.

В гостиной было тихо. Видеоприемник был выключен, лампа висела низко. На кухне Руфь устанавливала контрольные приборы печи для приготовления пищи на будущий месяц. Сняв ботинки, Боб Фостер растянулся на диване. Голова его покоилась на подушке. От утомления его лицо приобрело землистый оттенок. Майк остановился в нерешительности, потом обратился к отцу:

— Можно задать тебе вопрос?

Отец что-то пробурчал, встряхнулся и открыл глаза.

— Что ты сказал? — спросил он.

Майк сидел, глядя ему в лицо.

— Расскажи еще раз, как ты давал советы президенту.

Отец привстал.

— Я президенту никаких советов не давал. Я просто поговорил с ним.

— Расскажи мне про это.

— Я же тебе рассказывал уже миллион раз.

— Как он выглядел? — спросил сын.

— Он выглядел...— начал отец свой рассказ, текст которого он выработал в течение многих лет и запомнил слово в слово,— он выглядел так же, как и теперь на экране видеоприемника. Правда, тогда он был как-то меньше.

— А зачем он сюда приезжал? — с жадным интересом спросил Майк, хотя знал всю историю до малейших подробностей.

Президент был его героем, человеком, которым он восхищался больше всего на свете.

— Президент путешествовал.— В голос отца прокралась горечь.— Он оказался здесь проездом.

— Что же это было за путешествие? — спросил сын.

— Он посещал все города страны.— Жесткие ноты усилились.— Президент интересовался тем, как у нас шли дела. Выяснял, достаточно ли мы купили патрульных истребителей и бомбоубежищ, доз противочумных прививок, противогазов и радиолокационных установок для отражения нападения. «Дженерал электроникс корпорейшн» только открывал свои огромные демонстрационные салоны и выставки, все там блестело, сверкало и было чрезвычайно дорого. Впервые выставлялись средства защиты для отдельных семей.

Губы отца скривились.

— Все эти средства продавались на льготных условиях, в рассрочку. Кругом рекламы, плакаты, прожекторы, бесплатные цветы и закуски для дам.

Майк часто дышал.

— В этот день в городе подняли флаг готовности,— сказал он с завистью.—В этот день он пришел к нам, чтобы вручить нам флаг. Все кричали от восторга. Кругом раздавались приветствия.

— Ты все это помнишь?

— Кажется, да,— сказал Майк.— Помню народ и крики восторга. Была жара. Это было в июне, не так ли?

— Да,— ответил отец,— это случилось 10 июня 1965 года. Это было большим событием. Не многие города получили тогда большой зеленый флаг. Люди все еще покупали автомобили и телевизоры.

— Президент ведь вручил флаг тебе, не так ли? — спросил сын.

— Собственно говоря, он вручил его всем нам, торговцам. Все это было устроено Торговой палатой. Своего рода конкуренция между городами: кто приобретет больше и быстрее. Задача заключалась в том, чтобы благоустроить город и одновременно стимулировать бизнес. Конечно, они тогда так ставили вопрос: если нам приходится покупать противогазы и бомбоубежища, то с ними надо бережно обращаться. Чудно, разве мы когда-либо ломали телефоны или тротуары? Разве мы наносили ущерб автострадам лишь потому, что их строил весь штат? Или взять, к примеру, армии. Они ведь всегда существовали. Разве правительство не всегда организует народ для обороны страны? Я полагаю, что оборона стоит слишком дорого. Возможно, они на нас экономят огромные средства и тем самым уменьшают государственный долг.

— Расскажи, что он тогда сказал,— прошептал Майк.

Отец пошарил в кармане, вынул трубку и дрожащими руками зажег ее.

— Президент тогда сказал: «Вот вам флаг, ребята. Вы сделали большое дело».

Боб Фостер задохнулся, когда едкие клубы дыма попали ему в горло.

— Лицо у президента было красное, но не от смущения, а от загара. Он потел и ухмылялся. Он умел владеть собой. Многих жителей знал по именам. Рассказал смешной анекдот.

Глаза мальчика расширились от благоговейного восторга.

— Он проделал такой долгий путь до нашего города, и ты говорил с ним,— сказал мальчик.

— Да, говорил,—ответил отец.— Кругом все выкрикивали приветствия. Подняли флаг, огромный зеленый флаг готовности.

— И ты сказал...

— Я ему сказал: «И это все, что вы нам привезли? Всего-навсего кусок зеленой материи?»

Боб Фостер непрерывно затягивался.

— Вот тогда-то я и стал антиоборонцем. Только в то время я еще не знал, что это такое. Я понял, что мы предоставлены самим себе. Нас связывал только кусок зеленой материи. Нам бы следовало почувствовать единство всей страны, всего народа — 170-миллионного народа, совместными усилиями готовящегося к обороне. А вместо этого мы представляем собой множество разрозненных городков, крошечных крепостей. Постепенный возврат к средневековью. Каждый городок должен набирать и содержать свою армию...

Боб Фостер с усилием принял сидячее положение. Его обнаженные костлявые руки были белыми. Худое лицо потемнело от утомления и покорности.

— Сколько стоит эта проклятая штука? — спросил он хрипло.— Я имею в виду это бомбоубежище.

Сердце Майка перестало биться.

— Двадцать тысяч долларов, — сказал мальчик.

— Сегодня четверг. Я пойду с тобой и матерью в субботу.

Боб выколотил свою тлеющую трубку.

— Купим его на условиях льготной рассрочки. Скоро в связи с осенью дела должны оживиться. В это время обычно покупают деревянную мебель в качестве рождественских подарков.

Он резко встал с дивана.

— Ну, решено?

Майк не мог говорить, он только кивнул головой.

— Отлично, — сказал отец с отчаянной веселостью. — Теперь тебе больше не надо будет разглядывать его сквозь витрину.

Убежище установили. Это обошлось дополнительно в двести долларов. Установку произвела скоростным методом бригада рабочих, одетых в коричневые спецовки. На спине у каждого надпись: «Дженерал электроникс». Задний двор был приведен в первоначальный вид. Земля и кустарник были возвращены на прежнее место. Поверхность заглажена, и под дверь квартиры почтительно подложили счет. Грузовик, доставивший убежище, прогремел вдоль улицы, и все снова затихло.

Майк Фостер стоял с матерью на заднем крыльце дома в окружении кучки соседей, восхищавшихся убежищем.

— Ну вот, — наконец сказала миссис Карлайл, — теперь и у вас есть убежище, да такое, что лучше и не найдешь.

— Это верно, — согласилась Руфь Фостер.

Она ощущала присутствие людей, сознавала, что находится в обществе; прошло немало времени с тех пор, как у них собиралось столько человек одновременно. Ее изможденное лицо выражало мрачное удовлетворение, почти обиду.

— Сразу чувствуешь себя по-иному, — резко сказала она.

— Да, конечно, — согласился мистер Дуглас, проживавший в конце улицы. — Теперь вам есть где укрыться.— Он поднял толстую книгу инструкций, оставленную рабочими. — Здесь говорится, что убежище может иметь запасы всего необходимого на целый год. Можно жить в нем в течение 12 месяцев, не вылезая. — Он восхищенно покачал головой. — Мое убежище старое, образца 1969 года. Оно годится только на шесть месяцев. Пожалуй бы...

— Для нас сойдет и это, — вмешалась его жена.

Но голос ее выдавал зависть и тоску.

— Можно нам спуститься и осмотреть убежище, Руфь? Ведь оно уже в состоянии готовности?

Майк выдавил из себя какой-то звук и рывками пошел вперед. Мать улыбнулась, поняв его желание.

— Он должен спуститься первым. Он первым осмотрит убежище: оно ведь куплено-то для него.

Осторожно, словно боясь прикоснуться к чему-либо, Майк вошел в шахту. Люк был велик для него. Он был рассчитан на взрослого мужчину. Как только мальчик очутился на полу спускного лифта, лифт стал спускаться и с легким вздохом нырнул по совершенно темной шахте к корпусу убежища.

Свет внизу включился автоматически. Убежище было совершенно пустым и лишенным украшений. Никаких запасов туда еще не поступало. Оно пахло лакокрасками и моторной смазкой: под мальчиком глухо стучали генераторы. С приходом Майка автоматически включилась система очистки и обеззараживания воздуха. Установленные на голой бетонной стене счетчики и циферблаты внезапно ожили.

Мальчик сел на пол и подобрал колени к подбородку. Лицо его было серьезно, глаза широко открыты. Слышны были только генераторы, другие звуки не доходили. Майк готов был остаться здесь навсегда, на вечные времена, не двигаясь с места. Убежище было полностью укомплектовано. Теперь он ни в чем не нуждался и ничего не боялся. Под ним лишь урчали генераторы, вокруг были голые, ничем не украшенные стены.

Вдруг он закричал. Его громкий, торжествующий крик эхом пронесся по помещению, отдаваясь от одной стены к другой. Это эхо оглушило его. Он плотно закрыл глаза, крепко сжал кулаки. Сердце наполнилось радостью.

Школьники обо всем узнали еще до прихода Майка в класс на следующее утро. Они приветствовали его, когда он подходил к школе. Все при этом радостно улыбались и подталкивали друг друга локтями.

— Правда, что твои родители приобрели новое убежище «Дженерал электроникс» модель «С-72»? — спросил Эрл Питерс.

— Правда, — ответил Майк. Его сердце при этом наполнилось спокойной уверенностью, какой он раньше не знал. — Заходите как-нибудь, — сказал он намеренно небрежно, — я вам его покажу. — И он прошел мимо, чувствуя на себе их завистливые взгляды.

— Ну, Майк, — сказала миссис Каммингс в конце дня, когда мальчик уходил домой, — каково у тебя настроение теперь?

Остановившись у стола учительницы, Майк почувствовал прилив застенчивости, но и также спокойной гордости.

— Настроение хорошее, — признался он.

— А твой отец сделал взнос на содержание патрульных истребителей?

— Да, сделал.

— А у тебя есть пропуск в школьное убежище?

Счастливый, он показал учительнице небольшой голубой браслет на запястье.

— Отец почтой послал чек в городской банк на все мероприятия сразу. При этом он сказал, что раз уж он купил убежище, то внесет деньги и за все остальное, — сказал мальчик.

— Теперь у тебя есть все, что и у других школьников, — улыбнулась ему через стол пожилая учительница. — Я рада за тебя. Теперь ты «прооборонец», хотя такого термина не существует. Ты... такой же, как все.

На другой день радиогазеты-автоматы сообщили очередную сенсацию: первое сообщение о новой советской буравящей шрапнели..

Боб Фостер стоял посреди гостиной, держа газетную ленту в руках. Его худое лицо раскраснелось от ярости и отчаяния.

— Проклятие, это настоящий заговор!

Ошеломленный, он буквально в бешенстве выкрикнул эти слова.

— Едва мы успели купить эту штуку, как вот что случилось. Вот смотри! — Он сунул ленту в руки жены. — Я ж тебе говорил, что так оно и будет!

— Я уже видела, — сказала Руфь со злостью. — Неужели ты полагаешь, что весь мир так и стоит на месте ради тебя? Они ведь постоянно совершенствуют оружие, Боб. На прошлой неделе сообщили о хлопьях, проникающих сквозь поры вещества. Теперь речь идет о буравящей шрапнели. Неужели ты думаешь, что они остановят колесо прогресса ради того, что ты наконец уступил и решил купить убежище?

Муж и жена смотрели друг на друга.

— Что теперь делать? — тихо спросил Боб Фостер.

— Я слышала, будто они собираются выпускать адаптеры, — сказала Руфь, идя в кухню.

— Какие там еще адаптеры?

— Чтобы не надо было покупать новые убежища. По видеоэкрану была рекламная передача. Сейчас собираются выпустить на рынок какую-то металлическую решетку. Дело за правительством, которое должно одобрить ее. Решетку кладут на землю, и она перехватывает буравящую дробину. Решетка создает своего рода завесу, которая заставляет дробины взрываться на поверхности, не давая им пробуравливать стены убежища.

— А сколько это будет стоить?

— Цена еще не объявлена.

Майк Фостер, сгорбившись, сидел на диване и слушал разговор родителей. Он узнал обо всем еще в школе. Это было как раз во время урока по распознаванию диких ягод. Они изучали образцы диких ягод в пробирках, чтобы уметь отличить съедобные от ядовитых, как вдруг прозвучал звонок, возвещающий об общем собрании. Директор огласил сообщение о буравящей шрапнели, а затем прочитал очередную лекцию по оказанию неотложной помощи при заражении новыми, недавно выведенными тифозными бациллами.

...Родители еще не кончили спор.

— Придется купить решетку, — спокойно заявила Руфь Фостер. — Если у нас не будет решетки, это все равно, что у нас не будет убежища. Буравящая шрапнель специально предназначена для проникновения сквозь поверхность и самонаведения на тепло. Как только русские приступят к ее массовому производству...

— Куплю решетку! — сказал Боб Фостер. — Куплю решетку против буравящей шрапнели и все, что бы ни выпустили. Куплю все, что имеется в продаже. Буду безостановочно покупать все.

— Зачем впадать в панику?

— Между прочим, эта игра имеет одно бесспорное преимущество перед сбытом автомобилей и телевизоров. Такого рода товары просто приходится покупать. Это не предмет роскоши, это покупается не для того, чтобы поразить соседей чем-то грандиозным и ярким, без чего можно обойтись. От покупки этих предметов зависит сама жизнь, без них мы погибнем. Ведь всегда говорилось: чтобы продавать, следует нагнать на людей страх, внушить им чувство неуверенности — сказать, что от них дурно пахнет или что они смешно выглядят. Но эта затея почище всего предыдущего: никакое средство от пота или для ращения волос с ней не сравнится. Если не купить, то погибнешь. Самый убедительный довод в пользу покупки: покупай или погибай! — таков новый девиз в торговле. Установи у себя во дворе сверкающее, последней модели убежище от водородных бомб фирмы «Дженерал электроникс» или же погибай.

Боб Фостер положил голову на кухонный стол:

— Ладно, сдаюсь, поплыву по течению до конца. Я куплю эту проклятую решетку к рождеству, да и все тоже будут покупать.

Решетчатые адаптеры-завесы фирмы «Дженерал электроникс корпорейшн» произвели сенсацию.

В сумерках Майк Фостер медленно шел по улицам, полным народа. Был декабрьский вечер. В каждой витрине сверкали решетки всевозможных форм и размеров, для всех типов убежищ. Решетки были на любую цену, доступные для любого кошелька. Толпа на улицах была веселая и возбужденная, обычная рождественская толпа: добродушно толкавшие друг друга люди, нагруженные пакетами и одетые в теплые пальто. Воздух был белым от снега, взлетавшего с земли при каждом порыве ветра. Автомобили осторожно пробирались по запруженным улицам. Повсюду сияли огни и неоновые рекламы, сверкали огромные витрины.

Дом Майка был погружен в темноту и молчание. Родители еще не вернулись. И отец и мать работали в магазине. Дела у отца шли плохо, и мать заменяла одного из клерков.

Дома Майк оставался недолго. Сердце его билось от волнения. Он ощупью вышел через заднюю дверь на крыльцо, выходившее во двор.

Каждый день, едва возвратившись домой, он спускался в убежище под землю, скрытый и защищенный в его безмолвном стальном корпусе. Все повторялось, как и в первый день. Только теперь камера была снабжена всем необходимым и не была пустой, как тогда, когда он спустился в нее впервые. В ней было бесчисленное количество консервов, подушек, книг, видеолент, лент звукозаписи, репродукций на стенах, ярких тканей и даже ваз с цветами.

Он проводил два счастливейших часа в убежище в полном одиночестве. После обеда он спешил обратно и оставался там до того часа, когда надо было укладываться спать. Иногда поздно ночью, когда родители давно уже спали, он тихо вставал, украдкой отправлялся к шахте убежища и спускался в тишину глубины. Там он прятался до утра.

Он неуверенно спустился по ступенькам крыльца и замер. Перед ним вырисовывалась огромная зияющая пропасть. В небо глядела широко открытая пустая, беззубая пасть. Больше ничего не было. Убежище исчезло.

Он застыл на месте. Время как бы остановилось. Мальчик ничего не видел. Он стоял неподвижно, тело его утратило гибкость — оно окаменело. Он продолжал глядеть в ог-

ромную яму, в которой когда-то было установлено убежище.

Около него вдруг оказался отец.

— Ты давно здесь? — спросил отец. — Сколько времени ты здесь стоишь, Майк? Ответь мне, сынок!

Сделав огромное усилие, Майку удалось оторваться от ямы и войти в дом.

— Ты рано вернулся, — пробормотал мальчик.

— Я нарочно пораньше ушел из магазина. Мне хотелось быть здесь к твоему приходу, — сказал отец.

— Убежища больше нет.

— Нет его, — сказал отец холодным, безжизненным голосом.— Убежища больше нет. Извини меня, Майк, я позвонил в контору фирмы и попросил, чтобы его взяли.

— Почему? — спросил Майк.

— Я не мог уже выплачивать оставшиеся взносы. На рождество теперь все покупают эти решетки. Я не в состоянии конкурировать с фирмами, торгующими решетками.

На время отец замолчал, а потом продолжал с горечью в голосе:

— Фирма еще порядочно со мной обошлась. Мне вернули половину затраченных денег.— В голосе его прозвучала горькая ирония.— Я знал, что если возвращу убежище до наступления рождества, то фирма не прижмет меня окончательно к стене. Убежище ведь можно перепродать.

Майк молчал.

— Постарайся понять,— сурово продолжал отец.— Вопрос стоял так: или убежище, или магазин. Если бы мы лишились магазина...

— Мы бы лишились всего остального,— закончил мысль мальчик.

Отец схватил Майка за руку.

— Тогда мы все равно лишились бы убежища.— Его тонкие, сильные пальцы судорожно впились в руку сына.— Ты ведь взрослеешь, пора бы понимать. Мы еще купим убежище попозже, возможно, не самое большое и дорогое, но все-таки какое-нибудь купим. Мы совершили ошибку, Майк. Мне оно оказалось не под силу, особенно когда нужно было покупать еще эти чертовы адаптеры. Но я продолжаю платить за патрульные истребители и делаю взносы за твое место в школьном убежище. Это не вопрос принципа,— закончил он свою речь с отчаянием в голосе.— Мне просто не под силу. Тебе понятно, Майк? Я не мог поступить иначе.

Майк высвободил свою руку и пошел к выходу.

— Куда ты? — Отец устремился за мальчиком.

Ответа не было. Пронизывающий ночной ветер поднял вихри снега вокруг него. Ветер и тьма. Больше ничего.

Билл О'Нилл устало посмотрел на стенные часы. Половина десятого. Наконец-то он мог закрыть двери, запереть огромный сверкающий магазин и очутиться в гомоне и толкотне толпы! Люди спешили с работы домой.

— Слава богу! — вздохнул он, открывая дверь, чтобы выпустить последнюю покупательницу — пожилую даму, нагруженную множеством свертков и подарков. Он задвинул код-щеколду и спустил занавес.— Ну и толпа! Никогда у нас не было столько народу.

— На сегодня все,— сказал Эл Коннерс, стоявший у кассы.— Я сосчитаю деньги, а ты обойди помещение и проверь, все ли в порядке. Убедись, что все до одного вышли.

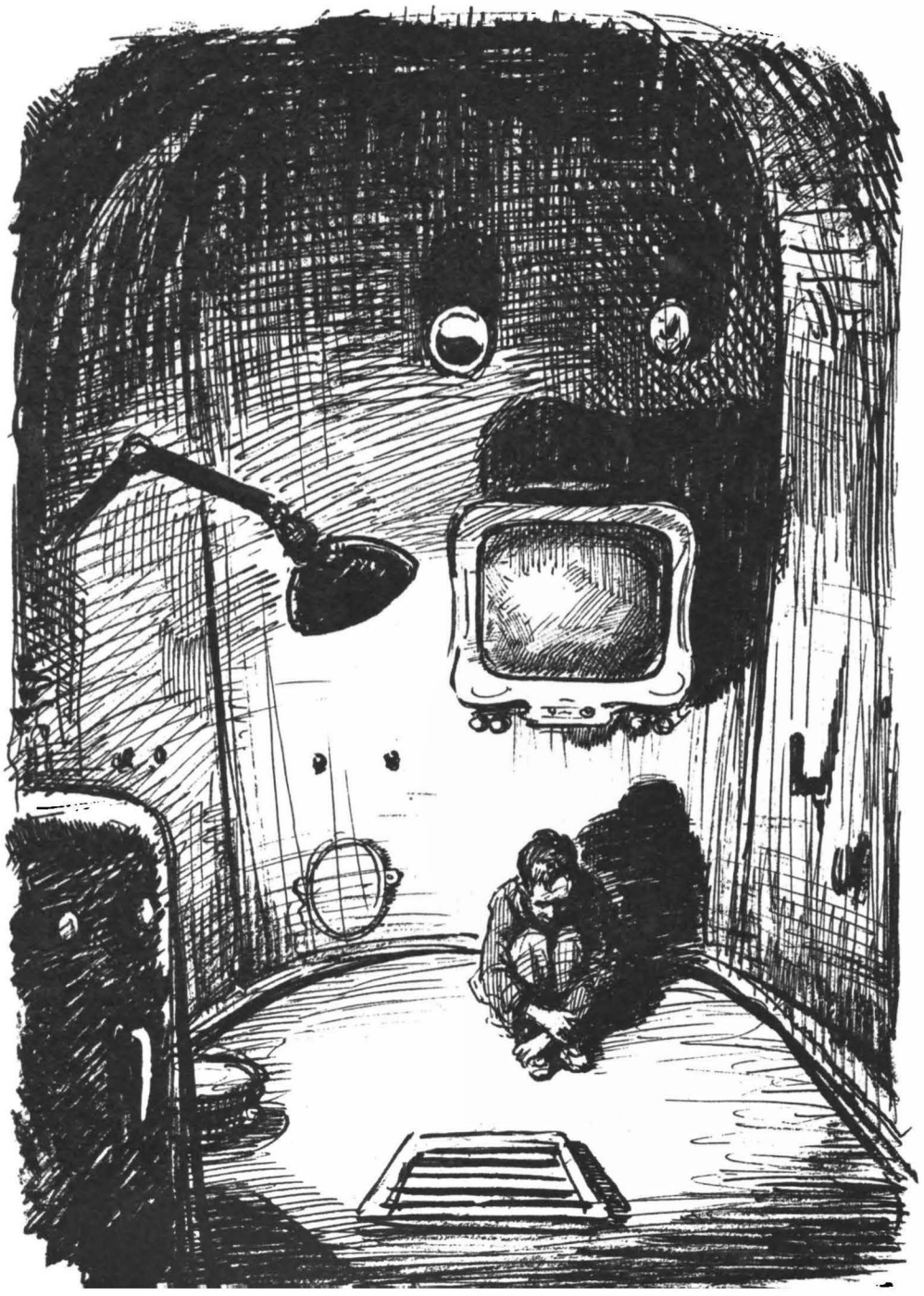
О'Нилл откинул назад свои светлые волосы и сделал галстук посвободней. С чувством удовлетворения он зажег сигарету и стал делать обход, проверяя исправность выключателей. Он выключил внушительные экспонаты и приборы, выпускаемые фирмой «Дженерал электроникс корпорейшн». Наконец он подошел к огромному бомбоубежищу, занимавшему всю центральную часть этажа.

По лестнице он поднялся к шахте и встал на площадку лифта. Лифт опустился с мягким шипением, и секундой позже Билл оказался в пещероподобной камере убежища.

В одном из уголков сидел, сжавшись в комочек, Майк Фостер. Он положил подбородок на колени и обхватил щиколотки худыми руками.

— О, боже! — воскликнул О'Нилл.— Да это же тот самый малец!

Майк молчал. Он еще крепче обнял ноги и глубже погрузил свое лицо в колени.



— Какого черта ты здесь?—спросил О'Нилл. Он был и удивлен и зол одновременно. Его негодование росло.— Кажется, твои родители уже приобрели такое убежище? — Потом он вспомнил: — Совершенно верно, но нам пришлось взять его обратно.

На лифте спустился Эл Коннерс.

— Чего ты там застрял? Давай выберемся отсюда и...— Увидев Майка, он замолк.— Что он здесь делает? Выпроводи его, и пошли по домам.

— Пойдем, мальчик,— ласково сказал О'Нилл.— Пора домой.

Майк не двигался.

Мужчины посмотрели друг на друга.

— Кажется, его придется силой вытаскивать отсюда,— сказал Коннерс мрачно.

Он снял пиджак и бросил его на дезактивирующий прибор.

Потребовались усилия обоих мужчин. Мальчик отчаянно сопротивлялся. Он цеплялся и боролся молча. Царапался, брыкался, бил кулаками, кусался. В мрачном молчании мужчины ловко донесли мальчика до главного выхода, выбросили на улицу и сразу же задвинули дверные болты.

— Уф! — вздохнул Коннерс, опустившись на стул около прилавка.

Рукав у него был порван, на щеке кровоточил глубокий порез, очки висели на одном ухе, волосы были взъерошены. Он был в полном изнеможении.

— Может, позвать полицию? С этим мальчишкой что-то неладное.

О'Нилл стоял у двери, с трудом переводя дыхание и глядя в темноту. Ему был виден сидящий на тротуаре мальчик.

— Он все еще там,— тихо проговорил он.

Люди толкались, обходя мальчика с обеих сторон. Наконец один из них остановился и поднял его на ноги. Мальчик вырвался и исчез в темноте. Мужчина собрал свои свертки, задержался на момент, а затем пошел дальше. О'Нилл отвернулся.

— Что за чертовщина! — проговорил О'Нилл, вытирая лицо носовым платком.— Дал он нам жизни.

— Что с этим мальчишкой? Ведь он ни слова не проронил.

— Рождество — самое неподходящее время для того, чтобы возвращать купленные вещи,— сказал О'Нилл. Дрожащей рукой он взял свое пальто.— А жаль. Я хотел бы, чтобы убежище осталось у них.

Коннерс пожал плечами:

— За прекрасные глаза?

— Почему, черт побери, мы не можем войти в их положение? Ведь можно было бы...— О'Нилл еле выдавил слово.— Ведь можно было бы уступать таким людям убежища по оптовой цене.

Коннерс злобно посмотрел на него.

— По оптовой цене? Тогда все захотят по оптовой цене. Это будет несправедливо. А кроме того, сколько мы при этом продержимся? Сколько «Дженерал электроникс корпорейшн» продержится, ведя дела таким образом?

— Думаю, не очень-то долго,— нехотя согласился О'Нилл.

— Шевели мозгами! — Коннерс отрывисто засмеялся.— Тебе надо выпить чего-нибудь. Пойдем в кладовую, там у меня в шкафу припрятана бутылка виски «Хейг и Хейг». Согреешься перед тем, как идти домой. Выпьешь и сразу почувствуешь себя лучше.

...Майк Фостер бесцельно бродил по темной улице в толпе людей, спешивших с покупками домой. Он ничего не замечал, люди его толкали, но он даже не ощущал их присутствия. Кругом горели огни, раздавался смех, слышались гудки автомобилей и звон сигналов. Майк совершенно отупел, мозг ни на что не реагировал, как у мертвого. Он шел, как автомат, ничего не соображая и не чувствуя.

Справа от него на фоне глубокой ночной темноты мигала ослепительная неоновая вывеска, огромная, яркая и многоцветная:

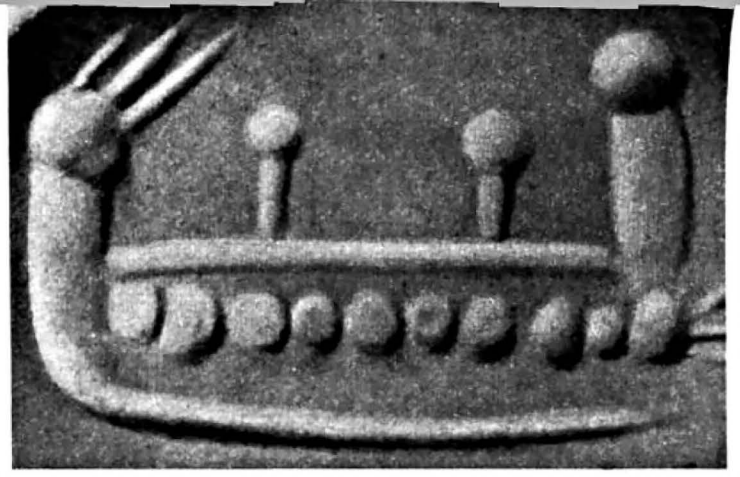
«Да будет мир на земле, да восторжествует добрая воля среди людей!

Общественное убежище. Плата за вход 50 центов».

Перевод с английского
Ю. В. СЕМЕНОВА и В. В. КРИВОЩЕКОВА.

Плита в Баальбекской каменоломне.

Камея с фигурой человека в скафандре



Корабль с реактивными лучами.

Фигуры

ПОБЕСЕДУЕМ, ПОДУМАЕМ, ШЛЕМ И ТЫК

Александр **КАЗАНЦЕВ**

(Нечто совершенно фантастическое)

Ко мне явился герой моего рассказа (да, да, вымышленный персонаж!) и стукнул по столу кулаком.

В своем рассказе «Пришельцы из космоса», напечатанном в журнале «Смена», я описывал его громоздким, чуть лысеющим атлетом в очках с тяжелой оправой. Он рассказывал с легкой иронией о вещах вполне серьезных и безусловно интересных.

Он выложил тогда на стол в салоне теплохода «Победа» два десятка предлюбопытнейших фотографий, которые потом обошли весь мир.

Мой герой был осторожным ученым, хотя в рассказе я и не рискнул присвоить ему ученую степень, назвав просто аспирантом. Но он с подобающей и более высоким ученым званиям беспристрастностью сразу же оговорил, что познакомит с фактами, могущими иметь различные толкования, из которых он произвольно выбирает лишь нужные ему, в принципе не отвергая остальных.

Читателю самому предоставлялось судить о том, что он видит перед собой. А видел читатель изображение отпечатка на песчанике миллионолетней давности, найденное учеными в пустыне Гоби, который походил на... след сапога. Кто ступал на Землю миллион лет назад, когда и человека на ней еще не было? Он видел фотографию костей очень древних животных, найденных в одесских катакомбах. Эти кости оказались ОБРАБОТАННЫМИ, притом МЕТАЛЛИЧЕСКИМ ИНСТРУМЕНТОМ и ПО-СЫРОМУ. Кто мог это сделать миллион лет назад? Он видел фотографии черепов неандертальца и древнего бизона, живших сотню тысяч лет назад — один в нынешней Африке, а другой — в теперешней Якутии. На этих черепах идеально ровные круглые отверстия без лучевых трещин, словно пробиты они... пулей. Кто мог стрелять на Земле сто тысяч лет назад? И наряду с другими интереснейшими фотографиями читатель видел знаменитую Баальбекскую веранду, сложенную из исполинских плит весом более тысячи тонн, непостижимым образом поднятых из каменоломни на вершину горы. Кто мог сделать это на заре человеческой культуры? Может быть, все это связано с посещением Земли инопланетными космонавтами?

Я не говорю уже о пресловутом тунгусском метеорите (который, по всеобщему признанию, «перестал быть метеоритом»), исследуемом ныне различными группами ученых не только как ядро, может быть, столкнувшейся с Землей кометы, но и как ЯДЕРНЫЙ ВЗРЫВ (не инопланетного ли космического корабля?). Этой проблеме посвящаются теперь уже не фантастические рассказы, а статьи в докладах Академии наук СССР, доклады и выступления на собраниях ученых (например, доклад Ф. Ю. Зигеля и выступления А. В. Золотова, Л. Н. Усачева и других на Метеоритной конференции этого года в Ленинграде).

Обо всем этом пытливые читатели, судя по их письмам, всерьез задумывались, выслушав моего аспиранта. И мне казалось, что это хорошо, это заставляет по-новому взглянуть на человеческую историю, на происхождение легенд, поверий и даже верований (многие готовы видеть в этом даже подрыв основы религии), помогает увидеть во всем многообразии Вселенную.

Теоретически никто ныне, даже самые ярые скептики, не решается отвергать возможности существования разумной жизни в космосе и даже посещения Земли инопланетянами. Однако одним это кажется крайне маловероятным, а другие в полемическом азарте, как, например, М. Васильев в своей статье «Возможен ли прилет звездных космонавтов», договариваются до того, что цивилизации иных миров, дескать, столь древни и столь высоки, что им нечего общаться с такими примитивами, как мы, грешные, ибо ни нам, ни им никогда якобы друг друга не понять. Они упускают из виду при этом, что диалектическое понятие высочайшей культуры ИСКЛЮЧАЕТ «НЕПОНИМАНИЕ», ибо «ЗНАТЬ» — это «ПОНИМАТЬ».

Так неужели же все-таки ЗВЕЗДНЫЕ ПРИШЕЛЬЦЫ побывали на Земле и миллион лет, и сотню тысяч лет, и несколько тысячелетий тому назад... и даже в наше время?

Или все это только фантастика?

И вот мой герой фантастического рассказа, оперировавший отнюдь не фантастическими документами,— фотографиями, явился ко мне собственной персоной и стукнул кулаком по столу.

— Вы поставили меня в ужасное положение,— заявил он,— опубликовав мои мысли!

— Но ведь это в фантастическом рассказе! — попробовал оправдаться я.— Академик Обручев в романе «Плутония» предположил даже, что Земля полая и обитаема внутри...

Аспирант положил на стол кипу газет.

— Полюбуйтесь! Вот как реагируют на «фантастику»!..

— Здесь спорят со мной!

— Если бы с вами!.. Вас или совсем не упоминают, будто вы тут ни при чем, или вежливо с вами раскланиваются. А нападают на меня.

— На вас? Но...— Я хотел сказать, что мой аспирант — лицо вымышленное.

— Я мысль,— сказал он и сел.

Я неуверенно листал газеты, не поднимая глаз на своего героя. Я заметил, что некоторые статьи протестуют против «спекуляции» на космосе и против опошления науки.

— Видите? — с укором сказал аспирант.— Обручева ни в чем не обвиняли. А я спекулирую, я опошляю науку!

— По мнению ученых? — спросил я.

— Нет. Ученые на дискуссии по этим вопросам в Доме журналистов в Москве и по Московскому телевидению в 1961 году не высказывали таких упреков. С выпадами против меня и против других лиц, разделяющих эти взгляды, выступал, например, журналист Владимир Львов. Вам хорошо,— продолжал сердиться аспирант,— вас, писателя, по дружбе, наверное, он даже не упоминает, но он набрасывается на одного из ваших читателей, на ленинградского доцента Зайцева, который под впечатлением прочитанного усомнился в библейской легенде о Христе, подумав — нигде не написав, просто подумав! — что не влияли ли на эту легенду возможные посещения космонавтов в прошлом? Ведь в народных преданиях должны были остаться некоторые детали, вроде летевшей звезды, остановившейся над городом Вифлеемом, рассуждения космонавтов (и Христа!) об ином мире и т. д. Владимир Львов опровергает Зайцева не с помощью каких-либо аргументов, а с помощью таких выражений, как...— аспирант взял одну из газет,— «антинаучная пошлость», «монументальное невежество», «спекуляция», «фальшивка»...

Герой моего рассказа перешел к мыслям Владимира Львова, непосредственно его касавшимся:

— Как вы помните, знакомя с фотографиями, я говорил, что они могут толковаться по-разному, и я с уважением отношусь к иным, чем моя, точкам зрения на любой из приведенных мною фактов. Но Владимир Львов ставит меня в затруднительное положение. Посмотрите, пожалуйста, на эти фотографии этрусских камей. На одной из них изображен человек в одеянии, напоминающем водолазный или космический скафандр, на другом,— казалось бы, веселый корабль, привычной древнему художнику формы, но без... весел и со странными лучами за кормой, напоминающими реактивные выбросы.

: антеннами.

«Великий бог марсиан».

Старинные фигурки, найденные в Японии.

— И ваш оппонент опровергает это?

— Весьма своеобразным образом. Относительно камня с человеком в скафандре он заявил, что это вовсе не камея, потому что он такой в Эрмитаже не нашел, а «интальи», то есть вдавленная резная печать, где изображение вырезается с помощью полукруглого резца с вращающейся головкой и фигурки людей всегда получаются из вдавленных кружков разной величины.

— Позвольте,— прервал я,— но ведь на фотографии, судя по теням, не вдавленное, а выпуклое изображение?!

— Совершенно верно. Очевидно, Владимир Львов не дал себе труда посмотреть на то, что он опровергает...

— А корабль без весел с реактивными выбросами?

— Конечно, это было мое предположение,— ответил аспирант.— Я видел в нем иллюстрацию к подлинным древнеиндийскому и санскритскому описаниям реактивных кораблей, но мой оппонент опровергает это мнение, безапелляционно утверждая, что это «перья хвоста мифологического животного гиппотамта (изображением головы этого животного обычно украшалась передняя часть средиземноморских галер, а хвост украшал корму).

— Значит, это хвост гиппотамта? А где же голова?

— Головы гиппотамта даже оппонент не увидел. Вместо нее различимы какие-то шаровые разрядники, между которыми проскакивают молнии.

— Пожалуй, неубедительное у него опровержение. А как же опровергнуты остальные ваши аргументы?

— Они просто не рассмотрены и уничтожены общим заявлением, что «находятся на том же уровне». Мне кажется этот уровень неплохим... С Баальбекской верандой, о которой доцент М. М. Агрест сказал, что она не могла быть сооружена с помощью техники, известной древним людям. Владимир Львов разделался очень просто.

— Он доказал, что древние могли поднять тысячетонные плиты на гору?

— Нет. Он просто заявил, что усомниться в строительном искусстве древних людей — это нанести оскорбление человечеству, принизить его историю. А так как делать это непатриотично, то и задумываться над тем, как могли люди построить Баальбекскую террасу, «антинаучно».

— Простите, а сейчас люди могли бы построить Баальбекскую веранду?

— С помощью известных ныне технических средств? Нет, не могли бы. Посмотрите на фотографию одной из плит Баальбекской террасы, так и не отделенную от скалистого массива в старой каменоломне. Поднять на гору полторы тысячи тонн! Таких кранов нет.

— Кажется, блоки пирамиды Хеопса не превосходили двадцати тонн?

— Да.

Аспирант улыбнулся. Но настроен он был серьезно и повел атаку на меня с новой силой.

— Теперь коснемся «великого бога марсиан» — так назвал французский профессор Анри Лот шестиметровый рисунок многотысячелетней давности, обнаруженный им на скале в Сахаре. Что это? Шлем или тыква?

— Тыква? Почему тыква?

— Я высказал предположение, что рисунок сделан с натуры или по памяти древним художником, видевшим или слышавшим описание инопланетных пришельцев, побывавших на Земле.

Великий бог марсиан! Рисунок древнего космонавта! Еще бы мне не знать его! Как-то при встрече с Юрием Гагариным я показал ему этот рисунок, шутливо заметив, что это — самое древнее изображение космонавта, которое ему когда-либо предъявляли для автографа.

— И похоже... и не похоже! — сказал Гагарин и надписал фотографию.

Очень точно сказано! Это не может походить, но... что же есть общего? Об этом и стал как раз говорить мой аспирант:

— Это шлем. Обратите внимание на воротник. Шея толще головы, на воротнике горизонтальные складки. Так можно изобразить только герметический воротник, переходящий в непроницаемую, спадающую складками одежду — скафандр. Обратите внимание на усиливающие крепления шлема. Они говорят, что давление вне шлема и снаружи было неодинаково.

Я развернул одну из принесенных аспирантом газет и увидел там такую же фотографию. Член Московского общества естествоиспытателей Ю. Решетов вежливо спорил с моим героем, утверждая, что это не скафандр, а просто обрядовое одеяние жреца. Даже знаменитая фреска с существами в скафандрах, обнаруженная тем же Анри Лотом в Сахаре, с изображением параболических антенн над шлемами, кажется Ю. Решетову всего лишь головным убором, который и в наши дни можно было увидеть во время празднеств провозглашения независимости Ганы. А герметический шлем звездного пришельца, на котором можно разглядеть и отверстия для глаз и толщину этого шлема,— это... всего-навсего тыква!..

— Тыква? — вопросительно посмотрел я на своего героя.— Значит, не шлем, а тыква, из которой делали да и продолжают делать в Африке маски? И не скафандр, а маскарадный балахон?

Аспирант серьезно посмотрел мне в глаза:

— Да. Это все верно.

— Верно? — отшатнулся я. «Что это? Мои герои перестают повиноваться мне? Зачем же я их выдумал, если они «перекидываются» на сторону моих противников в споре?»

— Это все верно,— продолжал аспирант.— Действительно, и тыква могла быть на голове в виде маски и одеяние жреца могло напоминать скафандр...

— Значит, капитулировали? Никаких древних космонавтов не рисовали древние художники на скалах в Сахаре? — с горьким упреком сказал я.

Аспирант не ответил, он спросил:

— Помните знаменитый спор о курице и яйце?

— Кто появился раньше?

— Вот именно. Наскальные рисунки в Сахаре и обрядовые одеяния с масками — это просто одно и то же.

— Почему одно и то же? Рисунки и маски?

— Конечно! То и другое нужно было нарисовать или соорудить с помощью воображения, игры фантазии. А воображение, фантазия не могут быть оторваны от опыта.

— Да, да! — вспомнил я.— Даже китайский сказочный дракон был создан фантазией людей из знакомых деталей: из пасти ящерицы, крыльев летучей мыши и хвоста змеи.

— Вот именно. Человек может вообразить, нарисовать, воспроизвести в виде маски или костюма только то, что он видел, видоизменяя, комбинируя, но... только то, что ему знакомо.

— К чему вы ведете? — напрямик спросил я своего героя.

— К тому, что мой оппонент Ю. Решетов прав во всем, кроме ответа на вопрос, что было раньше. Он поместил в газете фотографию тыквы, сообщив, что это один из «прототипов космического шлема». На мой взгляд, он ошибается в том, что появилось раньше — шлем или тыква. Да, тыква напоминает космический шлем, и ее использовали для обрядовых масок, но... почему? Да потому, что не тыква породила шлем, а шлем, когда-то виденный древними, возможно, на головах у звездных пришельцев, воспроизводился потом при помощи тыквы в религиозных ритуалах. Что требовать от наших предков, когда наши современники толкуют о недосягаемой пониманию культуре иных миров? Вот и вошли в ритуалы обрядовые одеяния, напоминающие скафандры, и маски-тыквы, не прототипы, а копии космических шлемов, на протяжении тысячелетий переходившие из поколения в поколение. И совершенно так же дошли до современных жителей Ганы головные уборы, которые воспроизводят виденные когда-то прежде у гостей из космоса параболические направленные антенны.

— Ну знаете ли!..— отодвинулся я, смотря на собственное творение.— Выходит дело, мы с вами берем на вооружение аргументы наших оппонентов?

Аспирант улыбнулся:

— Оппоненты в споре всегда помогают.

Теперь настала моя очередь удивить своего героя.

— Хотите, я покажу вам древнее скульптурное изображение «великого бога марсиан»?

Я достал фотографию и показал аспиранту.

Он жадно вцепился в нее, поправляя очки и не веря своим глазам.

— Откуда это? Из Сахары? — глухо спросил он.

— Нет. Эта фигура многотысячелетней давности найдена во время раскопок на острове Хонсю в Японии.

— Непостижимо! — воскликнул аспирант.— Значит, верно предположение, что много тысяч лет назад огромный звездолет стал искусственным спутником нашей планеты, посылая во все ее населенные районы «космические шлюпки». И они побывали и в Индии, и в Японии, и в Малой Азии,

ПОСПОРИМ

и в Африке, наконец, в Южной Америке. Недаром остались там Ворота Солнца с неземным календарем, в котором не 365, а 290 дней в году. Недаром так схожи древний рисунок в Сахаре и древняя японская скульптура космонавта...

— Не знаю, так ли все это, но... во всяком случае, это возможно,— осторожно сказал я.

— Откуда у вас эти фотографии? — взволнованно спросил аспирант.

— Один из зарубежных читателей, американец Курт В. Зейсиг, живущий в Калифорнии, прислал мне серию фотографий этих древних скульптур, в которые стоит всмотреться.

И я выложил перед своим героем фотографии, присланные мне уже отнюдь не вымышленным лицом.

— Поразительно! — шептал мой увлеченный герой.— Это же шлемы, скафандры!..

— Если прототипами этих фигур были неведомые гости Земли, которые, по многим легендам, прилетели с какой-то звезды, то... посмотрите на любопытное, нечеловеческое устройство их глаз.

— В самом деле! — вскричал аспирант.— Их глаза закрывались не веками, как у людей, а затягивались пленками сверху и снизу, смыкающимися посередине.

— И если размер глаз не стилизован,— обратил я внимание аспиранта,— то, надо думать, глаза их были рассчитаны на куда меньшее освещение, чем на Земле...

— Да, да... И они смотрели на Землю сквозь узкие щелки.

— Прищурившись...

— Но ведь это надо исследовать! Нужно, чтобы этим вопросом занялась не только фантастика, но и наука!

— Дорогой мой герой, именно это и есть наша цель. Наука занялась тунгусской проблемой в фантастическом плане, наука должна заняться и проблемой «следов из космоса», рассматривая их не оторванно, а в комплексе. Можно заподозрить стилизацию рисунков или скульптур, но нельзя это сделать оторванно, скажем, от календаря Тиагуанако, не объяснив, почему на Воротах Солнца высечен неземной календарь, не вдумавшись в описание на древнеиндийском и санскритском языках реактивных кораблей, не исследовав (внутри! — как предлагал доцент М. М. Агрест) Баальбекскую веранду,— словом, отмахиваясь от всего того, на что обратил внимание человек под влиянием вторжения своего в космос.

— Это верно. Никогда мы не задумывались бы над следами гостей из космоса, если бы сами не становились ныне гостями в космосе.

— Значит, гости из космоса все же существуют бесспорно. И, по крайней мере, четырех из них: Гагарина, Титова, Николаева и Поповича, этих богатырей Вселенной,— мы считаем своими героями, героями Знания, героями Земли.

Мой собеседник исчез. Но фотографии и письмо американца остались на столе.

Конечно, все это очень фантастично, но... может быть, стоит заняться этим всерьез?